

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

1949

Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР — *А. Д. Удальцов*
зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редакционной коллегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

ЗА ПАРТИЙНОСТЬ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ!

Великая партия Ленина — Сталина неоднократно обращала внимание советских ученых на необходимость повышения теоретического уровня исследовательских работ и указывала конкретные пути построения марксистско-ленинской науки.

Особую заботу проявили наши руководители и лично товарищ Сталин об идеологическом фронте и об исторической науке в частности. Выход в свет гениального труда И. В. Сталина «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» живым примером огромной исследовательской работы указал путь конкретного марксистского исследования во всех областях науки и прежде всего науки исторической.

Однако, несмотря на исторические постановления Центрального Комитета нашей партии по идеологической работе и широко проведенную философскую дискуссию, не все ученые включились в борьбу с буржуазными идеалистическими концепциями, последовательно применяя в своей работе марксистско-ленинскую методологию. Нашлись и такие, которые явились прямыми проводниками буржуазных влияний на советскую науку.

Это наглядно показало разоблачение в биологии реакционного вейсманистского направления. Развернувшаяся борьба против этого реакционного направления в биологии имеет исключительно большое значение для всех областей советской науки, так как «борьба мичуринцев с вейсманистами является формой классовой идеологической борьбы социализма с капитализмом на международной арене и с пережитками буржуазной идеологии у части ученых внутри нашей страны».¹

Столь же важной для советской науки является широко проводимая сейчас борьба с группой безродных космополитов, охаивавших величайшие произведения искусства и литературы нашего народа и пытавшихся увлечь работников советской культуры на путь рабского копирования образцов упадочной культуры разлагающегося империалистического мира. Они систематически чернили многие прогрессивные, глубоко партийные, истинно советские произведения наших художников, драматургов, работников театров и кино. Можно отметить такие случаи и в области науки.

Было бы наивно думать, что эти явления не имеют отношения к нашей археологической науке. Советским археологам особенно важно самокритически рассмотреть свою работу, чтобы успешно вести борьбу с отдельными проявлениями космополитизма и низкопоклонства перед буржуазной наукой и всяческими пережитками буржуазной идеологии, проявляющимися, в частности, в бездейности и аполитичности.

Советские археологи сделали весьма много для того, чтобы наша наука заняла равноценное место в семье других исторических дисциплин. Археологические исследования, ведущиеся во всех уголках нашей необъятной Родины, позволили составить научную историю таких ее обла-

¹ «За процветание нашей передовой науки», «Правда» № 240 от 27 августа 1948 г.

стей, о населении которых до недавнего времени не было почти никаких исторических сведений. Сейчас ясно, что только с помощью археологических изысканий возможно написание подлинно научной истории народов СССР. Особенно важна роль археологических работ, следующих по пути этногенетических трудов академика Н. Я. Марра, в выяснении происхождения народов. Этногенетические исследования в области археологии, основанные на учении И. В. Сталина о нации, служат сильнейшим орудием в борьбе против человеконенавистнических построений расистов всех мастей из реакционного буржуазного лагеря.

Последовательно проводимое материалистическое объяснение археологических фактов, основанное на учении об общественно-экономических формациях, позволяет советским археологам в лучших своих исследованиях решительно преодолевать формально-типологические схемы буржуазной науки с ее механическим миграционизмом и достигать, в меру возможностей вещественных источников, конкретного изображения исторического процесса.

Однако наряду с этими успехами, отраженными в многочисленных археологических изданиях и в невиданном развороте археологических экспедиций, советская археологическая наука имеет и ряд существенных недостатков, детально обсужденных за последнее время на заседаниях Ученого Совета Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук в Москве и Ленинграде.

Далеко не все советские археологи стремятся развить тематику, обобщающую результаты больших исследований и ставящую общие проблемы истории древних обществ, истории их материальной культуры и этногенеза. Советской археологии стала угрожать волна описательных работ, сугубо эмпиричных, посвященных частным темам, избегающим принципиальных исторических выводов. В номерах «Кратких Сообщений ИИМК», выпусках «Советской Археологии» и в большинстве археологических сборников, публикуемых в других археологических центрах нашей страны, обобщающие и критические статьи печатаются редко; крайне недостаточно число работ по разоблачению реакционных взглядов современных буржуазных археологов.

Широко используя в своих исследованиях в основном правильные выводы советских антропологов об эпохальной изменчивости расовых признаков человека, археологи не обратили, однако, внимания на то, что объяснения, которые давались антропологами этой изменчивости, содержали иногда пережитки формально генетических воззрений, отступая от трудовой теории Энгельса.

Некритическое восприятие лишь конечных выводов смежной дисциплины ослабляет позиции советских археологов в их многолетней, последовательно проводимой борьбе с реакционнейшей антинаучной расовой теорией. Здесь очевиден вред ослабления критического восприятия материала и тем самым усиления объективистского отношения к исследованию.

Между тем, еще критикуя Струве, В. И. Ленин с предельной четкостью определил порочную сущность объективизма и глубокое отличие от него материализма, который «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».¹

Все эти недостатки оказали влияние и на большие работы, опубликованные за последнее время советскими археологами.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 275—276.

Прежде всего их отразили университетские учебные пособия.

В книге А. В. Арциховского «Введение в археологию» изложение ведется объективистски, в аполитичном тоне. Автор не счел нужным предпослать своей книге вводную часть, где был бы определен предмет и метод советской археологии, а также ее принципиальное отличие от буржуазной науки. Нет в книге и последовательной критики реакционных теорий буржуазных археологов, а выводы советских исследований в большинстве случаев преподнесены читателю без сообщения о той принципиальной борьбе, в результате которой они были достигнуты.

В то же время споры специалистов по второстепенным вопросам освещены чрезвычайно подробно. Примером может служить изложение споров о назначении сфероконических сосудов.

Социально-экономические характеристики разбираемых обществ во многих главах книги отсутствуют и за счет этого чрезмерное внимание уделено формальному описанию вещевого материала. Остаются в книге А. В. Арциховского не освещенными и вопросы этногенеза, являющиеся важнейшим достижением советских археологов.

В. И. Равдоникас во II части «Истории первобытного общества», которую он выдает за марксистско-ленинский учебник о первобытно-общинном строе, перейдя к практической реализации излагаемых теоретических положений, решился на недопустимое «приспособление» периодизации Ф. Энгельса к своим неверным взглядам. Это заставило его приписать все племена периода варварства низшей ступени, а среднюю ступень варварства иллюстрировать примерами кочевников Средней и Центральной Азии, имевших развитый классовый строй, что совершенно исказило характеристику эпохи варварства.

Излагая теории буржуазных ученых, В. И. Равдоникас не дал развернутого и разоблачения. Так, В. И. Равдоникас безоговорочно принял теорию анимизма Тэйлора и некритически использовал положения и примеры из «Первобытного мышления» Леви Брюля. То же следует сказать и об изложении Фрезера и формалистических схем западноевропейских археологов. Необходимо также отметить ничем не оправдываемое резкое преобладание зарубежных материалов над материалом по археологии и этнографии СССР. При этом тщательно отмечаются имена даже третьестепенных иностранных ученых, в то время как советские археологи не упоминаются вовсе и советская наука предстает перед читателем анонимной.

В этом проявились космополитические взгляды В. И. Равдоникаса, и раньше клеветнически изображавшего русскую, а затем и советскую археологическую науку, послушно следующей за буржуазной археологией Запада.

Недостатки, подобные отмеченным в общих руководствах по археологии, имеются и в специальных исследованиях.

В ряде работ советские археологи недостаточно критически относятся к взглядам буржуазных ученых. Одним из примеров этого может служить обстоятельная публикация С. И. Руденко «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», где автор во многих случаях еще использует классификации американских исследователей, а также книга А. Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—IX вв.», в которой благодаря искусственному построению единого тюркского народа и государства Центральной Азии некоторые выводы автора оказываются близкими к построениям буржуазных исследователей. Недостаточно критически относятся советские археологи и к русской дореволюционной науке. Ее материалы широко используются, но без необходимых критических разборов. За последнее время это нашло свое отражение в ряде ра-

бот, в том числе и в научно-популярной литературе, например, в книжке В. Д. Блаватского «Искусство Северного Причерноморья».

В работах советских археологов-антиковедов еще сохранился идущий от буржуазной науки взгляд на греческих и римских завоевателей и колонизаторов прежде всего как на носителей высокой культуры, распространивших ее среди завоеванного населения. Ограбление и эксплуатация ими завоеванных стран и собственного народа вскрываются явно недостаточно. Примером такого отношения к истории греческой культуры является недавно вышедший сборник «Эллинистическая техника», особенно его разделы, составленные М. И. Максимовой, где мы не найдем характеристики рабского труда и форм рабовладельческой эксплуатации.

Крайне недостаточно освещаются в наших изданиях выдающиеся достижения советских исследователей древнерусских городов.

Десятилетиями здесь ограничиваются «предварительными сообщениями» и формалистическими «краткими обзорами». Это затрудняет разработку истории и истории культуры древнерусского города. В некоторых же работах имеются элементы идеализации общественных отношений в древнерусском городе, например, в популярной книжке Н. Н. Воронина «Древнерусские города».

Общее рассмотрение положения в археологической науке и приведенные примеры недостатков в работе прежде всего свидетельствуют о необходимости поднять теоретический уровень археологических исследований, шире развивая критику и самокритику. Нужно не ограничивать задачу археолога источниковедением, не замыкаться в кругу узких специальных вопросов, но ставить важные исторические проблемы, решение которых только и возможно в условиях советской науки, опирающейся на теорию марксизма-ленинизма.

Благодаря вооруженности советских ученых самой передовой в мире теорией, а также благодаря широчайшим возможностям, предоставленным науке в нашей стране, археологи СССР могут ставить и решать сложнейшие исторические проблемы этногенеза современных народов, истории древних племен, форм хозяйства, быта и общественных отношений. Именно в эту сторону и нужно направить усилия советских археологов, которые должны работать с еще большей целеустремленностью, не распыляя сил.

Последовательное применение марксистско-ленинской теории и беспощадная борьба против всяких антимарксистских фальсификаций истории в археологической литературе обеспечат в нашей области дальнейший рост советской науки, к которому призвал ученых СССР товарищ Сталин.

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА АФОНТОВОЙ ГОРЕ

Возвышенность второй надпойменной террасы вблизи железнодорожного моста через Енисей в г. Красноярске, Афонтова гора, пользуется в науке широкой известностью как местонахождение ряда выдающихся палеолитических поселений и место, где были найдены костные остатки самого палеолитического человека. Но мало кто знает, что с Афонтовой горой связаны более поздние находки неолитического типа, значительно дополняющие наши представления о памятниках этого еще очень слабо изученного этапа первобытной истории. Таковы, в частности, наши находки в сентябре 1937 г. при раскопках известной палеолитической стоянки Афонтова гора II. При этом обследовано было и то место, где в 1933 г. оказалось погребение, сопровождавшееся костяными и другими изделиями архаического облика. Погребение это обнаружил геолог А. С. Хоментовский; раскопку произвел А. Ф. Катков, подробный отчет которого вместе с найденными вещами хранится в Красноярском музее.¹ На расстоянии около 3 м к востоку от раскопанного А. Ф. Катковым погребения оказались остатки второго, и по всем признакам столь же древнего, погребения.²

Из лёссовидной толщи обрыва, на глубине 1.2 м от поверхности, выступали побелевшие под действием солнца и потрескавшиеся концы человеческих ребер, позвонки, а также локтевая кость, нижний эпифиз которой, торчавший наружу, оказался обломанным. Все эти кости располагались вблизи друг от друга, одним скоплением и на одном уровне. Несколько ниже в осыпи оказались кости запястья, очевидно смытые сверху. Скопление костей в длину занимало пространство около 1.45 м. Вместе с человеческими костями в восточном конце скопления среди обломков ребер было найдено костяное острие шиловидной формы. Оно находилось в горизонтальном положении и торчало наружу своим обломанным острием.

При зачистке стенки обнажения и после снятия дерна, непосредственно под дерновым покровом, на восточном конце раскопа было замечено понижение темноокрашенного суглинистого слоя, подстилающего дерн. Западина имела вид как бы чаши, разрезанной пополам обрывом. Глубина за-

¹ Ср. Архив ГАИМК, дело № 168 за 1932 г., отчет о раскопках А. Ф. Каткова на Афонтовой горе у г. Красноярска в 1932 г. Первые сведения о находке в 1933 г. на Афонтовой горе древнего погребения опубликовал В. И. Громов; В. И. Громов. Из полевых археологических наблюдений на Енисее летом 1933 года. Проблемы истории материальной культуры, № 2, 1934, стр. 97—99.

² В раскопке погребения, найденного в 1937 г., участвовали В. И. Нешумаев, А. Д. Фатьянов и А. Н. Мельников.

падины не превышала 30 см. На самом дне ее находилась сильно истлевшая человеческая трубчатая кость, повидимому большая берцовая. Она лежала в наклонном положении на глубине 30 см от поверхности почвы и обращена была нижним концом на север, к даче Юдина. У верхнего конца кости оказались мелкие угольки. На расстоянии 35 см к востоку от этой кости были обнаружены еще хуже сохранившиеся фрагменты второй такой же трубчатой кости с утраченными эпифизами. Вторая кость лежала несколько глубже первой.

Суглинистое пятно, выполнявшее западину, резко выделялось своей темнокоричневой окраской (почти шоколадного тона) на фоне светложелтой толщи лёссовидных пород Афонтовой горы и, очевидно, было остатком уничтоженной обрывом могильной ямы. Судя по резким очертаниям этой могильной ямы, она не имела связи с остатками человеческого костяка, встреченными глубже в обнажении. Это было позднейшее погребение, почти целиком разрушенное. Захороненный здесь костяк был, как видно по расположению берцовых костей, ориентирован головой на юг, т. е. почти перпендикулярно руслу р. Енисея.

При послыном углублении раскопа до 1.2 м было расчищено и отмеченное в начале сообщения скопление человеческих костей, т. е. второе, нижнее, погребение. Эти кости лежали в лёссовидной толще, резко отличаясь, тем самым, по своему положению от остатков верхнего погребения, связанных с темным почвенным суглинком. Определенных следов могильной ямы прослежено не было, но на всем пространстве, занятом человеческими костями, была заметна легкая примесь красной краски (крававика), придававшая местами желтой лёссовидной глине легкий розовый или даже темнокрасный оттенок. Кое-где видны были мелкие и сильно перемешанные с частицами глины крупинки охры.

Кости человека располагались в одной горизонтальной плоскости, хотя и в большом беспорядке.

В самом конце раскопа, с восточной его стороны, была отдельно обнаружена нижняя челюсть, обращенная восходящими ветвями вверх. Около челюсти, но несколько ниже ее, лежали обломки ребер и мелкие кусочки черепа. В средней части раскопа найдены были лежавшие в беспорядочной куче человеческие ребра — в большинстве поломанные, позвонки и правая лопатка. Несколько далее, ближе к западному концу раскопа, лежали локтевые и лучевые кости обеих рук одного костяка, расположенные параллельно друг другу, и их фаланги. Нехватало лишь одной лучевой кости. Под костями рук земля была особенно интенсивно окрашена охрой и в ней оказались густо рассеянными мелкие бусинки из раковин. Здесь же были найдены зубы мелкого хищника.

В средней части раскопа, на 10 см глубже основного скопления костей, оказалась недостававшая лучевая кость, а под ней в слое охристой земли найден кремневый отщеп и скопление перламутровых бусин.

В восточном конце раскопа, на той же глубине, встречена была еще одна нижняя человеческая челюсть, точно так же принадлежавшая взрослому индивиду. Около этой челюсти лежали почти в правильном анатомическом положении локтевая и лучевая кости. Около них были рассеяны кости запястья и фаланги пальцев, обломки ребер, позвонки и зубы человека, а также коленная чашечка.

В самом конце раскопа найдены шейные позвонки, в том числе атлант, а около последнего — фаланги пальцев, обломки ребер.

В средней части раскопа, кроме бусин, был найден обломок костяной иглы. В восточном его конце нашлось особое небольшое скопление вещей. Это были длинные костяные иглы без ушков (одна целая), бусинки из раковин и глиняный орнаментированный сосудик. Сосудик был раздавлен

землей и лежал на боку, отчасти сохраняя свою форму. Иглы лежали рядом (две параллельно друг другу, две крест-накрест). Костяной шиловидный предмет, найденный в средней части раскопа и торчавший из обнажения своим острием, оказался завершенным на своей «рукояти» скульптурным изображением человека.

Наличие двух нижних челюстей и общее количество костей верхних конечностей не оставляет сомнений в том, что описываемые остатки принадлежали костякам двух взрослых людей. Расположение всего скопления костей в охристом пятне по линии с востока на запад дает право предполагать, что это двойное погребение имело общую ориентировку с востока на запад. Это подкрепляется также наличием в восточной части раскопа локтевой и лучевой кости, сохранивших взаимное правильное расположение и ориентированных по той же основной линии — с востока на запад. Следовательно, костяки были расположены головами на восток.

Беспорядочное расположение костей обоих скелетов и отсутствие черепов и костей нижних конечностей свидетельствуют о том, что погребение сильно пострадало. Предположение о действии оползания здесь мало вероятно, так как сползать костяки должны были вниз по склону, т. е. в данном случае с севера на юг. Между тем кости смещены в направлении с запада на восток, причем перемешаны ребра, зубы и даже коленная чашечка. Вероятно, что погребение подверглось разграблению, так как следов зубов животных на костях не обнаружено. Воздействием человека следует объяснить и отсутствие четких контуров могильной ямы и перемешанность заполняющей ее охристой земли. Указанием на глубокую давность грабительского акта может служить как отсутствие ясных следов грабительской ямы, так и наличие остатков описанного более позднего верхнего захоронения, могильная яма которого была заполнена темным почвенным суглинком, тогда как описываемое нижнее погребение лежало уже в лёссовидной толще.

В то время как верхнее, позднейшее, погребение почти целиком уничтожено, нижнее сохранило характерные вещи, позволяющие его датировать и бросающие дополнительный свет на жизнь древних обитателей долины Енисея у Красноярска.

Инвентарь найденного нами нового погребения на Афонтовой горе состоит из следующих предметов (рис. 1):

1) Скульптурное изображение человека (рис. 1, 3). Представляет собой сильно суженный книзу шиловидный стерженек с обломанным острием. Противоположный острию массивный конец сохраняет следы гладкой поверхности сочленовой головки и скульптурно оформлен в виде человеческой головы. Голова выполнена тщательно и умелой рукой мастера. Черты лица крупные и резкие. Лоб низкий и широкий, отделяется крутым уступом от глубоких глазных впадин. Нос треугольный, большой, сильно выдается вперед. Под ним — глубокая полулунная ямка, изображающая рот. С левой стороны головки имеется выбоина — результат позднейшего повреждения фигурки. Голова отделена от уплощенного «туловища» крутым уступом широких плеч и грачью далеко выступающего вперед подбородка. Длина изделия 6 см.

2) Миниатюрный тонкостенный сосудик полуяйцевидной формы, т. е. с прямыми стенками и круглым дном, сплошь покрытый штамповым орнаментом (отгисками штампа — лопаточки с овальным концом). Орнамент расположен зональными лентами (рис. 1, 8). Венчик слегка отогнут наружу, округлен в профиле и кое-где окаймлен снаружи небольшими круглыми ямочками, расположенными одним горизонтальным пояском. Масса, из которой изготовлен сосудик, рыхлая, буровато-желтая, с ясно заметной на-глаз примесью частиц слюды и кварца (высота его равна 8,7 см, диаметр 9 см).

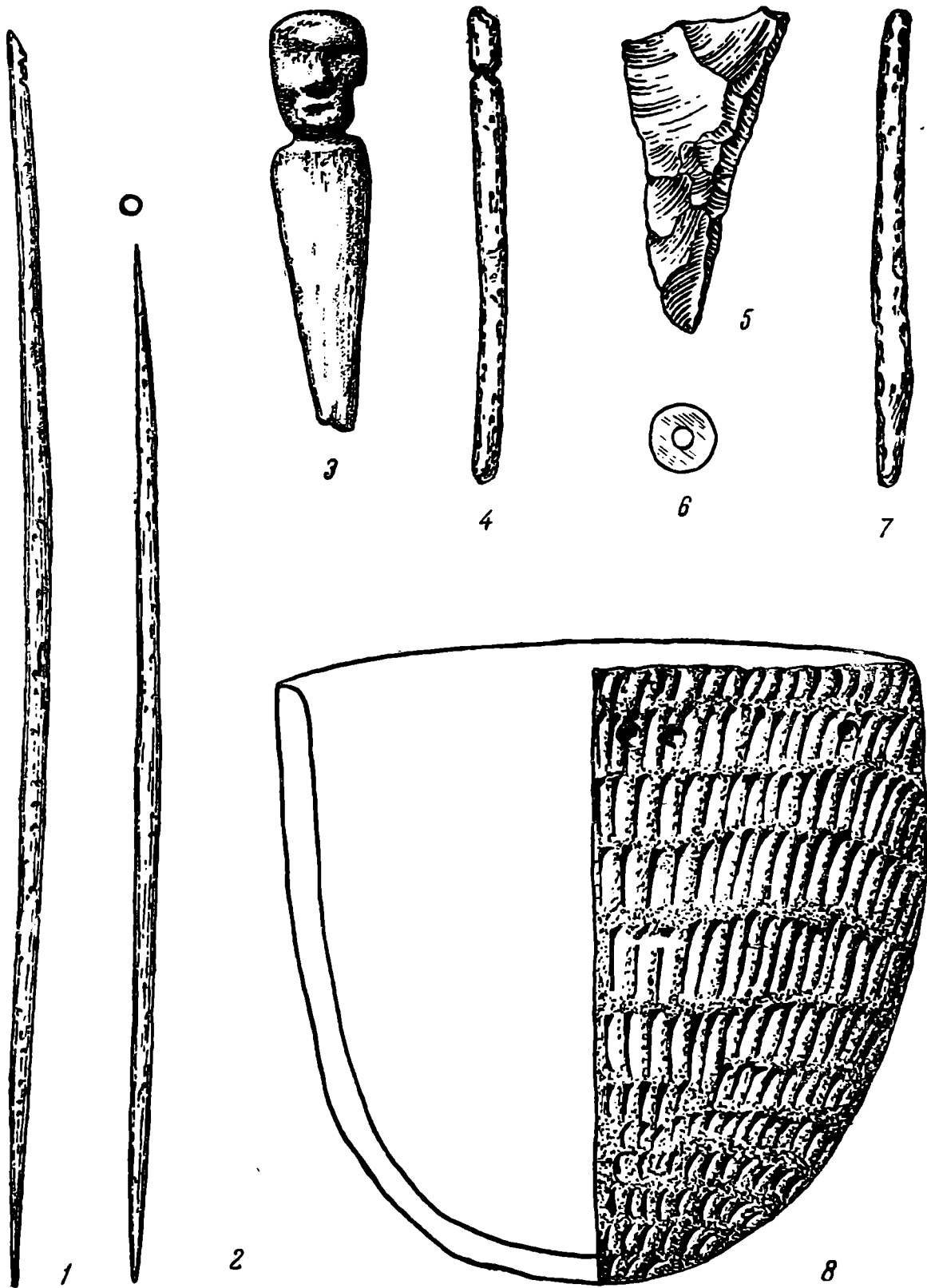

Рис. 1. Инвентарь погребения на Афонтовой горе

1, 2, 4, 7 — костяные острия — иглы; 3 — костяная антропоморфная фигурка;
5 — отщеп; 6 — бусина из перламутра; 8 — глиняный сосудик

3) Костяное острие в виде толстой иглы длиной 6.7 см, толщиной 0.4 см. На утолщенном конце, вместо отверстия, имеются расположенные друг против друга поперечные нарезки.

4) Фрагмент подобного описанному костяного острия. Длина 6.8 см. Оба конца обломаны.

5) Острие того же типа, длинное и тонкое, оба конца сужены, а середина расширена. Один конец остро заточен, другой обломан, но снабжен сбоку двумя глубокими поперечными надрезами. Материал, по видимому, — бивень мамонта. Длина 17.7 см.

6) Острие того же типа и формы, как и описанное выше. Насад не имеет зарубок, а клиновидно уплощен с двух сторон пологими срезами (рис. 1, 1, 2, 4, 7).

7) Бусины из перламутра в виде правильных толстых кружочков (в значительном количестве). Одна сторона кружочков блестящая, другая матовая. Сверлины правильные, конические с одной стороны (глянцевой). Диаметр в среднем около 0.8—0.7 см.

8) Мелкие, очень тонкие бусинки в виде кружочков матово-белого цвета. Диаметр 0.6—0.5 см. Сверлины правильные, круглые (рис. 1, 6).

9) Отщеп из глинистого сланца. Тонкий и плоский, удлиненно-треугольной формы, длина 5 см (рис. 1, 5).

Нет сомнения, что описанное погребение современно погребению, раскопанному в 1933 г. Последнее, согласно отчету исследователя, также оказалось нарушенным. Кости человека, находившиеся в полном беспорядке, лежали и там в слое, окрашенном охрой. Около них были найдены многочисленные бусины-кружочки из перламутра, ничем не отличающиеся от найденных в 1937 г., а также мелкие бусы матово-белого цвета, в свою очередь аналогичные описанным выше миниатюрным бусинкам-кружочкам.

Кроме того, А. Ф. Катков нашел в раскопанном им погребении плоскую костяную подвеску овальной формы, грушевидные бусинки из клыков оленя, бусы-подвески из просверленных резцов животного (лося?), «фрагмент глиняного изделия в виде трубочки»³ и плоское костяное изображение утки. Утка изображена в профиль, плавающей на воде. Трактована она очень схематично.

В связи с этими новыми находками заслуживает внимания, что в старых сборах Савенкова с той же Афонтовой горы имелись отдельные образцы неолитических по типу изделий: шлифованные тесловидные «топоры» и одно искусно изготовленное из белого мелкозернистого мрамора крупное «кольцо» (браслет) с поперечными насечками, сходное с китойскими изделиями из Прибайкалья. Здесь мог, следовательно, существовать неолитический могильник с рядом захоронений.⁴

Как старые находки Савенкова, так и описанные древние погребения, найденные в 1933 и 1937 гг. на Афонтовой горе, представляют значительный интерес, так как существенно дополняют скудные сведения об определенном этапе прошлого Приенисейского края, между палеолитом и эпохой металла. Что касается аналогий им, то следует отметить прежде всего старые находки Передольского, который исследовал на правом берегу Енисея у деревни Перевозной остатки погребения с мелкими бусами-кружочками и с пластинами от панцыря из мамонтовой кости.⁵

Кроме того, большой глиняный остродонный горшок, найденный в г. Красноярске по ул. К. Маркса вместе с костяным предметом и перла-

³ На самом деле это не изделие человека, а естественное известковое образование в виде плотной корки около сгнивших корней растений.

⁴ Н. К. Ауэрбах. Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова (материалы к биографии). Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске, т. VI, вып. 2, 1928. Минусинск, 1929, стр. 174—175.

⁵ Передольский. По р. Енисею и его притокам. Известия РГО, XXXII, в. III.

мутровой бусиной, очень похож по форме и орнаменту на сосудик из второго Афонтовского погребения (1937 г.). Вероятнее всего он происходит из разрушенного земляными работами захоронения.⁶ Повидимому, это все памятники одного времени, одной хронологической стадии. Они следуют за более ранними, представленными некоторыми другими древними могильными памятниками на Енисее у Красноярска, в том числе за отмеченными прежними находками на Афонтовой горе и за погребением с резными реалистическими фигурками лосей и вкладышевыми орудиями из Базаихи, обнаруженным И. Т. Савенковым.

Для ритуала группы неолитических погребений на Афонтовой горе у Красноярска следует считать характерным наличие грунтовых захоронений без насыпей или каменных кладок, а также обыкновение частично засыпать покойников красной охрой — кровавиком. В инвентаре для них характерно наличие круглодонных глиняных сосудов с зонально расположенным, штамповым, по технике нанесения, узором; украшений в виде миниатюрных плоских бусинок матово-белого цвета и более крупных перламутровых бус, подвесок из резцов лося, грушевидных бус-подвесок из клыков морала, скульптурных изделий, в частности шиловидных человеческих фигурок. К этому же комплексу изделий можно отнести мелкие бусы и костяные пластины (латы) из погребения на Переселенческом пункте.

Много общего с этими погребениями в районе Красноярска обнаруживается и в Прибайкалье, где неолитические памятники выявлены и изучены гораздо полнее.

В Прибайкалье, на Лене и Ангаре, хорошо известны, например, как перламутровые крупные, так и мелкие бусинки белого цвета (последние часто неправильно называются «пастовыми», на самом же деле они выделялись из толстых, вероятно речных, раковин). Такие бусы встречаются изредка и в сравнительно ранних комплексах (поздние серовские погребения, а также некоторые китойские). Их находят и в инвентаре энеолитических погребений глазковской стадии, где, однако, такие мелкие белые бусинки имеют уже иной вид и состав (материалом для них является камень — пирофиллит).

Вообще обилие красной краски (кровавика) свойственно китойским погребениям Прибайкалья и составляет их наиболее характерную черту; только в раннеглазковских могильниках Прибайкалья отмечается такое же сочетание небольшого обычно количества кровавика с перламутровыми крупными и мелкими бусинками белого цвета.

Сосудик из второго Афонтовского погребения также встречает по своему орнаменту и форме наиболее близкие аналогии в инвентаре более поздних (чем исаковские и серовские) погребений и поселений Прибайкалья, причем опять-таки преимущественно в находках из глазковских могильников.

В это время по Лене и Ангаре широко распространяются сосуды более простых, чем в памятниках серовской стадии, форм. Гребенчатый орнамент окончательно вытесняется штамповым, наносившимся штампом-лопаточкой. Своеобразная орнаментальная композиция, основанная на сочетании горизонтальных линий и свисающих от них вертикальных или наклонных линий, обыкновенно ограниченная одной лишь верхней частью сосуда, сменяется зональной со сплошным покрытием сосуда узором.

Оригинальная антропоморфная скульптура из второго Афонтовского погребения в свою очередь по материалу и форме сходна с такими же

⁶ G. Meinhart. Sibirien, Neolithikum. Reallexikon der Vorgeschichte, т. XII; В. Г. Карцев. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, стр. 14.

шиловидными идоличками раннеглазковского времени, например из деревни Аносowo на Ангаре.⁷

Сказанное выше позволяет сопоставить оба неолитических погребения, найденных на Афонтовой горе в 1933 г. и 1937 г., с позднейшими китойскими, или, еще ближе, ранними энеолитическими погребениями Прибайкалья типа ановского погребения. Такое сближение подкрепляется встречающимися в низовьях Ангары и по Енисею отдельными вещами китойского типа и обнаруженными в 1937 г. неолитическими погребениями у Мурского порога, на о. Жилом и около деревни Потаскуй, представляющими, как и все вообще неолитические памятники в низовьях Ангары, своего рода мост между близкими друг другу памятниками Красноярского края и Прибайкалья. Из последних наиболее близким к погребениям Афонтовой горы является захоронение на о. Жилом ниже Братска, в котором вместе с каменными шлифованными топорами из сланца, такими же ножками архаической формы, скульптурным двухголовым изображением лося и другими вещами из камня и кости, найдены совершенно такие же, как афонтовские, из погребений 1933 и 1937 гг., перламутровые бусы и красная охра.

Наряду с этими общими чертами инвентаря и погребального ритуала, сближающими афонтовские находки с древними памятниками Прибайкалья, датируемыми самым концом китойской стадии или началом глазковской, в них имеются и некоторые локальные особенности. У костяных игловидных острий из второго погребения с Афонтовой горы, например, нет ушков. Как и в костяных иглах из раскопок В. И. Йохельсона на Алеутских островах, ушки здесь заменяются насечками. Обращает внимание и частичное сходство отмеченных выше сосудов, особенно большого остродонного сосуда, найденного в самом г. Красноярске, не только с прибайкальской керамикой, но также и с некоторыми сосудами афанасьевских погребений соседней степной полосы Минусинского района. Их сближает яйцевидная форма и зональное расположение узора. Конечно, это не настоящая афанасьевская керамика, но все же наиболее близкая к ней по сравнению с более ранней, еще чисто неолитической керамикой того же Красноярского района.

Можно, следовательно, представить себе место новых находок на Афонтовой горе среди других могильных памятников Красноярского и соседних с ним районов с помощью следующей ориентировочной синхронической схемы:

Прибайкалье	Красноярский край	Минусинский район
I. Исаковская стадия		
II. Серовская стадия	Керамика Серовского типа в Базайхе. Базайха, погребение с фигурками лося	Неолитическое погребение в Батенях, отмеченное С. А. Теплоуховым
III. Китойская стадия	Отдельные находки в Базайхе и др. местах	Афанасьевская культура
IV. Глазковская стадия (ранняя)	Погребения Афонтовой горы (1933 и 1937 гг.)	Наиболее поздние афанасьевские погребения (Тесинские курганы)
V. Глазковская стадия (поздняя)		Андроновская культура
VI. Шиверская стадия	Карасукское погребение вблизи г. Красноярска, найдено в 1942 г.	Карасукская культура

⁷ А. П. Окладников, Археологические исследования на Ангаре. «Сов. археология», IV, стр. 321, рис. 4 (1936 г.).

М. Е. ФОСС

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ

Изучение каменных орудий формально-типологическим методом давно уже не удовлетворяет исследователя. Для выяснения назначения орудий привлекаются этнографические данные, производятся опыты применения их в работе, изучаются следы употребления орудий, сохранившихся на их поверхности.

За последнее десятилетие появляется ряд работ,¹ посвященных результатам изучения следов употребления орудий, устанавливающим характер действия орудия и положение его в момент работы. Стертость, заполированность, щербинны, царапины на рабочей части орудия служат несомненными признаками, определяющими действие орудия и отчасти характеризующими обрабатываемый материал (в отношении степени твердости). Благодаря новому методу С. А. Семенова условные наименования орудий, столь распространенные в археологии, могут быть заменены вполне реальными, соответствующими действительному их назначению. Но следы сработанности наблюдаются далеко не на всех орудиях, так что, применяя этот метод, приходится также руководствоваться (учитывая сходство с полученными уже определением орудиями) их формой и обработкой. Последнее возможно только при условии законченности формы, выработанности типа орудий и высокой технике обработки, что особенно характерно для эпохи позднего неолита.

Примером сочетания этих двух методов является исследование, послужившее темой этой статьи.

В Гос. Историческом музее хранится коллекция Волосовской стоянки, состоящая из материалов сборов и раскопок близ д. Волосова в Горьковской обл.² Эта коллекция, послужившая основанием для характеристики

¹ С. А. Семенов. Результаты исследования поверхности каменных орудий. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, М.—Л., 1940; его же. Изучение следов работы на каменных орудиях. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, вып. IV. М.—Л., 1940; его же. Следы употребления на неолитических орудиях из Ангарских погребений. Матер. и иссл. по археологии СССР, № 2, 1941; М. Фосс и Л. Ельницкий. О добывании камня и о древнейших каменоломных орудиях на севере Восточной Европы. Матер. и иссл. по археологии СССР, № 2, 1941.

² В Горьковской обл. (б. Владим. губ., б. Муромск. у.), из сборов и раскопок А. С. и П. С. Уваровых, В. А. Городцова, П. П. Кудрявцева, Г. Д. Филимонова. См. основную литературу о Волосовской стоянке: А. С. Уваров. Археология России, т. I, М., 1881; В. А. Городцов. Археология, т. I, М., 1925; его же. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году. «Древности», т. XXIV, М., 1914; И. С. Поляков. Исследования по каменному веку в Олонцкой губ. в долине Оки и на верховьях Волги. Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. 9, СПб., 1882; В. М. Иверсен. Заметки о Волосовской стоянке до-

волосовской культуры,³ выделяется на общем фоне памятников позднего неолита совершенством техники обработки кремня и многообразием форм орудий, среди которых, без преувеличения можно сказать, представлены почти все типы кремневых орудий позднего неолита. Количество исследованных орудий превышает две с половиной тысячи. Коллекция хотя и состоит, по преимуществу, из случайных, собранных на поверхности предметов, но, судя по одинаковой технике изготовления и одинаковым типам орудий, она представляет единое целое, дающее возможность рассматривать все собрание как одновременный комплекс.

Выработанная форма орудий позволяет наметить целые серии одного типа орудий. Кремень волосовских орудий — валунный, преобладают коричневато-желтые и серые цвета. Изготовлены орудия из отщепов, ножевидная пластина является редким исключением.

В волосовской коллекции, как и в любой относящейся к неолиту, имеются в большом количестве орудия, называемые обычно «скребками». Им приписывается функция скобления таких материалов, как кожа, кость и рог.

От приписывания им также применения для чистки рыбы следует отказаться. Не говоря уже о том, что для этой цели скребки, рабочая часть которых измеряется 2—3 см, мало пригодны, более чем сомнительно, чтобы в эпоху неолита рыба очищалась от чешуи. Наблюдения над современным ее приготовлением в глухих местах Севера доказывают противоположное: рыба варится и печется в чешуе.⁴

Термин «скребок» понимается чаще всего как условное обозначение различного рода орудий, изготовленных из коротких отщепов, различных по форме (подтреугольных, округлых, четырехугольных и др.), с характерно изогнутым профилем и ретушью по рабочей части. При изучении волосовских скребков была выделена группа «собственно скребков», употреблявшихся действительно в качестве скребущих орудий. «Собственно скребки» несут на рабочей части различные признаки сработанности — щербины, зазубрины, изломы, рассматриваемые как результат сопротивления обрабатываемого твердого материала. Подобного вида скребки служили для обработки рога и кости, что доказывается многочисленными примерами находок костяных и роговых предметов, законченных и незаконченных, несущих на себе следы обработки: штрихи, царапины, покрывающие поверхность и соответствующие характеру обработки лезвия скребков.⁵

При работе над мягким материалом (кожей) лезвие имеет как бы окатанный вид,⁶ напоминая сработанный край костяных стругов или «тушиков», служивших в различные эпохи для обработки кожи.

Значительная часть скребков исполняла две функции — скобление и разрезание. Во втором случае производилась обработка бокового края, образующего угол с рабочей частью, со стороны спинки и брюшка скреб-

исторического человека. Вестник археологии и истории, вып. XIII, СПб., 1904; его же. Новые вещи Волосовской стоянки доисторического человека. Записки Отд. русск. и славянск. археологии, т. V, вып. 1, 1903; П. П. Кудрявцев. Les vestiges de l'homme... «Congrès intern. d'archéol...», т. II, М., 1893; Б. С. Жуков: Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-матем. ф-те МГУ, вып. 1—2.

³ Доклад, прочитанный А. Я. Брюсовым на Ученом Совете ИИМК АН СССР.

⁴ По наблюдениям автора во время северных экспедиций в различных районах Архангельской и Вологодской областей.

⁵ Изображения их не приводятся, так как форма этого типа орудий, отличающихся характерной изогнутостью у лезвия, общеизвестна.

⁶ См., например, скребло из коллекции, происходящей из сборов близ г. Старицы, и два скребка, найденных при раскопках стоянки на дюнах р. Оскола; о них упоминается в статье, опубликованной в Трудах ГИМ, т. 12 — М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на реке Осколе.

ка (рис. 2, 1, 3). Для заострения углового конца, кроме подправки ретушью, производилось полирование. У подобного вида скребков следы сработанности отмечаются не только на лезвии, но и на угловых частях, причем, кроме щербин, наблюдается сточенность на самом кончике углового конца (рис. 2, 2) — след несомненного употребления орудия в течение долгого времени при резьбе по твердому материалу — кости или рогу. Эти «угловые» скребки названы мною по сочетанию двух функций — скобления и резания — «скребками-резчиками». К ним могут быть присоединены также орудия типа, изображенного на рис. 2, 4, с вытянутой рабочей частью, обработанной крутой ретушью.

Скребков-резчиков в волосовской коллекции насчитывается более 120 экземпляров.

Наряду с ними выделяется группа орудий, предназначавшихся исключительно для резьбы кости и рога. Резцы классической формы в позднем неолите исчезают. Немногие экземпляры, сохранившиеся в эту эпоху, отличаются от палеолитических своеобразием формы и крайне небрежной работой. Волосовские резцы могут послужить образцом характерных для позднего неолита орудий этого типа. Часть их изготовлена из отщепов, довольно массивных, со сколами, образующими рабочий конец (рис. 2, 5), или с ретушью по краю и резцовым сколом сбоку (рис. 2, 10). Интересны резцы из фрагмента нуклеуса (рис. 2, 6) и напоминающие палеолитические клюковидной формы (рис. 2, 8, 9). Небезынтересно отметить также использование обломков наконечников стрел для резцов (рис. 2, 7) — явление, отмеченное также в материалах беломорских стоянок,⁷ Большеземельской тундры,⁸ Языковской,⁹ на р. Юге (Костромской обл.)¹⁰ и др.

Резцы употреблялись без рукояток, на что указывает обработка крутой ретушью нижней части орудия, а также залоснившаяся поверхность от непосредственного держания в руке в результате длительного употребления орудия.

Число резцов в волосовской коллекции по сравнению с остальной частью инвентаря орудий очень мало (всего — 14 экземпляров); вместе с тем, судя по найденным костяным изделиям, обработка кости производилась в больших размерах. Очевидно, резцы были заменены другого типа орудиями. Часть их уже определена нами как «скребки-резчики», к рассмотрению же других, более узкого назначения, мы сейчас перейдем.

Это — орудия с массивным вытянутым рабочим концом, который обычно, за редким исключением, обработан ретушью лишь с одной стороны (со стороны спинки). Очень часто конец места ретуширования прекрасно отполирован (рис. 2, 11—13). Орудия имеют асимметричный профиль и треугольное или подтреугольное поперечное сечение. По всем этим признакам можно предполагать, что изготовление имело целью получение крепкой и вместе с тем острой рабочей части. Следы от употребления орудий, сохранившиеся на многих экземплярах в виде сточенности по краю лезвия, подтверждают высказанное предположение (рис. 2, 12, 13). Часть орудий обработана лишь ретушью, причем концы их доведены до толщины сверла (рис. 3, 14, 15, 16); на самом конце отмечается также или сточенность или щербина, появившиеся от сильного нажима на орудие во время работы. Судя по обработке края «резчиков» при помощи крутой, затупляющей ретуши, можно предполагать, что орудия употреблялись без рукояти.

В волосовской коллекции насчитывается более 100 экземпляров раз-

⁷ Колл. ГИМ из раскопок и сборов А. Я. Брюсова, А. В. Збруевой и М. Е. Фосс.

⁸ Колл. Моск. Антроп. музея — Г. Е. Чернова.

⁹ Колл. Моск. Антроп. музея.

¹⁰ Колл. ГИМ из раскопок А. Я. Брюсова, А. В. Збруевой и М. Е. Фосс близ г. Чухломы.

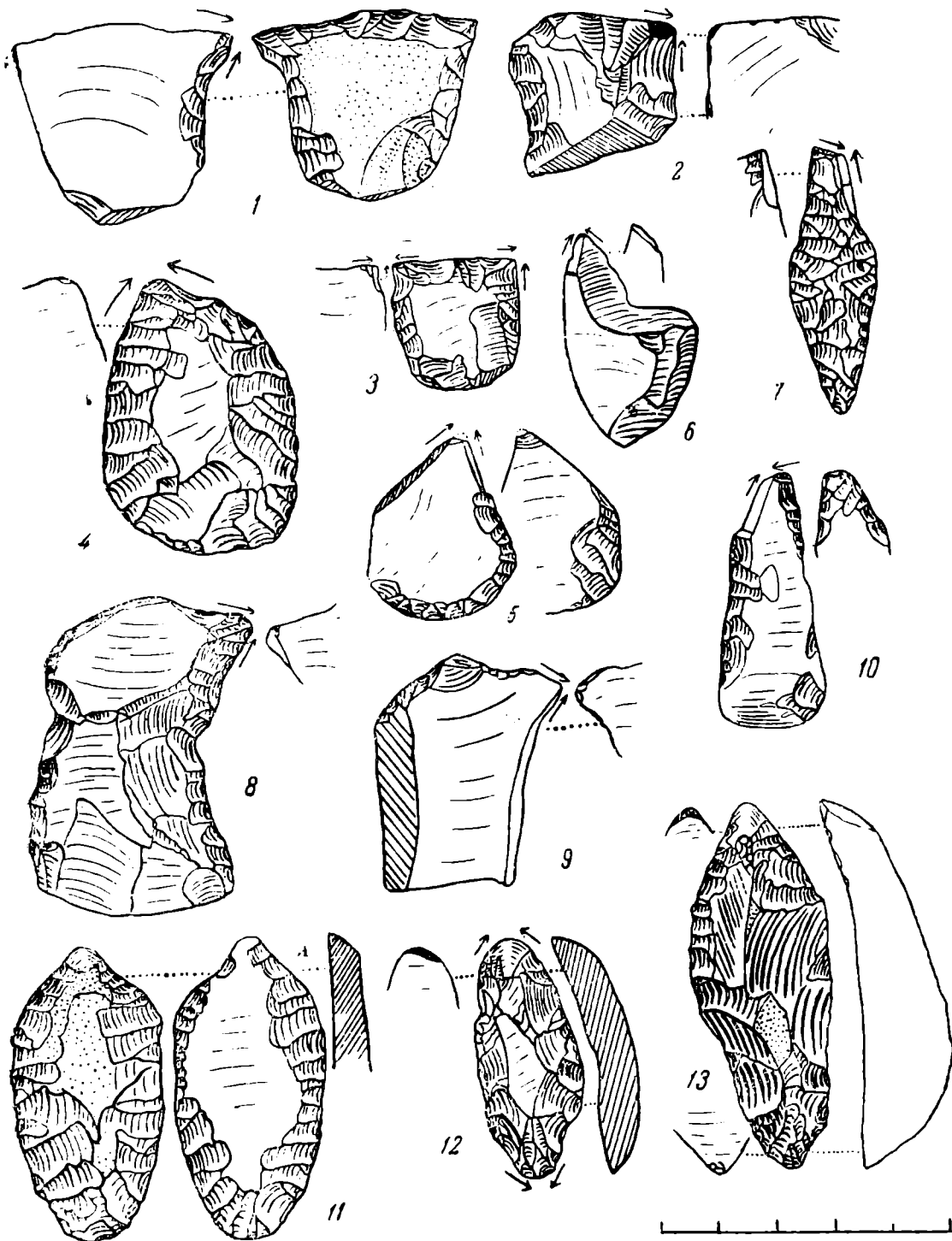

Рис. 2. Типы каменных орудий

1 — скребок-резчик, ГИМ 64/314; 2 — скребок-резчик с заполированным и сточенным концом, ГИМ 64/1396; 3 — скребок-резчик, ГИМ 64/1395; 4 — скребок-резчик, ГИМ 64/1295; 5 — резец, ГИМ 64/1410; 6 — резец из нуклеуса, ГИМ 64/54; 7 — резец из обломка наконечника стрелы, ГИМ 65/190; 8 — резец ГИМ, 64/1363; 9 — резец, ГИМ 64/1788; 10 — резец, ГИМ 64/362; 11 — резчик, ГИМ 64/1461; 12 — резчик, конец сточен от работы, ГИМ 64/397; 13 — резчик; конец сточен от работы, ГИМ 64/2421

личного вида резчиков, которые прослеживаются также и на других стоянках позднего неолита, например в Языковской,¹¹ Балахнинской,¹² на р. Юге (Костромской обл.), на Модлоне и др.

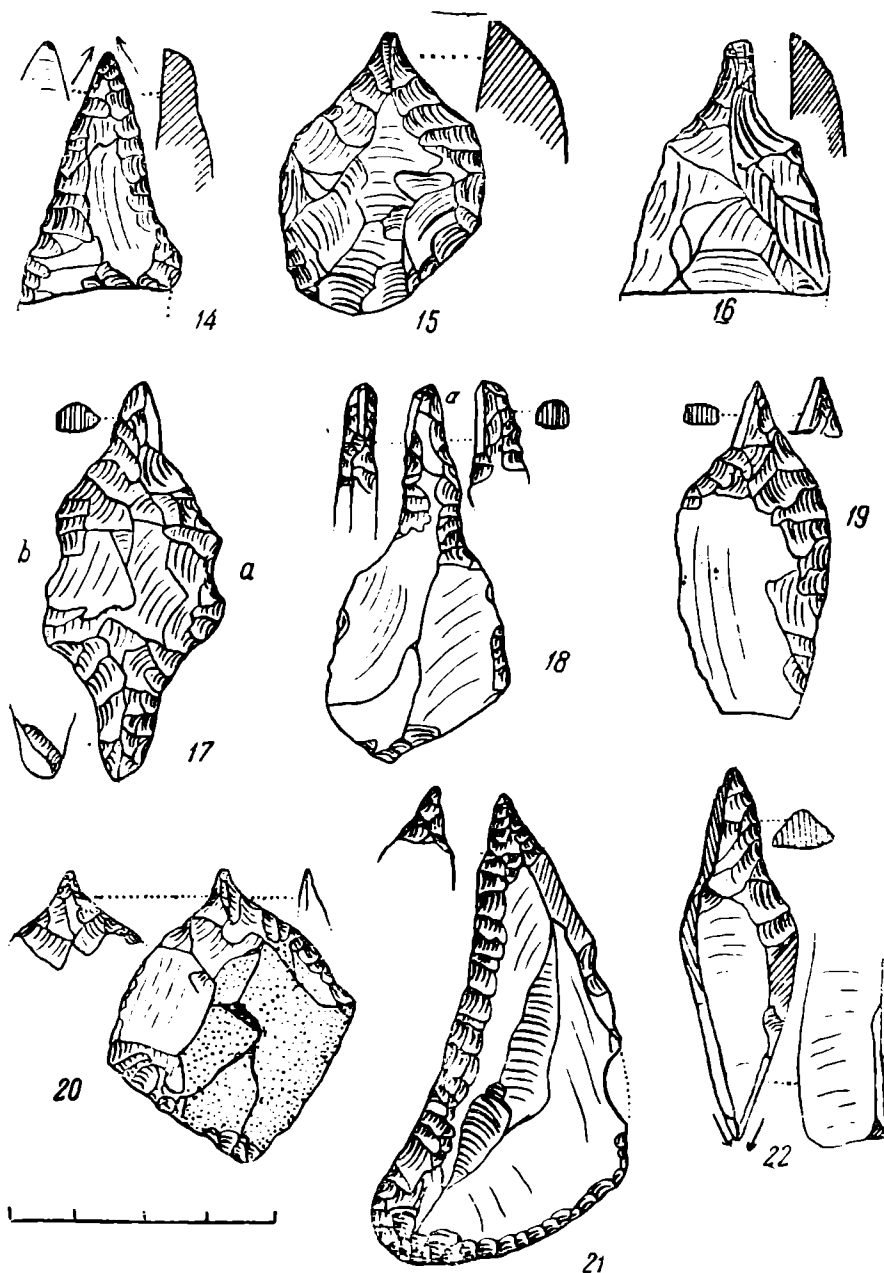

Рис. 3. Типы каменных орудий

14 — резчик, обломанный; заполированный конец сточен от работы, ГИМ 64/1475; 15 — резчик, конец заполирован, ГИМ 64/1515; 16 — резчик, ГИМ 64/1496; 17 — сверло-скобель (а, в), ГИМ 64/1794; 18 — сверло; конец с режцовыми сколами, грани стертые от работы, ГИМ 64/1844; 19 — сверло; конец с режцовыми сколами, ГИМ 65 183; 20 — проколка, ГИМ 64/1798; 21 — проколка, ГИМ, 64/242; 22 — сверло-резец, ГИМ 64.1792

Многочисленную группу в волосовской коллекции составляют орудия, известные под названием «сверл» (242 экземпляра) и «прокол» (95). Большая часть сверл изготовлена из массивных отщепов. Нижняя часть их обработана крутой ретушью, указывающей на отсутствие рукояти.

¹¹ В coll. Гос. Антроп. музея.

¹² В coll. Гос. Историч. музея — из раскопок Каминского.

Рабочая часть сверл представляет собой стержень, как правило, отретушированный, в отличие от резчиков, со всех сторон (рис. 3, 17, 18, 19, 22). Исключение из 242 сверл составляют только два, у которых концы частично заполированы; в поперечном сечении они имеют треугольную, четырехугольную или многоугольную фигуру. Обработка рабочего конца сверл производилась с расчетом получения граней с острыми ребрами, способствующими при круговращательном движении развертыванию отверстий. Кроме ретуши нередко на рабочем конце сбоку имеется резцовый скол (отмечено у 47 сверл). Подобная обработка конца орудий, по аналогии с резцами, могла бы ввести в заблуждение при определении их назначения, но благодаря отчетливо сохранившимся следам в виде стертости грани и ребер рабочего конца можно заключить о применении этих орудий не для резьбы, а для провертывания отверстий. Сглаженность граней является результатом сильного трения при проникновении сверла в довольно твердый материал при круговращательном движении. Таким образом, в кремне вырабатывалась форма орудия, получившая свое завершение в металле, в виде четырехгранного шила.

Сверла волосовского типа, с небольшими изменениями в форме и обработке, наблюдаются на многих стоянках позднего неолита и являются типичными для этой эпохи.

Наряду с ними применялись для более тонкой работы упомянутые выше «проколки», изготовленные по тому же принципу, что и сверла, но с более тщательной обработкой самого конца орудия, покрытого мелкими фасетками иногда с резцовым сколом сбоку (рис. 3, 20, 21).

Следует упомянуть еще о различных комбинированных орудиях волосовской коллекции. Имеются, кроме скребков-резчиков, сверла-резцы (рис. 3, 22), дублированные сверла (рис. 4, 27), сверла-скобели (рис. 3, 17) и пр.

Следы употребления, сохранившиеся на орудиях, их форма и обработка не только могут послужить для определения назначения его, но и для выяснения, в каком положении находилось орудие во время работы.

Для примера возьмем несколько орудий: два резчика (рис. 4, 26—28) и одно сверло (рис. 4, 25). Первый резчик, напоминающий по своим контурам сверло, отличающийся от этого вида орудий обработкой рабочего конца, в нижней своей части обработан затупляющей ретушью со стороны спинки, а со стороны брюшка имеет подправку по боковым краям. Обработка произведена с расчетом непосредственного захватывания орудия рукой (употребления без рукояти) и предохранения руки от пореза об острые края орудия. Сработанность края рабочей части орудия (на рисунке указано стрелкой) определяет положение его в момент действия — вниз рабочим концом. Расположение ретуши на остальной части орудия определяет способ захватывания его рукой: на спинке находился большой палец, на стороне *b* — указательный, на *c* — средний (рис. 4, 28).

То же можно сказать о дублированном резчике (рис. 4, 26). На верхнем конце его видны изломы от работы (отмечено стрелками); при положении орудия этим концом вниз рука захватывает орудие таким образом, что указательный палец располагается на отретушированной боковой стороне — *b*, средний — на *c*, безымянный на *d*, большой палец — на брюшке орудия.

Руководствуясь расположением ретуши на орудии, при отсутствии следов от его употребления, все же можно восстановить его положение в процессе работы. Сверло, изображенное на рис. 4, 25, отретушировано по всей спинке, а со стороны брюшка лишь по краю верхней части. При наложении указательного и среднего пальцев на отретушированные края (*a*, *b*) большой палец расположится на спинке орудия и орудие, зажатое таким

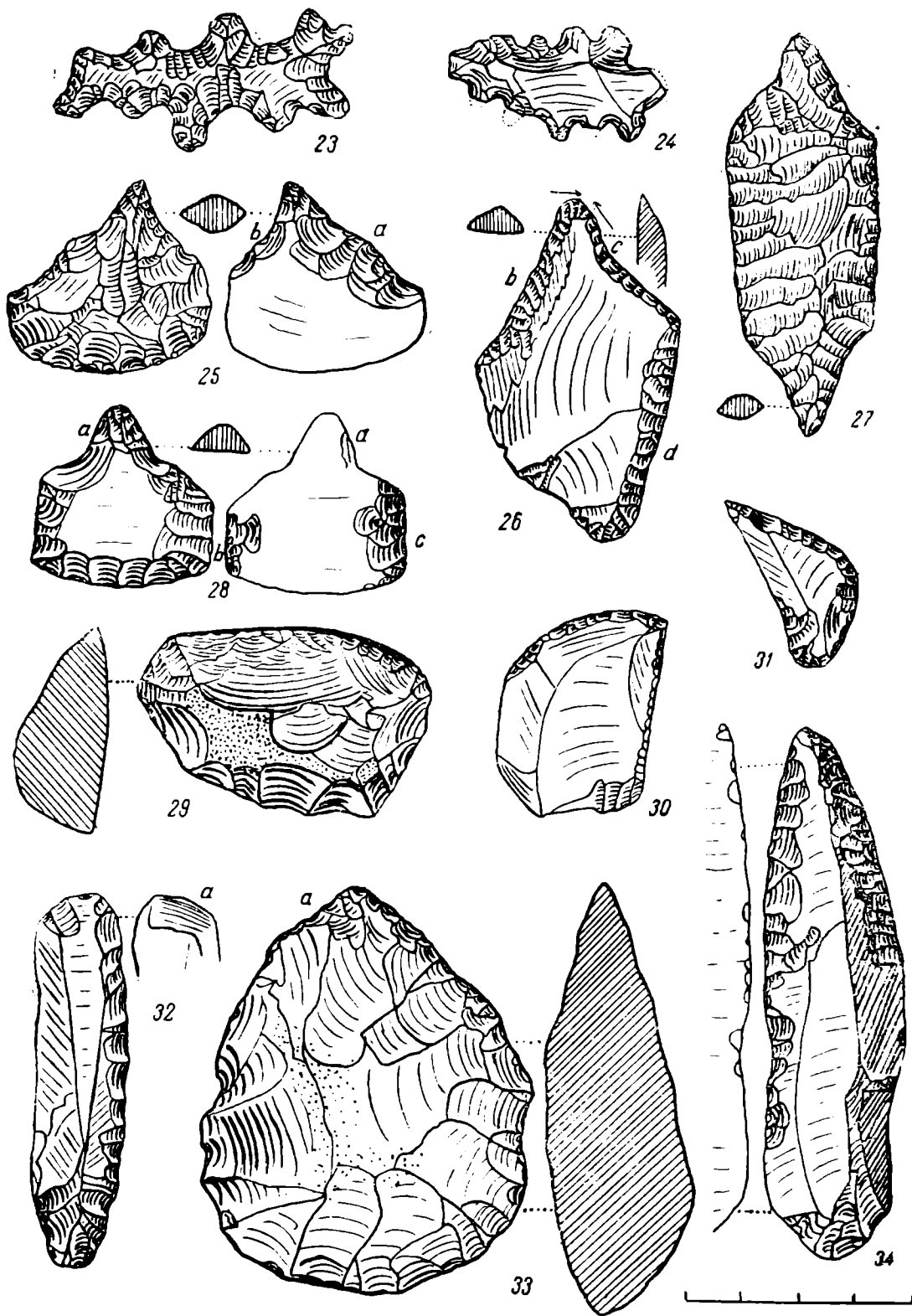

Рис. 4. Типы каменных орудий

23 — скобель многовьемчатый, ГИМ 64/494; 24 — то же, ГИМ 64/2493; 25 — сверло, ГИМ 64/2461; 26 — дублированный резчик; рабочая часть (а) с изломами от работы, ГИМ 64/2455; 27 — дублированное сверло, ГИМ 64/1847; 28 — резчик, рабочая часть с изломами от работы, ГИМ 64/2411; 29 — нож из массивного отщепа, с заполированным лезвием, ГИМ 64/328; 30 — нож из фрагмента орудия, ГИМ 64/442; 31 — нож, ГИМ 64/2438; 32 — нож-лощило, ГИМ 64/236; 33 — «ручное рубильце»; лезвие (а) и заостренный конец залоснились от работы по коже, ГИМ 64/1735; 34 — нож, щербинки по краю от работы, ГИМ 64/2424

образом в руке, займет положение, при котором им можно действовать, как шилом.

Большую группу в волосовской коллекции составляют ножи, большею частью, несмотря на различную форму, однолезвийные. Часть их изготовлена из массивных ножевидных пластин с затупляющей ретушью по одному краю — для упора указательного пальца, и пологой, заостряющей по лезвию (рис. 4, 34), которое со стороны брюшка имеет щербины, полученные от работы. Имеются ножи из пластинчатых (рис. 4, 30, 31) и массивных (рис. 4, 29) отщепов. Последний, напоминающий по контурам скребок, но не имеющий характерной скребоквидной изогнутости (см. профиль рисунка 4, 29), отретуширован и отполирован по лезвию.

К режущим должно быть отнесено орудие, имеющее форму «рубильца» (рис. 4, 33). Оно сделано из крупного отщепа и обработано крупными сколами, затупляющими края орудия, с целью непосредственного захватывания его рукой. Часть верхнего его края *a* подправлена мелкой ретушью, и именно эта часть со стороны брюшка орудия сильно залоснена, что обычно наблюдается на орудиях, долго употреблявшихся при разрезании кожи. Это дает основание определять «рубильце» не как ударное орудие, а как режущее. С обработкой кожи связано также орудие, изображенное на рис. 4, 32, которое по сильно залоснившейся рабочей части (*a*) может быть определено как нож — ложило, служившее для разрезания кожи и заглаживания ее поверхности. Подобное орудие, меньшего размера, имеется в Панфиловской стоянке.¹³ Чаше всего на стоянках находят костяные ложила.

Многочисленную группу в волосовской коллекции составляют орудия, которые, как и скребки, употреблялись для скобления поверхности, но в отличие от них имеют вогнутое лезвие, приспособленное для обработки выпуклой поверхности, например таких предметов, как древки стрел, черешки наконечников, иглы и т. п. К этой группе орудий следует отнести изображенные на рис. 4, 23, 24 так называемые «фигурные кремни», отличающиеся от остальных кремневых изображений неопределенностью формы; выемки, расположенные вокруг по краю этих предметов, тщательно отретушированы. Как то, так и другое наводит на мысль, что эти «фигурные кремни» предназначались для обработки упомянутых выше предметов.

В итоге изучения кремневых орудий волосовской коллекции с точки зрения их назначения приходим к заключению, что можно наметить пять групп орудий, отличающихся друг от друга по функции:

- 1) для скобления — скребки и скобели,
- 2) для скобления и разрезания — скребки-резчики,
- 3) для разрезания и резьбы по кости — ножи, резчики и резцы,
- 4) для провертывания отверстий — сверла и проколки,
- 5) для заглаживания поверхности — ложила.

В каждой такой группе имеются различного вида орудия, отличающиеся в деталях, но объединенные одним назначением.

¹³ В коллекциях Гос. Историч. музея, из раскопок В. А. Городцова. См. его же. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Материалы по изучению Владимирской губ., вып. 3, 1926.

А. П. С МИРНОВ

МОГИЛЬНИКИ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(к вопросу о дате)

Первые века нашей эры характеризуются в Прикамье господством железных орудий. Археологический материал этого времени свидетельствует о значительном росте производительных сил и об увеличении населения. Эта эпоха названа пьяноборской — по имени могильника, открытого у села «Пьяный Бор» в Татарской АССР.

Первая, серьезно для своего времени обоснованная классификация культур Прикамья принадлежит А. А. Спицыну. Последующими работами она была в значительной своей части опровергнута. Особую позицию в этом вопросе занял А. В. Шмидт, выделивший позднюю пьяноборскую стадию III — V вв. в особую культуру, названную им харинской.¹ Эту точку зрения он обосновал в своей работе — «Могильник Качка».²

А. В. Шмидт считал, что пьяноборская культура была распространена только в районе нижней Камы, не захватывая среднего течения реки и северной части Молотовской области.³

Другая точка зрения была высказана в предисловии к «Материалам по археологии Камы»,⁴ где пьяноборской эпохе отведено место от III в. до н. э. до V в. н. э. Этот огромный отрезок времени в восемьсот лет разделен на три этапа. Первый, III в. до н. э. — I в. н. э., представлен одним Уфимским могильником; I—III вв. н. э. охватывают могильники 1-й и 2-й Пьяноборские, 1-й и 2-й Нырғындынские и Воробьевский. К третьему периоду относятся Сергачский, Мари-Луговской, Казанский, Сюкеевский, Айшинский, Масловский, Вичмарский, Нырғындынский, Бахмутинский, Харинский могильники и могильник «Атамановы кости».

Материал Уфимского могильника подтверждает мнение А. В. Шмидта, отметившего различия между памятниками реки Камы и реки Белой. Ряд предметов — пронизки, бляшки, браслеты, гривны, восьмеркообразные спиральные серьги относятся к типам, обычным в могильниках и пьяноборской и ананьинской культур. Таких же вещей, как кельт или бронзовые копья с прорезными крыльями, типичных для ананьинской культуры, в погребениях Уфимского могильника не найдено. С другой стороны, неко-

¹ А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VII, Л., 1929, стр. 297.

² A. V. Schmidt. Kachka — ESA, I, Helsinki, 1927, p. 18.

³ А. В. Шмидт. Туйский всадник. Записки Коллегии востоковедов Академии Наук СССР, т. I, Л., 1925, стр. 410.

⁴ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л., 1933, стр. 16.

торые могилы, как, например, девятая,⁵ не имеют никаких черт, характерных для культуры района нижней Камы и реки Белой. Подобные им погребения можно встретить в области скифской культуры Приуралья.⁶ Наличие погребений Уфимского могильника, с одной стороны, с вещами

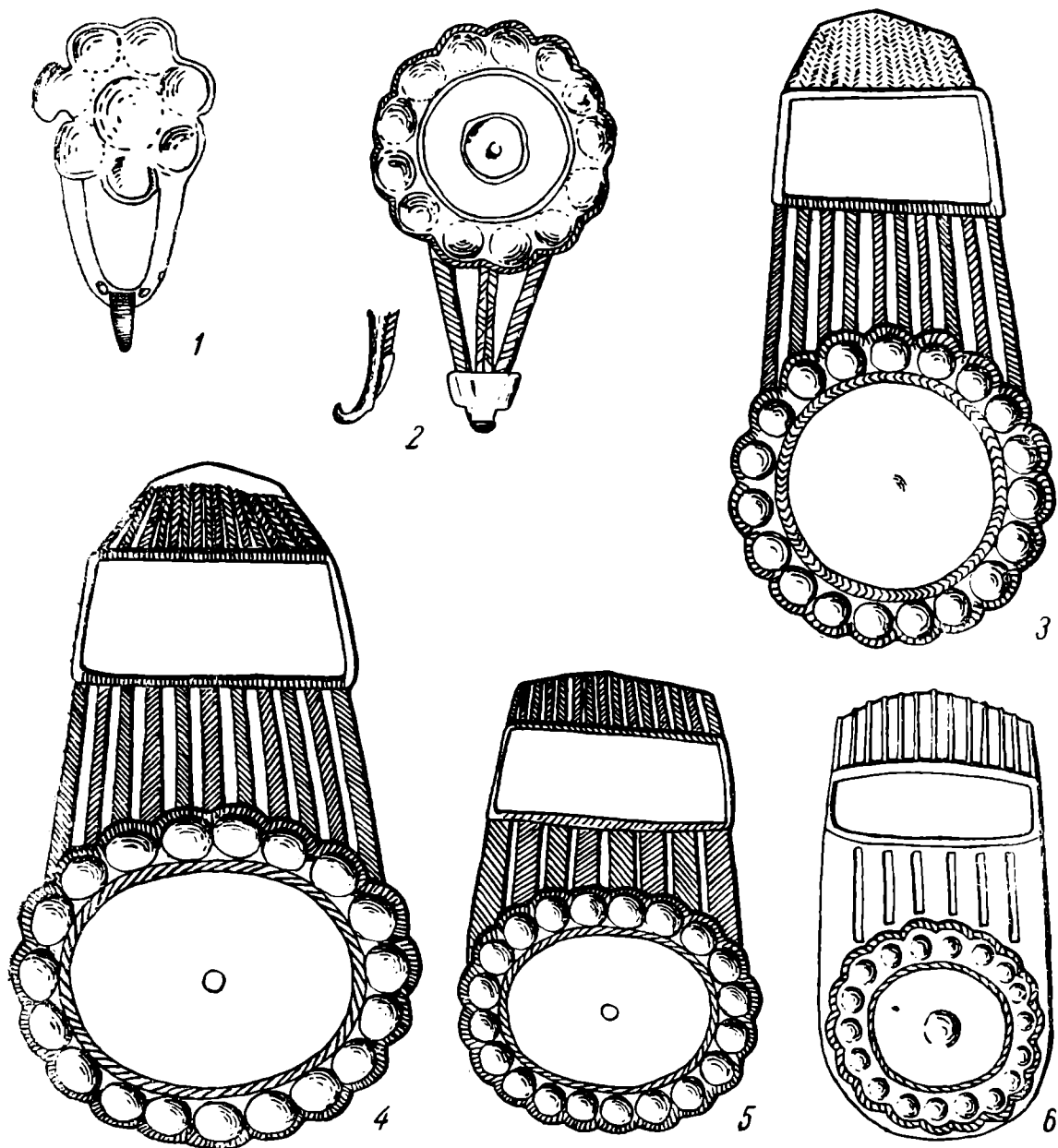

Рис. 5. Эполетообразные застёжки по сборнику № 1 ГАИМК

местной культуры, а с другой — только с вещами, характерными для савроматской культуры, легко объяснимо местоположением этого памятника почти на границе распространения этой культуры.

Как выше отмечено, А. В. Шмидт, не соглашаясь с точкой зрения большинства исследователей, полагал, что пьяноборская культура охваты-

⁵ В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы, 1913, стр. 13.

⁶ Вещи близких типов известны из курганов скифской эпохи близ Чкалова. В. N. G r a k o v. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA. IV, Helsinki, 1929, стр. 179.

вала не все Прикамье, а только районы нижнего течения реки. Среднее же течение Камы занимала гляденовская.

Материал Гляденовского костыща не дает никаких оснований для такого разделения. Это прекрасно видно из сравнения различных категорий вещей, из которых керамика и ее орнаментация, изображения птиц и животных и, наконец, украшения — серьги в виде проволочного кольца, оканчивающегося спиралью, и различные бляшки — не дают ни малейшего основания разделять Приуралье на две части и относить область нижней Камы к пьяноборской культуре, а средней — к гляденовской.

Наиболее типичным предметом пьяноборской культуры обычно считаются эполетообразные застежки, известные по большому числу находок в нижнем Прикамье в разных вариантах. Древнейшие из них восходят ко времени ананьинской культуры и известны среди находок Зуевского могильника в виде небольшого кружка с полушарными выступами по окружности и двумя штырями, заканчивающимися крючком. К той же группе прототипов нужно отнести и костяные крючки, приготовленные из лопаток животных. К ранним экземплярам принадлежат крючки из клада «Коростино» (рис. 5, 1) и второго Ныргындинского могильника, а также крючок, найденный в Молотовской области.⁷

По принятой в настоящее время схеме развития эполетообразные застежки в первые века нашей эры претерпели значительные изменения и достигли крупных размеров, в отдельных случаях до 33 см в длину (рис. 5, 4). Бляхи их выделывались из пластин, приготовленных при помощи чекана. К ним прикреплялись железные стержни, обернутые медной пластиной, сходящейся под углом и заканчивавшейся крючком. Более ранние экземпляры, меньшие по размеру, имеют три соединительные стержня (рис. 5, 2). У более поздних типов количество соединительных стержней увеличивается. Эти типы пряжек в ряде случаев сосуществуют, примером чего может служить материал Пьяноборского могильника.

Следующая стадия представляет громадные застежки, достигающие размеров 27—33 см (рис. 5, 3). В дальнейшем происходит изменение круглого умбона в овальный (рис. 5, 4), а затем соединительные стержни (рис. 5, 5), числом до восьми, превращаются из узких в широкие пластины, и, наконец, наиболее поздние экземпляры дают крупную пластину с овальным умбоном (рис. 5, 6).

Наиболее ранние застежки, представляющие вариант эполетообразных, кроме Зуевского могильника, встречены в Уфимском. Застежки собственно пьяноборские распределяются следующим образом: а) наиболее простые из них найдены в Пьяноборском могильнике; б) более сложные с шестью соединительными шнурами в том же Пьяноборском могильнике, в Ковалях и Коростине; в) крупные застежки, достигающие 33 см в длину, происходят из Пьяноборского, Ахтиальского, Айшинского могильников и из могильников в Башкирской АССР; г) застежки с овальным умбоном известны в могильниках Пьяноборском, Ныргындинском, Чегандинском, Ахтиальском, Воробьевском и из Максимовки; д) застежки, аналогичные предыдущим, но с более широкими соединительными стержнями, найдены в могильниках «Атамановы кости», Айшинском, у Стекольного завода в Казани, на «Князьем погосте» и в Сюкеевском; е) застежки, у которых стержни заменены пластинкой, представлены экземплярами из могильников у Стекольного завода в Казани и из Безводновского клада.⁸

⁷ Borovka. Scythian art. London, 1928.

⁸ Сборник I ГАИМК. Бюро по делам аспирантов, Л., 1929, стр. 43. Рисунки отдельных типов застежек, приводимые в этой статье, взяты из этого сборника.

Перехожу к характеристике остального материала пьяноборской культуры. Первая стадия этой культуры, представленная одним погребением Уфимского могильника, датируется вещами эллинистической эпохи — раннесарматскими предметами. К следующей стадии — римскому времени — принадлежит большинство погребений Пьяноборского могильника.⁹

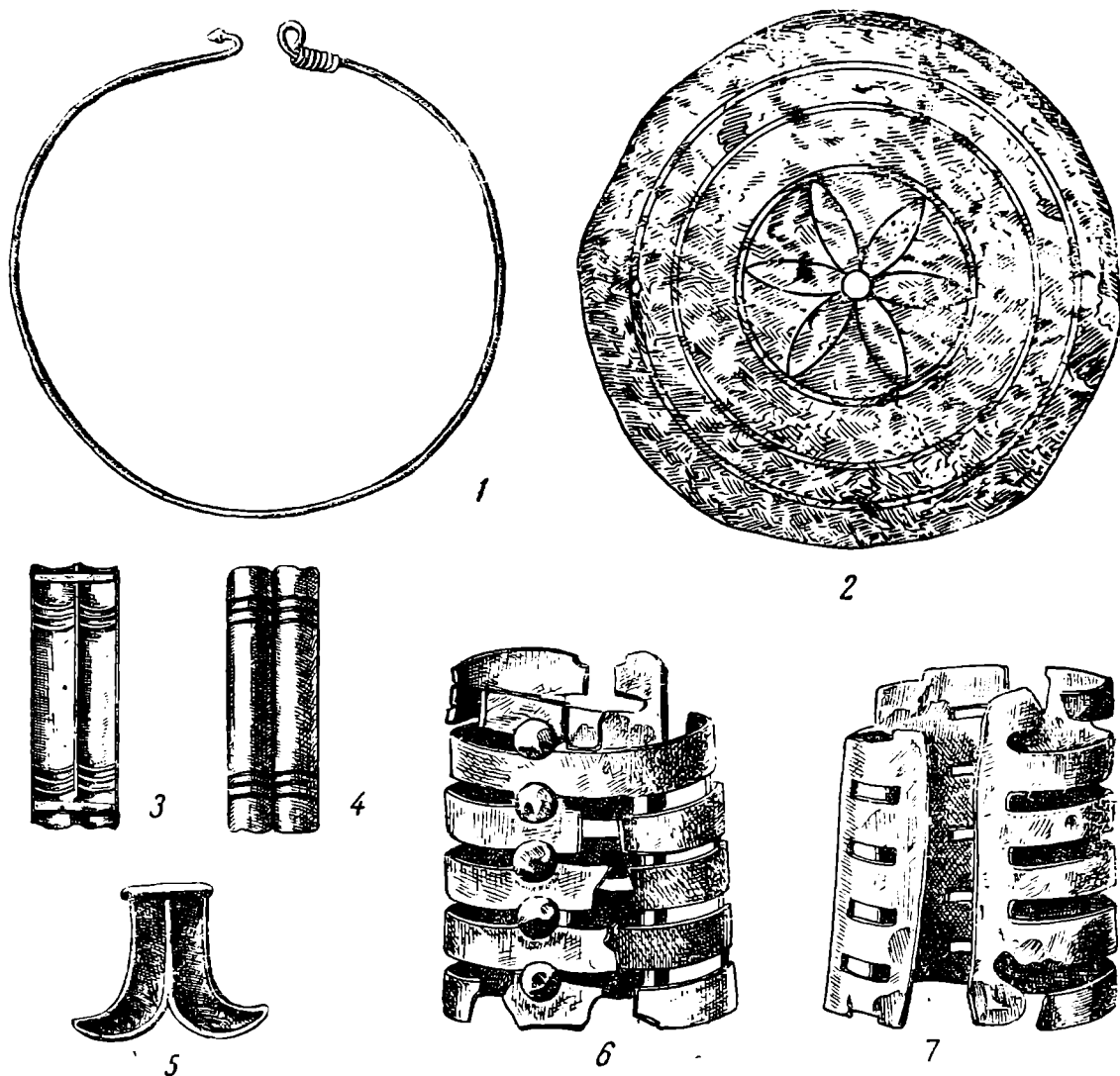

Рис. 6. Инвентарь Пьяноборского могильника
1 — гривна; 2 — бляха; 3—5 — пронизки; 6—7 — нарукавники

В состав коллекции входят разнообразные предметы, среди которых несколько имеют датирующее значение. Среди них — серьги в виде колечка с конической спиралью или конусом в нижней части. Серьги этого типа встречаются в древностях более раннего времени. Довольно обычны стеклянные позолоченные бусы, одинарные, двойные и тройные, мелкие синие бусы с черными глазками в желтой кайме, граненая бусина из зеленой пасты и большая круглая желобчатая бусина из серой александрийской пасты.

Из описанных бус наиболее древней нужно считать александрийскую, которая датируется эллинистическим временем. Наиболее позднее время

⁹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рр. Оки и Камы. МАР, вып. 25, СПб., 1901, стр. 1—2.

распространения таких бус¹⁰ — первые века нашей эры. К этому же времени относятся и стеклянные мелкие золоченые¹¹ бусы. К ожерелью относятся провололочные гривны с крючками и петлей для застегивания (рис. 6, 1). Такие гривны встречены в древних погребениях Кошибеевского и сарматских¹² могильников, распространены в первые века нашей эры. Нагрудные пряжки пластинчатые, разделенные окружностью на две части, с язычком, прикрепленным к внутреннему краю или охватывающим пластинку, аналогичны пряжкам древнейших погребений Кошибеевского могильника.

Большую часть всех вещей Пьяноборского могильника составляют бляхи и пронизки. В их числе литые бляхи разных размеров (рис. 6, 2), полусферические и конические бляшки с веревочным орнаментом по бортику и пронизки (рис. 6, 3—5). Обычными становятся подвески в виде гусиных лапок и удлиненной трапеции.

Многочисленные пряжки в виде орнаментированного или гладкого кольца с неподвижным крючком и выступом, кольца с крючком и тремя петлями, пряжки в виде кольца с пластинкой, железные круглые пряжки с язычком. Оригинальны ножи с медными прорезными трапециевидной формы ручками, железные псалии в виде стержней, которые, по мнению А. А. Спицына, принадлежат к числу древнейших предметов могильника, медные прорезные наручники в форме усеченного конуса (рис. 6, 6, 7) и медная рукоятка ножа.

К предметам последних веков до нашей эры относится бляха с изображением сцены борьбы зверей¹³ и клевец с крылообразною лопастью на тылье.¹⁴ На бляхе изображена группа фантастических животных с мордами медведя, пожирающих находящегося в середине небольшого зверька. По сторонам лежат еще три таких зверька с длинными ушами и с длинными клювами; головы их повернуты назад. Это изображение можно поставить в прямую связь с сибирскими бляхами гунно-сарматского периода.¹⁵

Пьяноборская бляшка не может быть старше их и может относиться ко времени около начала нашей эры. Основная масса вещей относится к первым векам нашей эры и датируется пастовой александрийской бусиной, пряжками с неподвижным крючком и выступом (рис. 7, 1), предметами, близкими, с одной стороны, к сарматским, а с другой — к материалу Кошибеевского могильника. Наиболее вероятной датой пьяноборских погребений являются I и III вв. н. э. За этот период эполеотообразные застежки прошли длительный путь развития, достигнув большого размера с большим числом соединительных стержней.

К этой же эпохе относятся первый и второй Ныргындинские могильники,¹⁶ находящиеся близ дер. Ныргынды на берегу р. Камы. В этом же районе открыт ряд городищ той же пьяноборской эпохи.

Первый могильник был открыт в 1892 г. и отнесен А. А. Спицыным ко времени IV—V вв. н. э., хотя не имеет ни одной вещи «эпохи переселения народов».

В числе украшений этого могильника — серьги в виде знака вопроса,

¹⁰ Отчет Арх. комиссии за 1902 г. СПб., 1903, Тифлис, кург. № 18 по собр. ГИМ, кург. № 20 — собр. Эрмитажа.

¹¹ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, Материалы по археологии вост. губ. России, вып. III, М., 1899, стр. 50, рис. 4.

¹² Отчет Арх. комиссии за 1902 г. СПб., 1903, Усть-Лабинская, кург. № 32.

¹³ Там же.

¹⁴ Ф. Д. Нефедов. ук. соч., стр. 50, рис. 4, табл. 14

¹⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. III, СПб., стр. 57, рис. 64.

¹⁶ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л., 1933, стр. 15.

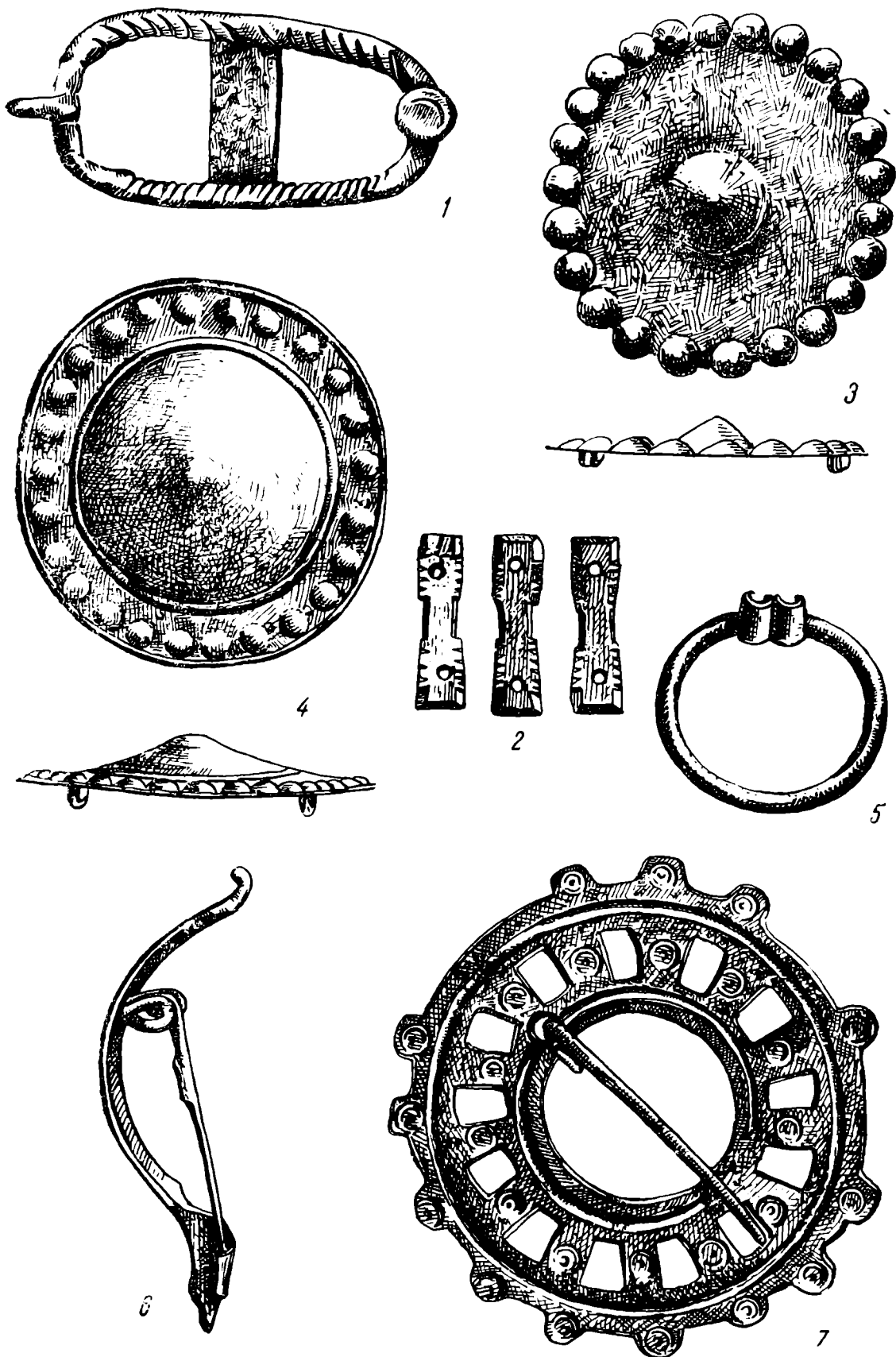

Рис. 7. Инвентарь могильников

1 — пряжка из Пьяноборского могильника; 2 — нашивные бляшки из могильника Нырғында I; 3 — бляха из могильника Нырғында I; 4 — бляха из могильника Нырғында I; 5 — застежка из могильника Нырғында II; 6 — фибула из могильника Нырғында II; 7 — пряжка из могильника Нырғында II

бусы синие мелкие бисерные, бусы из раковин, железные круглые пряжки, пластинчатые бляшки (рис. 7, 2) и ряд нагрудных (рис. 7, 3, 4). Последние особенно интересны тем, что они близки по форме и орнаменту к большому числу поясных блях, известных среди материалов Кобанского могильника на Северном Кавказе,¹⁷ где они датируются серединой первого тысячелетия до н. э. Сходны они и с бляхами Кошибеевского могильника.

Описанные находки не дают никаких оснований согласиться с выдвинутой А. А. Спицыным поздней датой. Наличие черт, роднящих Нырғындынський могильник с ранними памятниками, заставляет удревнить дату. Указанные нагрудные бляхи и серьги дают для этого твердые основания и позволяют говорить о первых веках н. э. Несколько молодит памятник одна нагрудная эполетообразная застежка, случайно найденная в 1892 г.¹⁸ Приведенные соображения дают все основания датировать могильник Нырғында I первыми веками нашей эры. Материал первого Нырғындынского могильника позволяет, правда пока предположительно, отметить появление овального умбона эполетообразных застежек в тот же период I—III вв. н. э.

К этому же времени относится и второй Нырғындынський могильник, исследованный А. А. Спицыным в 1898 г. Из числа украшений найдены: а) бусы стеклянные золоченые, б) мелкий бисер темносиний золоченый, красный и зеленый, в) бусы стеклянные крупные (грушевидная кирпично-красного цвета, граненая голубая эмалированная, голубые стеклянные и белого цвета с синими глазками), г) серьги в виде знака вопроса, заканчивающиеся конусом, и д) серьги в виде несомкнутого круга, заканчивающиеся спиралью. В коллекции довольно много различных блях, застежек и привесок. Эполетообразная застежка, найденная в могиле № 7 в верхней части груди, разрешает вопрос о применении эполетообразных застежек для скрепления платья у плеча. Весьма распространены круглые и овальные поясные пряжки с неподвижным крючком и выступом, которые употреблялись также для застегивания обуви. Мы видим, что подобные пряжки известны в Пьяноборском могильнике и в погребениях сармат Поволжья римского времени. Значительно реже встречаются сюльгамы со спиралью на концах (рис. 7, 5) и римская провинциальная фибула (рис. 7, 6).

Интересны ажурная бляха-застежка (рис. 7, 7), конические мелкие бляшки для украшения пояса и наконника. Из других находок можно отметить костяные трехгранные стрелы и один кремневый клин.

Второй Нырғындынський могильник датируется находками золоченых стеклянных бус и бисером разных цветов первых веков н. э. Ко II—III вв. н. э. относятся фибула и застежки овальной и круглой формы с неподвижными выступами, аналогичные подобным предметам курганов сармат Поволжья первых веков н. э. Наконец, первыми веками н. э. можно датировать серьгу, имеющую форму круглого проволочного кольца с грузиком в виде спирали — украшение, довольно типичное для таврских погребений Крыма, бытующее до первых веков н. э.¹⁹ Приведенные соображения дают все основания относить могильник к I—III вв. н. э.

К этой же группе относится и Воробьевский могильник, открытый в 1919 г. Он расположен близ деревни «Воробьи» в Уржумском районе Тат. АССР.²⁰ В состав находок входят: эполетообразная застежка с

¹⁷ МАК, т. VIII, М., табл. XIII, рис. 1, 2.

¹⁸ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г., стр. 15.

¹⁹ Собр. ГИМ, зал 6.

²⁰ Изв. Об-ва арх., истор. и этногр. при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3—4, Казань, 1929, стр. 75.

овальным умбоном, нагрудная привеска в виде дужки, сделанная из пластинки со спирально загнутыми краями, большие нагрудные пряжки, пряжки пластинчатые круглые, пряжки, сделанные из узкой пластинки, обломки круглой проволочной гривны, с запором в виде двух петель, привески в виде гусиных лапок, мелкие пронизки, бляшки умбоновидные, бляшки тройные в виде спирали и в виде розеток. При исследовании 1927 г. была

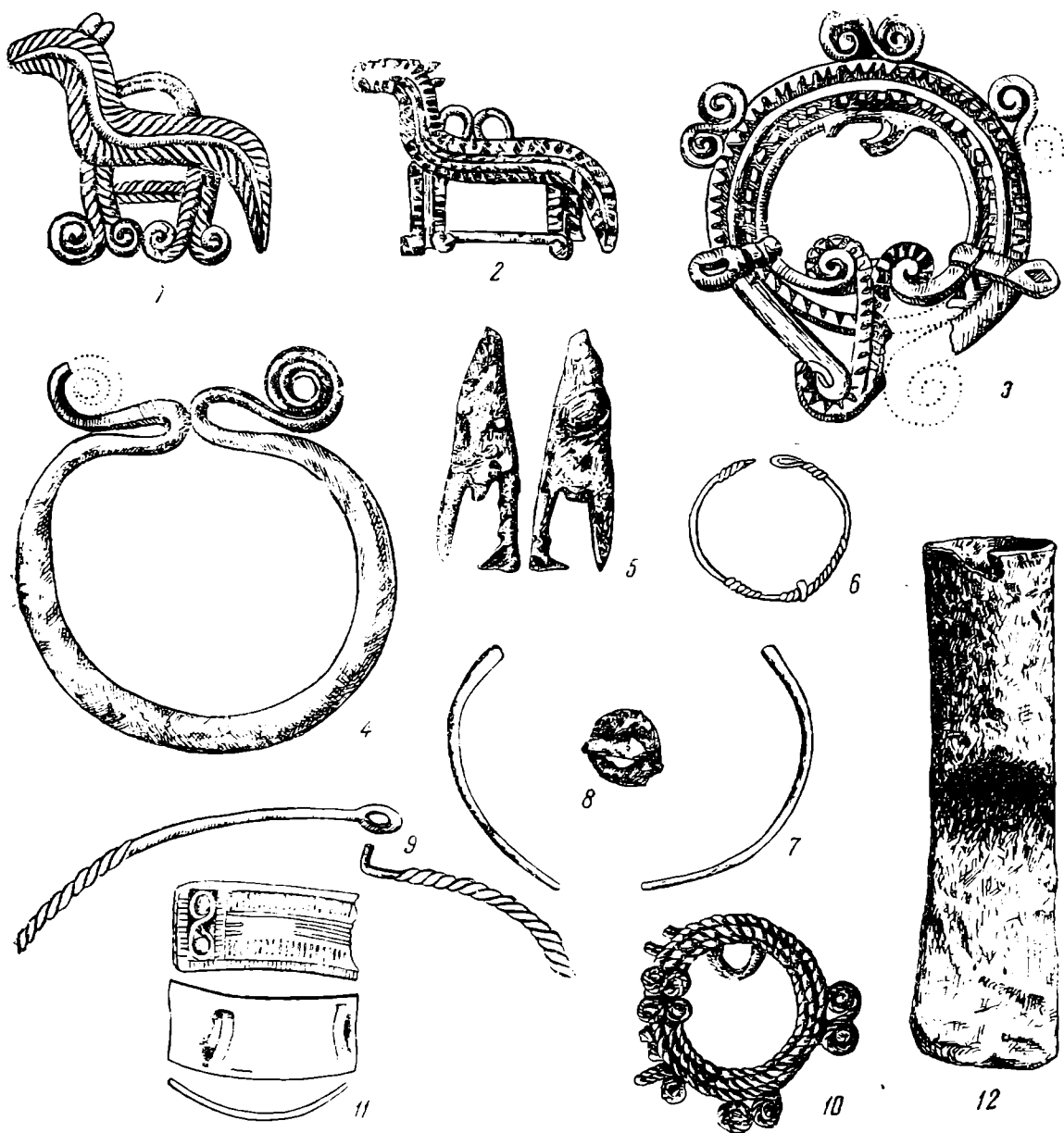

Рис. 8. Инвентарь могильников

1 — привеска из Воробьевского могильника; 2 — привеска из могильника „Атамановы кости“; 3 — застёжка из могильника „Атамановы кости“; 4 — пряжка из могильника „Атамановы кости“; 5 — железные стрелы из Вичмарского могильника; 6 — браслет из Вичмарского могильника; 7-9 — гривна из Мари-Луговского могильника; 8 — железная пряжка из Мари-Луговского могильника; 10 — пряжка из Мари-Луговского могильника; 11 — браслет из Мари-Луговского могильника; 12 — железный кельт из Айшинского могильника

найдена эполетообразная застёжка с умбонами, стилизованная фигурка конька (рис. 8, 1), гривна проволочная, витая с застёжкой в виде крючков и одна очковидная подвеска.

Все найденные предметы имеют аналогии в памятниках первых веков н. э.: Кошибеевском могильнике и сарматских погребениях I и II вв. н. э.

Могильник «Атамановы кости»²¹ находится на берегу р. Вятки, близ Малмыжа. В 1881 г. могильник исследовал П. А. Пономарев. Позднее С. К. Кузнецов открыл здесь же одно погребение, при котором найдены: железная точилка, железная пряжка, ножи, шило и подвеска в виде конька (рис. 8, 2). Кроме того, С. К. Кузнецовым доставлены: крупная эполетообразная застежка с овальным умбоном, две нагрудные и три поясные пряжки (рис. 8, 3, 4). Могильник относится к той же эпохе, что и Воробьевский.

Вичмарский могильник расположен близ деревни Вичмар Малмыжского района. В 1915 г. было найдено пять скелетов, лежавших головой к югу, ногами к северу — к реке.

В 1921 г. Машковцев открыл два погребения, положенные головой на юг.²² В том же году раскопками Забудского было исследовано еще одно погребение. В 1927 г. экспедиция ГАИМК открыла десять могил с погребениями, положенными головой на юг.

В 1930 г. экспедиция Центрального музея народоведения произвела небольшие раскопки этого могильника. Открыто несколько погребений, положенных на спине, ногами к реке. В некоторых могилах встречены куски медной руды.

Касаясь датировки могильника, нужно отметить, что последний исследователь Е. И. Горюнова²³ не привела никаких соображений о дате памятника, ограничившись замечанием, что Вичмарский могильник вполне примыкает к поздней стадии пьяноборской культуры и представляет собой аналогию Айшинскому. Трудно согласиться со столь поздней датой этого памятника. Большое количество вещей раннего времени заставляет значительно углубить дату. Основанием для этого служат такие вещи, как пастовая реберчатая голубая поливная бусина, характерная для поздне-эллинистических и раннеримских погребений нашего Юга; железные плоские жаловидные стрелы, характерные для дунайского лимеса I—III вв. (рис. 8, 5). К этому же времени относятся и браслеты с завязанными концами (рис. 8, 6), хорошо известные по сарматским погребениям и могилам Закавказья.²⁴ В это же время в южных сарматских курганах появляются первые кольчуги и кольчатые удила,²⁵ известные со времени Римской империи. Первыми веками нашей эры датируются бисерные бусы, браслет с уплощенными расширяющимися концами, гривны крученые с застежкой в виде петли и крючка, гривны со щитком и ажурная бляха-застежка, представляющая вариант таких же застежек из окских могильников ранней стадии, датируемой I—III веками н. э. Некоторые бляхи и застежки имеют аналогию в Кошибеевском могильнике. К этому же времени относятся фигурка конька и халцедоновый кружок, найденный вместе с гривной и обычно применяемый в качестве навершия длинных мечей сарматами, хорошо известный по курганам II—IV вв. Все эти данные дают возможность отнести и Вичмарский могильник к первым векам, не позднее III в. н. э.

Азелинский могильник²⁶ открыт в 1929 г. в окрестностях г. Мал-

²¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рр. Оки и Камы. Материалы по арх. России, вып. 25, СПб., 1901, стр. 8—9.

²² Известия Об-ва арх., истор. и этногр. при Казанском университете, т. XXXIV, вып. 3—4. Казань, 1929, стр. 79.

²³ Е. И. Горюнова. Вичмарский могильник. Проблемы истории докапит. обществ. 1934, № 9—10, стр. 179—182.

²⁴ МАР, № 34, 1914 г., табл. II к ст. Придика, рис. 14.

²⁵ Отчет Арх. комиссии 1902 г. СПб., 1903, стр. 79 (Курган № 31) по неопубл. колл. ГИМ.

²⁶ И. Г. Худяков. Азелинский могильник. Проблемы истории докапит. обществ, 1934, № 7—8, стр. 188.

мыжа. В Малмыжский музей поступили следующие вещи: а) бронзовая дугообразная подвеска из трехгранной пластины со спиралью по концам, б) несомкнутый браслет, в) проволочная гривна, г) различные бусы, д) обломки эполетообразной застежки с овальным умбоном, е) привески в виде гусиных лапок, ж) привески в виде раскрытой пасти зверя, з) пряжка в виде овала, украшенного по концам стилизованными фигурками птичек. Эта оригинальная литая пряжка по характеру напоминает, с одной стороны, филигранные пряжки Кошибеевского могильника, отличающаяся от них техникой приготовления, а с другой — предметы Подчермского клада. Найдено большое количество обломков, в числе которых — украшения в виде 6 спиралей и пластинки четырехугольной формы. Из предметов вооружения найдены костяные стрелы и диски из камня, напоминающие халцедоновые кружки. Азелинский могильник не имеет вещей эпохи переселения народов, и его сходство с Вичмарским могильником позволяет отнести его ко II — IV вв. нашей эры.

К числу случайных находок принадлежат вещи из коллекции Теплоухова, собранные на Беклемишевском поле, в Молотовской области. Этот комплекс вещей состоит из нефритовой пластинки с двумя прорезями, прямоугольной пластинки, усыпанной зернью и имеющей пять гнезд для камней, голубых бус, конических бронзовых пронизок, обломка проволочной витой гривны, пряжек с расширяющейся пластинкой для прикрепления ремня и язычка в виде стилизованной птички с раскрытыми крыльями.²⁷

Эта находка содержит вещи, характерные для сарматской культуры Поволжья III—IV вв. Близкие по типу вещи, украшенные камнями, были найдены в Саратовской области на горе Можары в 12 км от слободы Котовой, при раскопках одного кургана, где они сопровождаются двумя серебряными фибулами и небольшим зеркальцем с ушком в центре.²⁸ Комплекс с фибулами и зеркальцем датируется III—IV вв. н. э. и позволяет отнести вещи из Беклемишевского поля к тому же времени.

К этой же группе могут быть отнесены и вещи из коллекции Теплоухова, происходящие из с. Георгиевского.²⁹

К третьей группе могильников относятся те, которые содержат вещи так называемого гото-сарматского стиля, характерные для IV—V вв. В эту эпоху вырождаются и исчезают эполетообразные застежки, которые, увеличиваясь в размере, превращаются в бляхи, отлитые в форме. Таких блях немного, но они доходят до V в. Главнейшим районом их распространения остается нижняя Кама.

К числу могильников этого времени относится Мари-Луговской, имеющий, с одной стороны, сходство с могильниками Вичмарским и Азелинским, а с другой — отличающийся от них появлением новых черт, характерных для эпохи переселения народов. Мари-Луговской могильник дал следующие вещи: застежку с язычком в виде клюва (рис. 8, 8) эполетообразную застежку с овальным умбоном, браслет (рис. 8, 11), гривны и ряд других вещей (рис. 8, 7, 9, 10, 12). Этот могильник имеет довольно архаичные предметы и ряд более поздних, характерных для III—V вв.

С датой IV—V вв., установленной для могильников Казанского, Сюкеевского, Айшинского, Масловского, Сунцовского, Бахмутинского и Харинского и Безводновского клада, надо согласиться.

²⁷ А. А. Спицын. Древности камской Чуди. Материалы по арх. России, вып. 26. СПб., табл. II, рис. 1, 2, 3, 5, 11, 14, 15, 16.

²⁸ Отчет Арх. комиссии за 1898 г. СПб., 1899, стр. 77.

²⁹ МАР № 26, табл. XXXVIII, рис. 1, 2, 25, 26, 30, 32.

Большой интерес представляет могильник Качка в Молотовской области, изученный Шмидтом.³⁰

Автор путем сопоставления вещей могильника с рядом южных материалов, в частности по обилию вещей сарматского стиля, убедительно обосновал дату II—V вв. н. э. В этом могильнике прослеживаются последние следы пьяноборской культуры. Интересно, что могильники нижней Камы и Вятки дают меньше привозных вещей, чем средняя Кама.

Эпоха IV—V вв., представленная рядом могильников, ясно указывает на конец пьяноборской культуры. Формы украшений первых веков нашей эры значительно видоизменяются и исчезают. В этом отношении характерна эполетообразная застежка, проделавшая значительный путь и просуществовавшая до V в., когда она встречается в весьма значительном количестве. До этой же эпохи доходят нагрудные пряжки со спиральями по окружности. До V же века доходят и мелкие круглые парные бляшки, типичные для пьяноборской культуры.

Общий характер материала IV—V вв., тесно связанного с более ранними пьяноборскими могильниками, не позволяет выделять его в особую харинскую культуру, тем более что Харинский могильник имеет несколько хронологических стадий, а находки других памятников, расположенных около этого селения, относятся к разному времени, что прекрасно видно на материале Теплоуховской коллекции. Поэтому самый термин «харинская культура» не соответствует вкладываемому в него содержанию.

На основании приведенного материала правильнее установить следующую схему: в III в. до н. э. ананьинская культура переходит в пьяноборскую, которая существует до V в. н. э.

Первый период III—I вв. до н. э. датируется эллинистическими вещами. Бытуют украшения, представляющие переходные формы от ананьинской к пьяноборской культуре. К этому периоду относятся погребения Уфимского и частично Пьяноборского могильников.

Второй период, датируемый римскими и кушанскими материалами, охватывает время от I до III в. н. э. включительно. Это время расцвета пьяноборской культуры, время огромных сдвигов в области хозяйственной жизни, окончательного вытеснения бронзовых орудий железными.

К этому времени относятся могильники: 1-й и 2-й Пьяноборские, 1-й и 2-й Нырғындынские, Воробьевский, «Атамановы кости». К переходному времени от II к III стадии, к III—IV вв.: Вичмарский, Азелинский, Беклемишевское поле, Георгиевский клад.

Третья стадия датируется вещами сарматского облика. В это время все формы, характерные для пьяноборской культуры, приходят в упадок.

К ней относятся следующие могильники: Мари-Луговской, представляющий переход от II к III стадии; Казанский, Сюкеевский, Айшинский, Масловский, Харинский, Качка, Бахмутинский (древняя стадия).

Начиная с VI в. пьяноборская культура сменилась ломоватовской.

³⁰ ESA, t. I, Helsinki, 1927, p. 18.

С. В. КИСЕЛЕВ

ПИСЬМЕННОСТЬ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗ

Высокому уровню хозяйства и сложному общественному и государственному устройству кыргыз вполне соответствовало их культурное развитие. Его высота наиболее ярко проявилась в письменности.

Относительно ее возникновения существует несколько точек зрения.

После работ О. Доннера¹ и В. Томсена² большинство исследователей признали, что в основе орхонского алфавита лежит арамейский. Помимо этого, О. Доннер убедительно доказывал, что знаки енисейско-орхонского алфавита ближе всего к знакам, выбитым на аршакидских монетах II—III вв. В связи с этим П. Мелиоранский считал возможным предполагать, что на востоке арамейско-аршакидский алфавит держался и позднее III в.³ В настоящее время его предположение нашло себе вескую поддержку в исследовании С. П. Толстовым хорезмийского алфавита по надписям на монетах шахов Хорезма. Выяснилось, что хорезмийский алфавит восходит к III—IV вв., причем древнейшие «его знаки целиком укладываются в вариации арамейского шрифта, как такового». Однако и позднее, вплоть до VIII в., хорезмийский шрифт «сохраняет крайне архаический облик, во многом сближающий его с арамейскими шрифтами парфянского и даже ахеменидского времени». ⁴ Такое наблюдение над хорезмийской письменностью, подтверждая устойчивость архаических арамейских черт в алфавитах Средней Азии, еще более подкрепляет гипотезу В. Томсена о проникновении арамейского письма дальше к Востоку, на Енисей и Орхон, через посредство пехлевийского, согдийского и хорезмийского. Глубоко знающий орхоно-енисейскую эпиграфику, С. П. Толстов именно так и ставит вопрос.⁵

Однако едва ли он прав, когда относит это к сравнительно позднему времени, ссылаясь на широкое распространение тюркского рунического алфавита лишь к VIII в. н. э.

Как известно, орхонские эпитафии были высечены в тридцатых годах VIII в. Но уже в то время орхонский «классический» стиль был близок к изменению. Оно выразилось в сложении нового рунического «устава» второй половины VIII в., образцом которого являются письмена Селенгин-

¹ O. Donner. Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie. Helsingfors, 1896.

² V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Mémoires de la Soc. Fin.-Ougr., Helsingfors, 1894—1896.

³ П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, т. II, 1899, стр. 47.

⁴ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4, стр. 133—134.

⁵ Там же, стр. 145.

ского камня.⁶ Подобная перемена совершалась на далеком северо-востоке, но охватила и западные области тюркского рунического письма. В этом убеждают рукописные рунические тексты начала IX в. из Китайского Туркестана, изданные В. Томсеном.⁷ В том же позднейшем варианте руническое письмо помнили и писцы Дун-Хуана в XI—XII вв.⁸ А. Н. Бернштам совершенно правильно отметил близость их начертаний к «уставу» Селенгинского камня.⁹

Все изложенное не позволяет считать VIII в. временем, близким к возникновению тюркского рунического письма. Предположение П. Мелиоранского, реализованное исследованиями С. Толстова, лишь снимает с нас необходимость подтягивать время зарождения тюркской руники обязательно к III—I вв. до н. э. и тем самым становиться на путь Е. Блоше, предполагавшего, что руника была заимствована туг'ю через посредство Жуан-Жуан у хуннов, которые в свою очередь заимствовали свою письменность из какого-нибудь арамейского алфавита III в. до н. э.¹⁰ При всей заманчивости такой гипотезы она не имеет пока надежных оснований.

Однако остается в силе высказанное еще В. Радловым и поддержанное П. Мелиоранским наблюдение о значительно большей древности енисейских рунических письмен сравнительно с орхонскими. В. Радлов относил их к VII в.,¹¹ а П. Мелиоранский нашел возможным «отнести их вообще к VII, а может и к VI веку».¹² В 1926 г. эту же точку зрения поддержал С. Малов. В докладе на Туркологическом съезде в Баку он высказал мнение, что енисейские памятники «датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-селенгинских», т. е. тем же VI веком.¹³

В этой связи следует вспомнить важное указание В. Радлова на то, «что между Хануем и Танну-Ола мы не находим никаких следов надписей». По его мнению, это также не позволяет считать, что древнетюркское письмо достигло истоков Енисея, распространяясь от Орхона на Запад.¹⁴ Вместо этого В. Радлов предполагал другой путь проникновения письма туг'ю к кыргызам. На Кемчике много рунических надписей. В VI в. «орда тюркских князей» могла находиться на Черном Иртыше. От Черного Иртыша сравнительно близко до Кемчика. Поэтому, по В. Радлову, именно оттуда и проникла к кыргызам на Кемчик руника туг'ю.¹⁵ Но едва ли такое построение правильно. Прежде всего оно не снимает вопроса, откуда появилось руническое письмо на Черном Иртыше,—ведь известно, что на Южном Алтае нет образцов его раннего развития. Затем, правильно придавая значение отсутствию рунических надписей между р. Хануем и областями современной Тувинской Авт. области, следовало бы отметить и полное отсутствие сведений о наличии надписей на всем протяжении от Кем-

⁶ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei (Helsingfors, 1913), и его же перевод надписей Селенгинского камня (Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. РГО, т. XV, вып. 1, СПб., 1914).

⁷ V. Thomsen. De M. A. Stein's Manuscripts in turkish «runic» script from Miran and Tun huand. Journ. of the Asiatic Society, London, 1912, January, p. 181—227.

⁸ W. Bang in Verbindung mit Dr. A. von Gabain und Dr. G. R. Rachmati. Türkische Turfantexte. IV buddistische Sutra Sakiz Jükmäk. Sitzungsberichte d. Dr. Akademie d. Wissenschaften. VIII—X, 1934, S. 97.

⁹ А. Н. Бернштам. Руническая надпись в уйгурской рукописи. Зап. Инст. востоковедения АН СССР, т. VII, стр. 303—305.

¹⁰ E. Blochet. Les inscriptions turques de l'Orkhon. Revue Archéologique, III série, t. XXXII, p. 356—382; et t. XXXIII, p. 352—365.

¹¹ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. СПб., 1895, стр. 301—302.

¹² П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 47.

¹³ Цитирую по В. Бартольд. Кыргызы, стр. 22.

¹⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften. Dritte Lieferung, стр. 301.

¹⁵ Там же, стр. 301.

чика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше. Локализация «орды тюркских князей», т. е. центра державы туг'ю в VI в., на Черном Иртыше также пока не подтверждается источниками. Наоборот, Кошодайдамские тексты и памятник Тоньюкука традиционным центром на Востоке считают р. Орхон. Что же касается Запада, то уже в VI в. опорой тюркской экспансии являлось там Семиречье. Считают также, что около Кульджи, под горою Ак-таг находилась в 568 г. ставка западнотюркского хана Дизаб-ула.¹⁶

Однако если гипотеза В. Радлова о роли предполагаемых тюркских кочевий по Черному Иртышу в передаче кыргызам рунической письменности и не может быть принята, все же это не снимает вопроса о проникновении руники к кыргызам от западных тюрков. Ведь рядом с их центрами в Семиречье на р. Таласе и на Иссык-куле были открыты рунические надписи. Напомним эти находки.

В 1896 г. В. Каллаур обнаружил около с. Дмитриевского на верхнем Таласе первую руническую надпись, изданную и переведенную В. Радловым,¹⁷ а позднее Неметом¹⁸ и С. Маловым.¹⁹ Тогда же В. Каллаур видел рунические строчки среди уйгурских писем в ущелье Терексай Александровского хребта, но судьба копии этой надписи, дошедшей до В. Радлова, в дальнейшем неизвестна. В 1898 г. В. Каллаур открыл около с. Дмитриевского еще две рунические надписи, изданные П. Мелиоранским, прочитавшим, однако, лишь одну из них (так называемый «первый» камень).²⁰ Позднее эту надпись также переводили Немет²¹ и С. Малов.²² Второй же камень впервые был переведен Неметом,²³ а затем подробно рассмотрен С. Маловым.²⁴ После открытия В. Каллаура, около с. Дмитриевского было найдено еще две надписи на камнях, стоявших над погребениями, исследованными Г. Гейкелем в 1898 г. По мнению Г. Гейкеля, могилы эти относятся к V в. н. э.²⁵ Стоявшие над ними надписи были изданы тем же Г. Гейкелем в 1918 г.²⁶ и дважды переведены Неметом²⁷ и С. Маловым.²⁸ За советский период в Семиречье обнаружены новые рунические надписи. В 1926 г., благодаря понижению уровня Иссык-куля, около уроч. Койсара выступил из-под воды камень с арабскими и руническими письменами, изданными С. Маловым.²⁹

В 1930 г. в Тераксае, около с. Дмитриевского Е. Массон открыл новую наскальную руническую надпись, впоследствии переведенную С. Маловым.³⁰ Наконец, в 1932 г. в древнем шурфе, на месторождении

¹⁶ А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 25.

¹⁷ В. Радлов. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой Кенкольской вол., Аулиеатинского уезда. ЗВОРАО, т. XI, вып. I—IV, СПб., 1899, стр. 85—87.

¹⁸ J. Nemeth. Die Köktürkischen Grabinschriften aus dem Tale des Talas in Turkestan. Körösi Csoma Archiv, Bd. II, Budapest.

¹⁹ С. Малов. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас. Изв. АН СССР, Отд. гуманитарных наук, Л., 1929, стр. 802—804.

²⁰ П. Мелиоранский. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском у. ЗВОРАО, т. XI, вып. I—IV, стр. 271—272.

²¹ J. Nemeth, ук. соч., стр. 140—141.

²² С. Малов, ук. соч., стр. 799—802.

²³ J. Nemeth, ук. соч., стр. 137—138.

²⁴ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7. М.—Л., 1936, стр. 17—23.

²⁵ H. Heikel, *Altertümer aus dem Tale der Talas in Turkestan*. Travaux ethnographiques, VII, Helsinki, 1918, p. 11,1 и 11,14.

²⁶ H. Heikel, ук. соч., табл. XXIII и XXIV.

²⁷ Там же, стр. 139—140 и 142—143.

²⁸ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 23—26.

²⁹ С. Малов. Древнетурецкие надгробия бассейна р. Талас, стр. 804—805.

³⁰ С. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 27—28.

серного колчедана в окрестности с. Дмитриевского была обнаружена еловая палочка, покрытая резными рунами. В 1936 г. этот исключительный памятник был издан С. Маловым с переводом и важнейшими комментариями.³¹

Таким образом, до настоящего времени в Семиречье известно 9 рунических надписей, причем большинство обнаружено около с. Дмитриевского на верхнем Таласе и лишь одна на берегу Иссык-куля. Эта находка имеет очень большое значение, так как не позволяет видеть в надписях у с. Дмитриевского случайное, узко локальное явление в Семиречье. Наоборот, не подлежит никакому сомнению, что определенная часть Семиречья представляет такой же очаг рунической письменности, какими были области Верхнего и Среднего Енисея и Монголия.

Благодаря последним раскопкам и разведкам А. Н. Бернштама удалось выяснить, что в VI—VII вв. на территории Семиречья развивались два параллельных процесса — складывался западнотюркский каганат, имевший тесные связи с Согдианой, и вновь проникали в Семиречье значительные массы согдийского населения. При этом удалось определить границы согдийских колоний и тем самым выяснить, что «центрами распространения тюрков оказались горные долины: Верхний Талас, Чон-Кемин и Иссык-куль. В долине Чон-Кемин открыт город Суяб и могильники тюрков с балбалами. На Иссык-куле обнаружены каменные бабы, в Верхнем Таласе, по р. Кенкол, около ур. Терскул — тюркский могильник».³² Тюркские племена этих районов — пять дулу и пять нушиби или, как их называют рунические тексты, «десятистрельный народ» потеряли свою политическую самостоятельность в 704 г., когда сложилось новое государство тюркешей. Таким образом, не подлежит сомнению, что памятники VI—VII вв., исследованные Г. Гейкелем, С. Теплоуховым и А. Бернштамом в горных районах Семиречья, принадлежали именно западным тюркам. Нет никаких оснований исключать из комплексов этих памятников рунические надписи на камнях и скалах, найденные на Верхнем Таласе и на Иссык-куле. Дело в том, что все исследователи этих надписей отмечают их большое сходство по характеру букв и по содержанию с енисейскими VI—VII вв. и заметное отличие от орхонских и тем более селенгинских VIII в.³³ Отнесению их к VIII в. препятствует также и то обстоятельство, что в тюркешском государстве получила развитие уже другая, уйгурская письменность. Это доказано легендами тюркешских монет. На них, и то лишь в качестве тамги, удерживается в VIII в. всего один рунический знак. Это доказано также господством уйгурской письменности в документах VIII—IX вв., найденных в Китайском Туркестане. Рунические тексты встречаются там лишь изредка. Таким образом, можно считать вполне установленным наличие в Семиречье в районах, занимавшихся в VI—VII вв. тюрками, рунической письменности и притом более архаического типа, чем орхонская. Такой вывод позволяет поставить вопрос о месте формирования рунического алфавита. Если не подлежит сомнению арамейская основа большинства таласо-енисейских литер, воспринявших ее через среднеазиатские варианты, через согдийское и хорезмийское письмо, то Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI—VII вв. занятое западными туг'ю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособления арамейского алфавита к тюркской речи.³⁴ Оттуда тюркизирован-

³¹ С. Малов Таласские эпиграфические памятники, стр. 23—38.

³² А. Бернштам Археологический очерк Сев. Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 60.

³³ Ср. С. Малов. Древнетурецкие надгробия, стр. 800 и А. Бернштам. Археологические очерки Сев. Киргизии, стр. 61.

³⁴ А. Бернштам. Тюркешские монеты. Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа,

ный алфавит широко распространенся прежде всего на восток. Пока не найдено в Восточном Туркестане рунических надписей на камне, но зато имеются документы на бумаге. Они вероятнее всего представляют памятники тюркоязычного народа ягма, обитавшего в VI—VIII вв. в Кашгарии и входившего в западный тюркский каганат. Это позволяет не считать отсутствие рунических надписей на камнях и скалах безусловным доказательством незнакомства населения ряда областей Центральной Азии с руникой. В частности, вполне возможно допустить наличие рунического письма у

Рис. 9

а — надпись на глиняном сосуде из Уйбатского чаатаса; б — прорись надписи на пряслице Минусинского музея

карлуков — одного из наиболее крупных племен, входивших в состав западнотюркского каганата. Между тем карлуки очень долго занимали территорию Западного Алтая и Тарбагатай и в том числе бассейн Зайсана и Черного Иртыша. Китайская хроника сохранила указания на постоянство дружественных связей енисейских кыргызов с карлуками (Гелолу).³⁵ Гипотеза В. Радлова о роли населения Черного Иртыша в передаче кыргызам руники туг'ю приобретает в новом виде бóльшую достоверность, уже не нуждаясь в придуманной «орде тюркских князей». Вероятно, так же как ягма и как кыргызы, восприняли руническое письмо западных туг'ю и орхонские тюрки. Однако их древнейшие тексты VI—VII вв. пока еще не выделены, так как исследователей, естественно, влекут к себе монументальные надписи Онгина, Кошо-Цайдама и Налайхи, относящиеся к первой половине VIII в.

Что касается кыргызов, то западнотюркская письменность попала на Енисее на подготовленную почву. Уже почти два тысячелетия существовали там разнообразнейшие рисунки на скалах и на нарочито поставленных стелах. Многие из них составляют целые повествования о выдающихся событиях — сражениях, больших охотах, постройке новых поселков и переездах на новые места. Другие с различной условностью передают в символах отвлеченные представления, главным образом космогонического характера. Косые и прямые кресты, квадраты, круги, звезды, дуги и другие фигуры высекались еще в карасукское время. В тагарскую эпоху эти

т. II, 1940, стр. 105—111. О тесной связи каганата с городскими центрами Средней Азии см. С. Толстов. Тиранния Абрауя. Исторические записки, т. III, М., 1939, стр. 3—53.

³⁵ Иакинф (Бичурин). Собрание сведений и т. д., ч. I, стр. 449. Сообщение об общей границе (стр. 448) относится уже к IX в.

знаки умножились и к ним прибавились разнообразные тамги. В таштыке отмечен новый шаг вперед — появление наряду с тамгами счетных знаков. При такой древности и разнообразии средств фиксации, в условиях нового усложнения общественных отношений, когда возникала кыргызская государственность, естественны были попытки создания собственной письменности. Один такой опыт сохранил нам обломок грубого горшка, найденный в кыргызском кургане № 2 Уйбатского чаатаса. В его нижней части, под волнистой чертой расположена целая строка различных знаков — квадрат с крестом внутри, две наклонные черты, схематическая фигура мужчины, два вписанных друг в друга круга с чертой посередине, примыкающая к нему дуга, горизонтальная черта и черта вертикальная (рис. 9а). Перед нами несомненная надпись, для которой использованы знаки, давно бытовавшие на Енисее, но только теперь поставленные в строку. Об отношении этого примитивного письма к руническому алфавиту можно заключать из того, что далеко не все рунические знаки восходят к арамейской системе. Занимавшийся этим вопросом В. Томсен не нашел арамейских основ для 15 орхонских знаков и пришел к выводу, что они представляют собой местное дополнение. Он же в специальной таблице выделил «главнейшие и наименее сомнительные» варианты знаков, характеризующие енисейские надписи.³⁶ В настоящее время количество определяемых енисейских вариантов может быть еще увеличено. Уже самое количество их (до 8 к одному звуку) подтверждает относительную древность енисейского и очень близкого к нему таласского алфавита, отразившего ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм. Однако и теперь, как и при выходе в свет «Заметок об этническом составе тюркских племен и народностей» Н. Аристова, нельзя согласиться с его теорией происхождения тюркской руники исключительно из тамг.³⁷ Наоборот, новые открытия в области среднеазиатских алфавитов еще раз подкрепляют теорию О. Доннера и В. Томсена.

Руническая письменность у кыргызов была распространена очень широко. На это указывает то обстоятельство, что в степях Кемчика, Улукема, Бейкема, Енисея, Абакана и их притоков уже найдено около 50 одних только надгробных надписей, из которых некоторые очень велики.³⁸ Но не только количество надгробных надписей свидетельствует о широком знании письма. Рунические эпитафии Верхнего Енисея и Минусинской котловины явно рассчитаны на широкий круг читателей, а не только на представителей знати. Рассматривая содержание этих надписей, мы уже извлекли из них ценные сообщения о внутреннем устройстве кыргызского общества в VI—VII вв. При этом мы видели постоянные упоминания о народе, составленные в таких выражениях восхваления, которые не оставляют сомнения в том, что всегда был расчет на прочтение проезжим простым кыргызом.³⁹ Еще в большей степени в том же убеждает обилие ненадгробных надписей. Большинство из них находится на скалах, часто представляя как бы беглые, торопливо начерченные острием отметки.

³⁶ V. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, стр. 10—44.

³⁷ Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. «Живая старина», 1896, вып. III и IV, стр. 410, 418, 420.

³⁸ См. W. Radloff. *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, стр. 299—387. (21 тувинская, 12 минусинских надгробных и 4 наскальных надписи); С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами (3 тувинских надгробных надписи); С. В. Киселев. Неизданные надписи енисейских кыргызов (1 минусинская и 3 тувинских надгробных и 2 «светских», но вырезанных на стелах). Кроме того, мне прислали из Тувы еще 5 надписей, собранных экспедицией Тувинского обл. музея, а во время экспедиции 1947 г. мы собрали еще ряд новых надписей на Элегесте, Енисее и Уюке.

³⁹ С. В. Киселев. Общество и государство енисейских кыргызов. Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1946, т. III, № 5.

К сожалению, этот материал остается до сих пор не только не прочитанным, но в значительной массе своей и не собранным. Только А. Адрианов во время своих работ по эстампированию енисейских писаниц списал некоторое число таких наскальных надписей-отметок.⁴⁰ Известная часть их видна также на рисунках, сделанных с писаниц экспедицией Аспелина.⁴¹ В своих поисках писаниц я также встречал отдельные рунические знаки на камнях Майдашинских и Оглахтинских гор близ Миусинска.

В этих надписях несомненно таятся важнейшие факты внутренней жизни кыргызов. В этом можно быть уверенным, исходя из содержания единственной прочитанной большой наскальной надписи, скопированной по

Рис. 10. Оттиск надписи на пряслице (фото)

инициативе Д. Клеменца на утесе Хая-Баши у р. Кемчика. Мы уже обращались к ней при изучении общественного строя кыргызов. Здесь же приведем ее целиком, так как ее текст особенно убеждает в доступности руники многим кыргызам:

«Вашего владения — моего хана и моего эя это памятник на Кара-Сэнгире. Его писал Аншин. Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир. Витязь-Инанчу, Чигши-бэг по моим заслугам я самый высший среди шести родов Кэшдим, это мое превосходство. Кара-Сэнгиром владел я — победоносный Чигши в тридцать восьмом году — премудрый Шангун. Согласно письма... хана [я] Тутук-бэг лежащей по ту сторону земли».⁴²

Обращение «Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир» не оставляет сомнения в том, что памятник на Хая-Баши должны были читать очень многие. О том же можно заключить и по распространенности рунических надписей на различных бытовых предметах. Некоторые из них, вырезанные на золотых и серебряных сосудах, мы уже рассмотрели.⁴³ Однако

⁴⁰ Хранится в архиве А. А. Спицына в ИИМК АН СССР.

⁴¹ Appelgren-Kivalo, *Alt-Altaiische Kupferdenkmäler*, рис. 77 и сл. Перевод надписей с Писаной горы около Сулека см. W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, стр. 345.

⁴² W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*..., стр. 326—327. У Радлова сказано «Кыргызского хана», однако осмотр надписи в 1947 г. показал, что имеющиеся в этом месте знаки не дают оснований к транскрипции «кыргыз». Повидимому, там было начертано другое слово.

⁴³ С. В. Киселев. Ук. соч.

надписи, обычно указывающие имя владельца, встречаются и на менее роскошных вещах — на поясных украшениях, на китайских зеркалах, на пряслицах, и даже на китайских монетах.⁴⁴ Надписи на монетах особенно важны. Поскольку монеты были чеканены в 841 г., они свидетельствуют о том, что руническое письмо продолжало применяться на Енисее еще и в IX—X вв. Это подтверждает и отсутствие в стране кыргызов древних уйгурских надписей.

Особый интерес представляет надпись, вырезанная на каменном дисковидном пряслице из Минусинского музея⁴⁵ (рис. 9б и 10). Ее литеры весьма своеобразны и значительно отличаются от других енисейских. Прежде всего обращает на себя внимание редкое начертание *m* — , *k* — , *p* — и наличие очевидно, в значении *z* или *ʒ*. Особый же интерес представляет употребление двух вариантов и . Эти знаки — «лесенки» до недавнего времени вообще были неизвестны в азиатской рунике, наличествуя лишь в печенежском письме и венгерских резах в значении *z*.⁴⁶ Теперь же они встретились сразу в двух центрах азиатского рунического письма: на енисейском пряслице и на таласской палочке, изданной С. Маловым.⁴⁷ С надписью на таласской палочке роднит надпись на минусинском пряслице и близость других начертаний:

 и , , , ,

а также общий стиль знаков.⁴⁸ Рассматривая особенности алфавита обеих надписей, нельзя не признать наряду с их большой близостью друг к другу их сильного отличия от орхонской и таласской лапидарной руники. Ни на Орхоне, ни на Таласе мы не встречаем *m* в вариантах , и . Нет на Орхоне и на Таласе и *ш* в виде и , а также *нч* или *ч* в виде . Зато енисейские надписи изобилуют такими начертаниями. Основываясь на этом, я не могу вполне согласиться с выводом С. Е. Малова относительно надписи на таласской палочке, что будто бы «при первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразность в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунической письменностей».⁴⁹ Совершенно очевидно, что необходимо сделать исключение для енисейских аналогий, особенно после счастливой находки В. П. Левашевой минусинского пряслица.

Однако все сказанное выше позволяет ставить вопрос и о происхождении таласской деревянной палочки с рунами. Она найдена в древнем шурфе, пробитом для добычи железного купороса или квасцов на южном склоне Киргизского хребта к северо-западу от с. Дмитриевского в местности Ачикташ. Содержание ее надписей, мастерски раскрытое С. Е. Маловым, вполне обосновывает его вывод о том, что эта палочка не имела аналогий с уйгурскими деревянными кольями культового или магического значения, но «является своего рода путевым жезлом, путеводной палочкой».⁵⁰

⁴⁴ W. Radloff. Ук. соч., стр. 346.

⁴⁵ Рисунок и слепок любезно предоставлены мне В. П. Левашевой, Инв. № пряслица 2164.

⁴⁶ J. Nemeth. Die Inschriften des Schatzes von Nagyszent-Miklós. Bibliotheca Orientalis Hungarica, II, Budapest — Leipzig, 1932, Beilage, V, VI.

⁴⁷ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 28—38.

⁴⁸ Я решаюсь употребить выражение «стиль» потому, что перед нами надписи на различном материале и, тем не менее, очень сходные по почерку. Очевидно, они подчинены не только одной алфавитной традиции, но и одному почерковому стилю.

⁴⁹ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники, стр. 30.

⁵⁰ Перевод надписи: «Поднявшись я перевалил через вершину горы. Своих домашних товарищей... Теперь открывая сосуды... Крайняя равнина. Помогая друг другу на новом пути через вершину горы и поднимаясь выше, огибая таким образом... Я по-

Но кто был тот путешественник, которого привела в VII или VIII в.⁵¹ путеводная палочка на р. Талас? Нам кажется возможным предполагать его кыргызское происхождение. За это говорит отмеченное выше отличие путеводных надписей палочки от других восточнотуркестанских рунических начертаний и, наоборот, ближайшее сходство с енисейскими надписями, особенно со строчкой, вырезанной на пряслице № 2164 Минусинского музея.

Вероятно, это был один из тех предприимчивых кыргызских воинов-торговцев, которые, проникая в дальние страны вплоть до двора китайских императоров, разносили по Востоку славу о высоком мастерстве енисейских ремесленников, оружейников и художников-ювелиров. Если это так, то таласская палочка приобретает и еще одно значение. Она может стать первым документом, прямо фиксирующим проникновение кыргыз на Тяньшань ранее IX—X вв.

Заканчивая этим рассмотрением кыргызской письменности, нельзя не признать в ней действительный показатель высоты культуры енисейских кыргыз, сложности их общественного устройства и прочности их связей с соседними народами Азии. Эта связь обогащала кыргыз новыми достижениями восточной цивилизации, но не могла стереть оригинальных черт, характерных для народа енисейских долин.

дошел; вот — равнина. Переваливая через внутреннее ущелье восхождение хорошо... Открывая [дорогу] и высоко переправляясь, немного...» (там же, стр. 37).

⁵¹ Это время определяется в связи с тем, что древние шурфы Ачикташа, по словам М. Е. Массона, оказались засыпанными землей с обломками керамики IX—X вв. См. М. Е. Массон. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Ср. Азии. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7, стр. 13.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. С. ПАССЕК

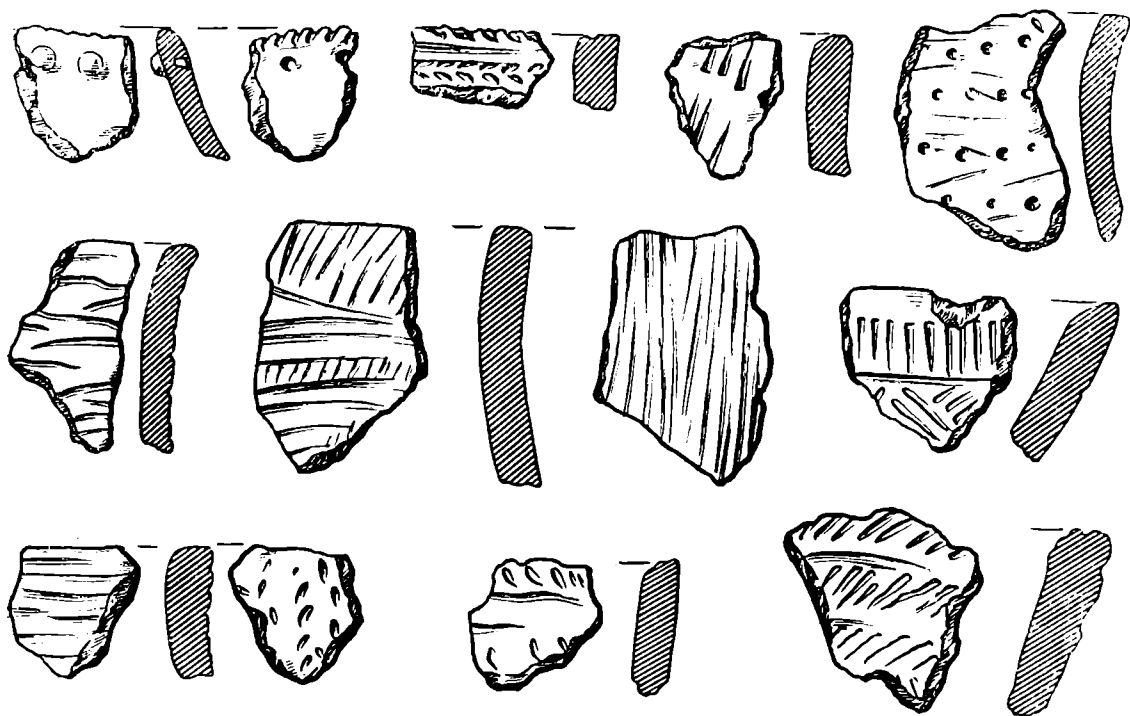
СЕЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ В РАЙОНЕ КАНЕВА

Во время работ Трипольской экспедиции в 1945 г. в районе г. Канева и по течению р. Роси, наряду с изучением трипольских поселений были открыты остатки селищ эпохи бронзы. До сих пор эпоха бронзы в Поднепровье была известна главным образом по находкам, обнаруженным в курганных погребениях, и археологические наблюдения над материалами древних селищ оставались чрезвычайно немногочисленными.

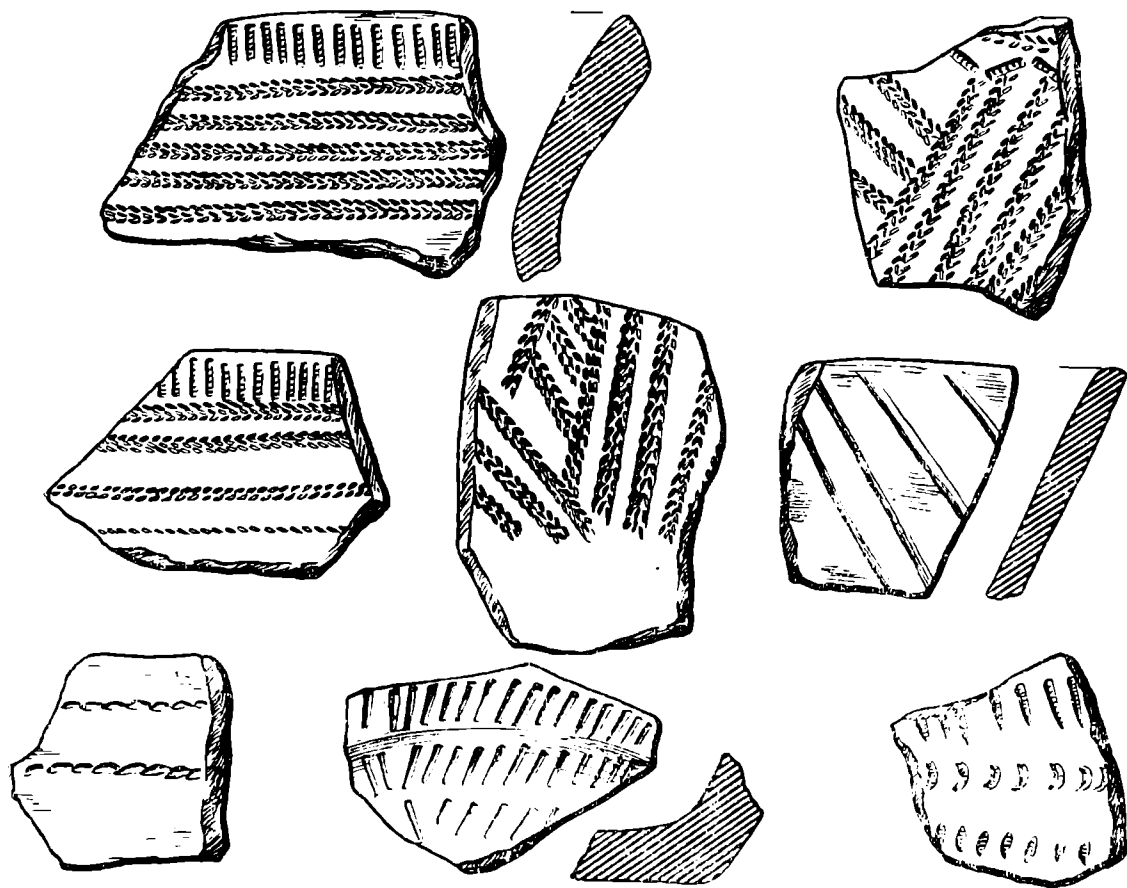
Обнаруженные в 1945 г. селища располагались не в пойме реки, а на правом, высоком берегу Днепра. Для керамического комплекса этих памятников обычны фрагменты сосудов с оттисками веревочки, с углубленным и налепным орнаментом.

Многие из селищ были обнаружены экспедицией в процессе изучения памятников скифского и славянского времени. Так, на одной из возвышенностей в восточной части г. Канева, на плато коренного берега Днепра находится славянское городище X—XIII вв. «Московка». Городище подтреугольной формы расположено при впадении в Днепр небольшого ручья, с западной и юго-западной стороны огибающего возвышенность. «Стрелкой» оно обращено на северо-запад. С юго-западной и северо-восточной сторон крутые склоны глубоких оврагов покрыты лесом. С южной, напольной стороны городище замыкается большим валом (8 м высотой) и рвом, проходящим с востока на запад. Несколько отступя к середине городища, заметны остатки второго вала и рва. При обследовании в северо-западной, северо-восточной частях и главным образом на «стрелке» городища, несколько ближе к его середине, на всем пространстве распаханного и сильно перекопанного поля, обнаружено, кроме находок славянского времени, значительное число керамического материала, относящегося к эпохе бронзы. Обнаружены фрагменты сосудов черной массы с красновато-коричневой наружной поверхностью. На внутренней — следы «полосчатого сглаживания». Большинство сосудов (формы установить затруднительно, имеются чаши и широкогорлые сосуды) украшено оттисками веревочки, округлыми и удлиненными, сходящимися в елочку углублениями. Встречаются у края чаш выпуклые, выдавленные изнутри бугорки (рис. 11—1). Обследованием установлено, что культурный слой на городище сильно перепахан и сохранился лишь частично. На одном из участков было наблюдаемо незначительное скопление створок раковин *unio*.

Второе селище было открыто ниже по Днепру, около предместья г. Канева «Бессараба» на одной из возвышенностей, называемой Пилипенкова гора (между Тарасовой горой, где музей им. Т. Шевченко, и Червоной горой). Пилипенкова гора с северной, обращенной к Днепру стороны

1

2

Рис. 11. Фрагменты керамики
 1 — с городища Московка; 2 — с селища Пилипенкова гора

неприступна, и склоны ее покрыты молодым березовым лесом. Не менее круты и восточный, южный и западный ее склоны. Обследование всей возвышенности показало, что на этом месте селище существовало длительный отрезок времени. Здесь, кроме характерной керамики эпохи бронзы, обнаружены сосуды позднескифского времени и культуры «полей гребений».

В комплексе эпохи бронзы здесь обнаружено большое количество сосудов, изготовленных из массы с сильной примесью песка или измельченных раковин. Наружная поверхность — коричневатокрасная, внутренняя — черная со следами «полосчатого сглаживания». Особенно интересны сосуды с уплощенным верхом края, с несколько отогнутым горлом и прямыми стенками. Почти до самого дна сосуды этой формы покрыты орнаментом, состоящим из плоского прямоугольного штампа (у верха края) и оттисков одиночной или двойной «встречной» веревочки. Оттиски веревочки горизонтально проходят по горлу, а ниже на стенках образуют сходящиеся под углом ленты. Оттиски прямоугольного штампа иногда покрывают днище сосудов. Веревочкой же нанесены ряды серповидных и гусеничных оттисков (рис. 11—2).

На известном славянском городище «Княжа гора» у с. Пекари также были открыты следы селища эпохи бронзы. В настоящее время городище сохранилось главным образом в юго-западной части и представляет собой конусовидный по форме высокий кряж с очень крутыми склонами. Совершенно отвесный северо-восточный склон обращен к Днепру (уровень над Днепром 220 м). Громадные оползни и предшествующие раскопки оставили не разрушенной лишь незначительную часть площадки городища, причем при осмотре геологических шурфов, заложенных на городище, культурных наслоений в них не обнаружено. В юго-западном конце кряжа от napольной части городище ограничивается валом и наружным рвом. Сохранилась лишь небольшая часть их.

Среди собранного подъемного материала с площадки городища, а также с юго-восточных и южных склонов оврагов наряду со славянской керамикой великокняжеского периода обнаружены фрагменты сосудов эпохи бронзы. Находки аналогичной керамики были сделаны Н. Ф. Беляшевским здесь еще раньше¹ (находки хранятся в собрании Киевского Исторического музея). Среди собранных материалов имеются фрагменты горшков с широким горлом и с углубленным орнаментом, образующим на верхней части и стенках сосуда горизонтальные или вертикальные елочные ряды. Часто у края ногтевой или шипковый орнамент. Имеется орнамент, нанесенный наискось перевитой веревочкой. Другого типа сосуды — довольно высокие горшки с ребристыми плечиками, украшенные налепным и ногтевым орнаментом по краю; у основания края и ниже по горлу и стенкам часто наблюдаются ряды углубленных полос, образующих елочку, или перекрещивающиеся полосы, доходящие до днища. Часто ниже плечиков, на нижних стенках сосуда имеется продольный налепной орнамент, а у края — сквозные, просверленные снаружи вовнутрь отверстия. Налепные горизонтальные полосы орнамента иногда чередуются с рядами прямого плоского или неправильно округлого штампа, образующего ряды елочек (рис. 12 и 13).

Ближний подъемный материал был обнаружен ниже по Днепру на двух селищах у с. Пекари. Селище I расположено у северного конца села, вблизи первого оврага на плато правого берега Днепра, на запад от дороги, идущей из Канева в Пекари. Среди собранных фрагментов имеются образцы сосудов со скошенным внутрь краем. Край орнаментирован углубле-

¹ Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на Княжей горе в 1891 г., Киев, 1892.

ниями плоского удлиненного штампа. Ниже, этим же штампом образуются небольшие, соприкасающиеся сторонами треугольники.

Селище II находится у с. Пекарни на северо-запад от моста (в середине села, через небольшой ручей), на расстоянии 100—150 м по полевой дороге вдоль ручья, на плато около огромного оврага.

Рис. 12. Фрагменты керамики. Городище Княжа гора

Значительное число керамического материала состоит из фрагментов сосудов сильно песчанистой массы — черной к внутренней поверхности и красновато-коричневой к наружной. На внутренней — следы «полосчатого сглаживания». Наружная довольно часто украшена горизонтально идущими канелюрами.

Большинство орнаментов верхней части сосуда украшено поясами, образованными оттисками двойной «встречной» веревочки; плечики и стенки сосудов почти до самого дна украшены такими же оттисками, идущими нансось и часто перекрещивающимися. Среди постоянно встречающихся элементов орнамента — прямоугольный плоский штамп и штамп с зубчи-

ками, а также дуговидные углубления, нанесенные полым штампом. На сосудах с широким горлом распространен налепной орнамент в виде толстого жгута с защипами, обычно наносимый по краю, а также конические бугорки с проткнутыми изнутри углублениями (рис. 14).

Кроме этих памятников, в районе Канева экспедиция провела обследование селищ эпохи бронзы в с. Зарубинцы на Днестре, выше Канева (в уроч. Городок и в уроч. Батунова гора), а также у с. Трахтемиров.

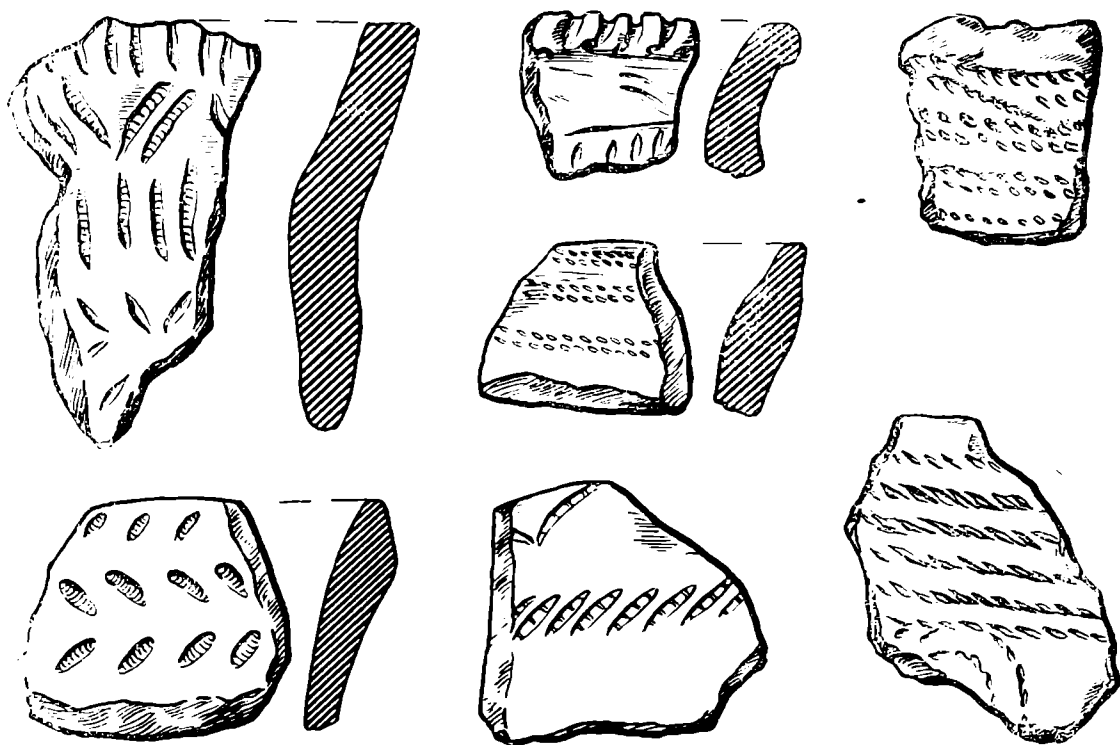

Рис. 13. Фрагменты керамики. Городище Квяжа гора

Обнаруженные на селищах материалы следует сопоставить с керамикой: 1) дюнных стоянок в районе Киева (у Никольской слободы, у с. Койлово и др.), 2) селищ, открытых на высоком правом берегу Днестра у Киева, в уроч. Куреневка, Киселевка, 3) селищ близ с.с. Триполья и Витачево² (разведки Трипольской экспедиции 1939 г.), а также с керамическими материалами, известными по раскопкам в б. Потемкинском саду в Днепропетровске и у Стрельча-Склея у с. Волошинского.³

На левобережье Днестра аналогичные материалы известны по раскопкам на Лысой горе близ г. Лубны⁴ и из разведок Ю. В. Подгаецкого на Десне и др. Все эти находки, как и открытые в 1945 г. селища в районе Канева, при сопоставлении их с материалами курганных погребений эпохи бронзы в Поднепровье датируются началом и серединой II тысячелетия до н. э.—временем «катакомбной» культуры.

Сделанные экспедицией наблюдения, что селища располагаются на высоком коренном берегу Днестра, а не в пойме реки, позволяют предпола-

² Материалы хранятся в Центральном Историческом музее в Киеве и не изданы.

³ Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 43.

⁴ В. Ляскоронский. Археологические раскопки близ г. Лубны Полтавской губ. в уроч. «Лысая гора». Киевская старина. 1892, т. 10—12, Киев, 1892; см. также Труды VIII Археологического съезда, т. IV.

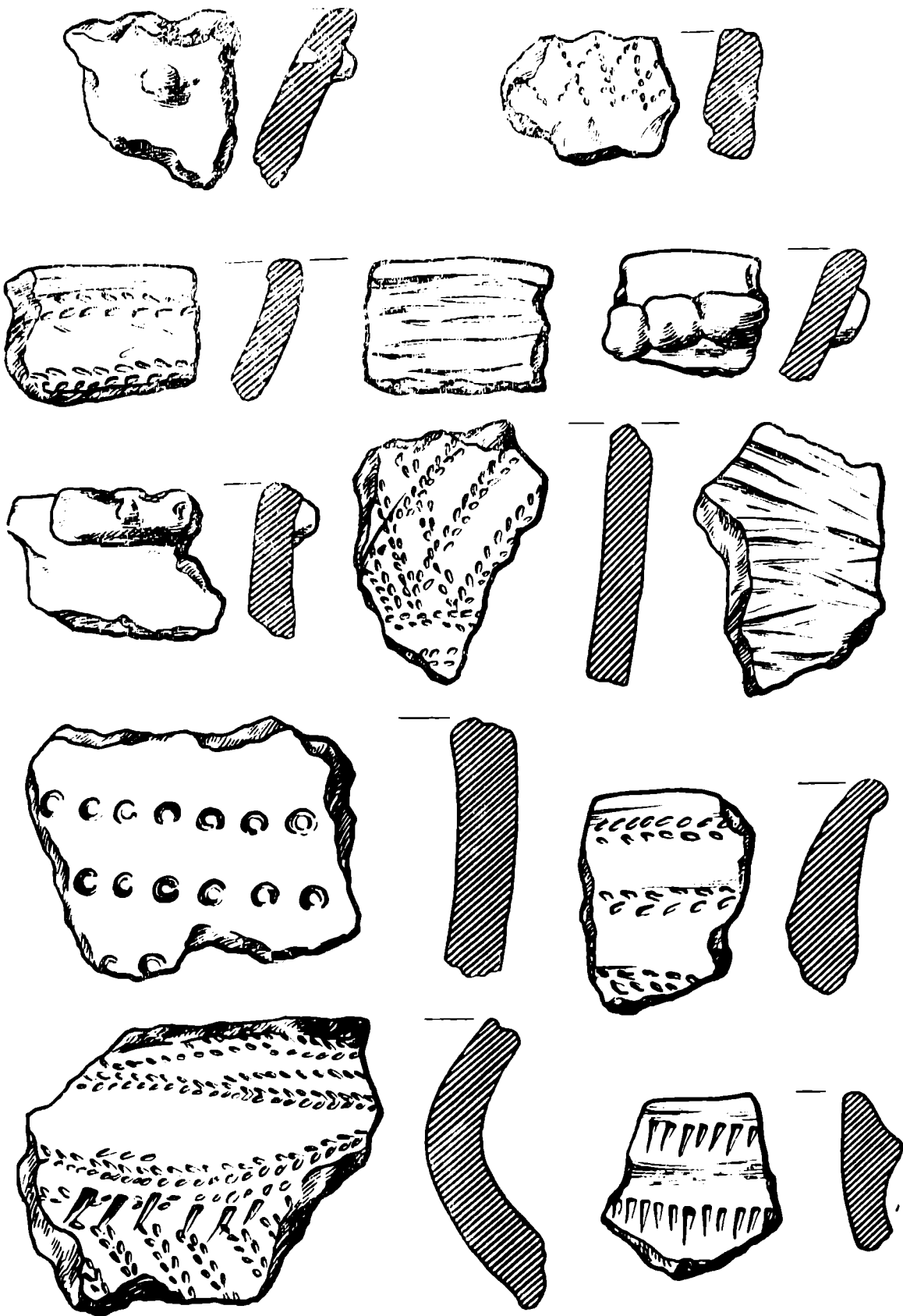

Рис. 14. Фрагменты керамики. Селище Пекари II

гать, что в это время хозяйство племен «катакомбной культуры» так же как и трипольских на позднем этапе их развития (этап С/II), в основе оставалось земледельческим. Располагая свои селища на высоких берегах рек, население не порывало с окружающими землями. Одновременно стоянки эпохи бронзы известны на дюнах в поймах рек; это свидетельствует, что человек, в связи с увеличивающейся ролью скотоводства, осваивал в этот период заливные луга больших рек, где теперь и оказываются его временные стоянки.

Дальнейшие исследования памятников эпохи бронзы в Поднепровье — неотложная задача. Новые раскопки мест поселений уточнят предварительные наблюдения разведок 1945 г. в районе Канева.

А. А. ФОРМОЗОВ

КЕЛЬТЕМИНАРСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

В 1940 г. С. П. Толстов раскопал в Верхнем Хорезме неолитическую стоянку Джанбас-кала № 4, назвав культуру этой стоянки кельтеминарской. Для нее типичен микролитический инвентарь: ножевидные пластины, концевые скребки на пластинках, тонкие пластинчатые вкладыши для дерева и кости и круглодонная керамика с орнаментами из геометрических фигур, нанесенных гребенчатым штампом и нарезкой. Население жило в больших домах из дерева и камыша и занималось охотой и рыболовством. Датировав культуру IV — III тысячелетием до н. э., С. П. Толстов доказал на новой основе предположение В. А. Городцова о культурных связях, шедших в эту эпоху из Причерноморья в Сибирь через Приаралье.¹ Опираясь на хорезмский материал, А. В. Збруева подняла вопрос и о связях Средней Азии с Приуральем.²

В связи с этими вопросами приобретают интерес сборы на древних стоянках Казахстана, дающие новый материал о культурных связях конца неолита — начала бронзового века, и об инвентаре стоянок этого времени. Настоящая статья и посвящена публикации материалов стоянок Казахстана.

Большая часть сборов происходит из песков Малые Барсуки в Северном Приаралье. Здесь в 1944 г. в 8 км к северу от ст. Саксаульской (Кзыл-ординская обл.) в верховьях балки, огибающей гору Терменбес, нами была найдена большая стоянка. Она расположена близ неглубоких копаней с хорошей водой, близость которой от поверхности и привлекла сюда человека. Кроме того, здесь выходят на поверхность пласты кварцита, замещенного кое-где халцедоном и опалом, и имеется прекрасная глина. Подъемный материал собран на выровненной поверхности в песках — остатке древней почвы, обнаженной четырьмя выдувами, вытянутыми по меридиану на 1 км.

Больше всего найдено ножевидных пластин из указанных пород, совершенно правильной формы, с сечением треугольным или трапециевидным (рис. 15, 1—3). Большинство пластин тонкие, длиной в 3—5 см, шириной 0,5—1 см, но встречаются и массивные пластины длиной до 8 см и шириной до 1,5 см. Часть пластин тщательно ретуширована по одному или обоим боковым краям со спинки или с брюшка. Часть являлась полуфабрикатами. Из сечений пластин сделаны концевые скребки со слегка дугообразным рабочим краем длиной 2—3 см, режущие острия со скошен-

¹ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 155—157; см же. Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 61—63.

² А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья. ВДИ, 1946, № 3, стр. 183—184.

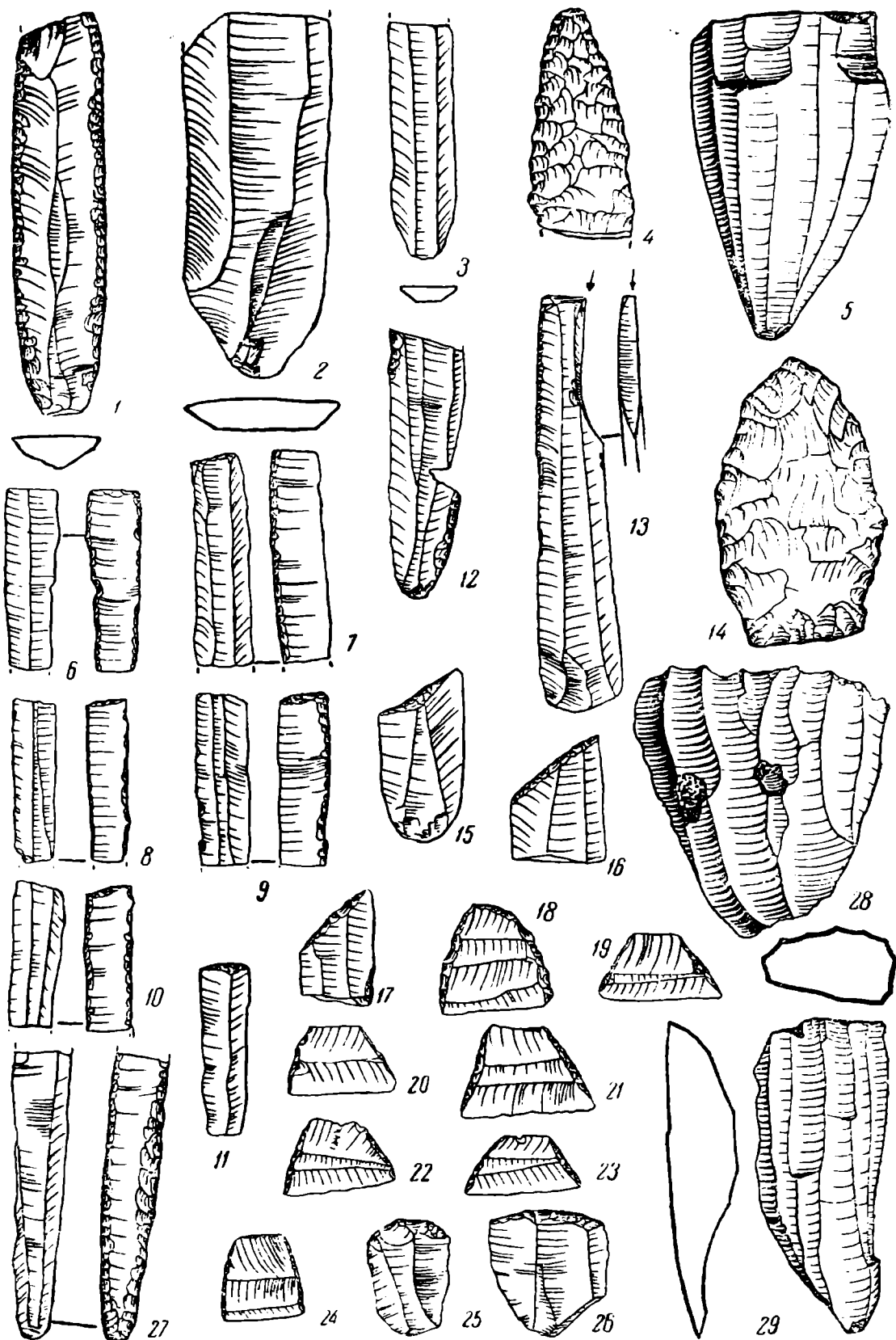

Рис. 15. Кремневые орудия со стоянок Зап. Казахстана

1—5 — Саксаульская; 6—29 — Агиско

ным ретушированным концом и скоблевидные орудия. Встречены и пластины с концом, срезанным притупляющей ретушью. Наконечники стрел из кварцита, листовидные, овальные в сечении, длиной в 3,5—4,5 см (рис. 15, 4). Нуклеусы имеют форму усеченных пирамид с высотой от 5 до 15 см (рис. 15, 5); часть из них обработана со всех сторон, часть лишь с одной и тогда имеет скошенное основание.

Керамика из ст. Саксаульской разнообразна. Найдены фрагменты круглых, острых и уплощенных днищ. Часть сосудов без орнамента имеет толстые стенки и обильную примесь обломков раковин в глине. Раковины, собранные на стоянке — *Cardium edule*, доставлялись за 30 км с берегов Аральского моря. Найдены и фрагменты тонкостенных сосудов с хорошо заглаженной поверхностью, покрытой орнаментом в виде зоны под венчиком. Шейки сосудов прямые, плавно переходящие к плечам, тулово также плавно сходится ко дну. Сосуды были крупными с широкой горловиной, с почти равной высотой и наибольшей шириной. Выделяется фрагмент с волнообразным орнаментом — обломок низкой и широкой чаши. Ряд шеек имеет отверстия для подвешивания. Многие фрагменты закопчены и с внешней и с внутренней стороны. Орнамент, расположенный по шейке и плечам сосуда, нанесен гребенчатым штампом и нарезкой; реже встречаются ямочный, веревочный и прочерченный. Элементы орнамента: повторяющийся вертикальный зигзаг, елка, косо заштрихованные прямоугольники и ромбы (рис. 17, 7). Обычен пояс линий, перпендикулярных или наклонных к венчику. Дважды встречен прочерченный волнообразный и один раз ногтевой орнаменты.

Костные остатки собраны на южном выдуве, где сохранился золистый культурный слой, и, по определению В. И. Громова, принадлежат корове, овце и дикой лошади — джегитаю.

Отдельные находки близ Саксаульской имеют подобный же облик. Расколотые желваки кварцита, камень с рабочей заполировкой и керамика с примесью раковин в массе и зигзагообразным орнаментом собраны у ст. Чокусу в 30 км от Саксаульской. Фрагменты керамики с нарезным орнаментом найдены у Кара-Сандыка в 18 км от станции.

В 1947 г. Б. А. Федорович собрал богатый материал на юго-западе Малых Барсуков, в 3—4 км севернее Агиспе. Орудия сделаны из кремня и кварцита, здесь не встречающихся, но изготовлялись, судя по многочисленным отбросам производства, на самой стоянке. И тут больше всего найдено тонких правильных ножевидных пластин. Различаются два их типа, представленные равным количеством: 1) пластины длиной в 4—5 см, шириной 0,8—1,2 см с ретушью по боковым краям, чаще с брюшка, чем со спинки (рис. 15, 12, 27). Рабочий край этих режущих орудий прямой или выемчатый (выемки широки и неглубоки), 2) пластины длиной 3—4 см, шириной 0,5—0,9 см с концом, прямо срезанным притупляющей ретушью, котсрая нанесена нередко со спинки, и ретушированным с брюшка одним боковым краем (рис. 15, 6—11). Скребки — концевые со слегка выпуклым рабочим краем, на целых пластинах или их сечениях (рис. 15, 25—26). Длина таких скребков 1,5—2 см, ширина 1—2 см. Нередки режущие острия на пластинах со скошенным концом (рис. 15, 15—17). Геометрические орудия — трапеции, длиной 1—2 см, высотой 0,8—1,5 см сделаны из пластин так, что лезвия пластины — вершина и основание трапеций — не ретушированы, а ее боковые стороны имеют притупляющую ретушь. Они служили вкладышами, рабочий край — основание трапеций — сработан (рис. 15, 19—24). Сегментовидное орудие найдено лишь одно и по форме близко к трапеции (рис. 15, 18). Единственный резец сделан на углу сломанной пластинки, довольно крупной и ретушированной (рис. 15, 13). Кремневые пирамидальные нуклеусы высотой в 4—5 см обработаны

лишь с одной стороны, основания их скошены (рис. 15, 28—29). Отметим скол с нуклеуса с ретушированным краем. Мелкие орудия сделаны из кремня, но и крупные обломки кварцита обработаны: отесаны, ретушированы по краю, заострены. Из кварцита сделаны четыре листовидных наконечника стрел или дротиков длиной 5—6 см (рис. 15, 14). Собраны обломки грубых сосудов без орнамента, раковины палеогеновых моллюсков, принесенные для примеси в керамику, и костные остатки (определены астрагалы овцы).

В 15 км севернее Агиспе, в 200 м от оврага Кзыл-Джар в ряде выдувов также найдены ножевидные пластины с прямым или выемчатым рабочим краем, концевые скребки из кремня, кварцита и халцедона и фрагменты керамики. Стенки сосудов толсты, в тесте примесь крупной щебенки и толченых ископаемых раковин; глина крошится, цвет ее неровен (от розового до черного). Вероятно, плохие качества керамики объясняются отсутствием хорошей глины в этих местах. Кроме круглых днищ, найдены плоские, слегка выступающие под стенками днища. Шейки сосудов прямые, плавно переходящие к тулову. Орнаментов мало: это или пояс из гребенчатых линий, или пояс под венчиком из коротких наклонных оттисков штампа, или елочка, нанесенная тем же гребенчатым штампом. Выделяются фрагменты тонкостенного сосуда вытянутых пропорций с прямым венчиком и маленьким поддоном, на котором он не мог стоять, настолько не соответствуют размеры поддона и сосуда. Вся поверхность его стенок заполнена оттисками гребенчатого штампа, причем чередуются пояса горизонтальных линий и вертикальных изогнутых, нанесенных так называемой качалкой (рис. 17, 4).

В Приаральских Кара-Кумах, в 45—50 км к северо-востоку от г. Аральска, в котловинах выдувания у соленого озера Б. А. Федорович собрал подобный же материал. Орудия сделаны из местного кварцита и приносных орской яшмы и кремня. Найдены правильные ножевидные пластины с прямым и выемчатым лезвием таких же размеров, как и на других стоянках (рис. 16, 15, 26), концевые скребки на пластинах (рис. 16, 22—24), режущие острия. Наконечники стрел — листовидные, большинство с выемкой в основании; длина их 3—5 см (рис. 16, 16, 17, 19, 21). Один наконечник сделан из пластины (рис. 16, 20). Интересен круглый скребок на отщепе, диаметром в 1 см (рис. 16, 25), аналогичный мелким, явно нерабочим скребкам других микролитических стоянок, считаемым культовыми предметами.³ Отметим пластину со скошенным концом и выемкой — вероятно, скобель (рис. 16, 18) и ребристую пластинку, сколотую с нуклеуса.

Керамика плоскодонная, венчики сосудов прямые, слегка утолщенные, иногда с косыми нарезками по ободку, плечи четко не выделены. Примеси в глине: щебенка и растительные. Орнамент: нарезные зигзаги, горизонтальный и повторяющийся вертикальный, прочерченный волнообразный (рис. 17, 6) и из оттисков короткого гребенчатого штампа. На внутренней стороне стенки одного из сосудов видны отпечатки ткани, что, наравне с найденным на стоянке пряслищем из черепка сосуда (рис. 17, 5), говорит о развитии ткачества.

Подобные находки сделаны и на юго-западе Аральского моря. В 1946 г. А. Л. Яншин в песках Сам на плато Устюрт нашел стоянку по присутствию во впадинах выдувания на слое древней почвы камней, занесенных человеком. Это плитки известняка и мергеля, развитых на периферии песков, куски песчаника и кварцита, встречающихся в 60—80 км на севере

³ В. А. Городцов. Ургуйская микролитическая стоянка в бассейне Амура. «Сов. археология», 1936, № 1, стр. 108.

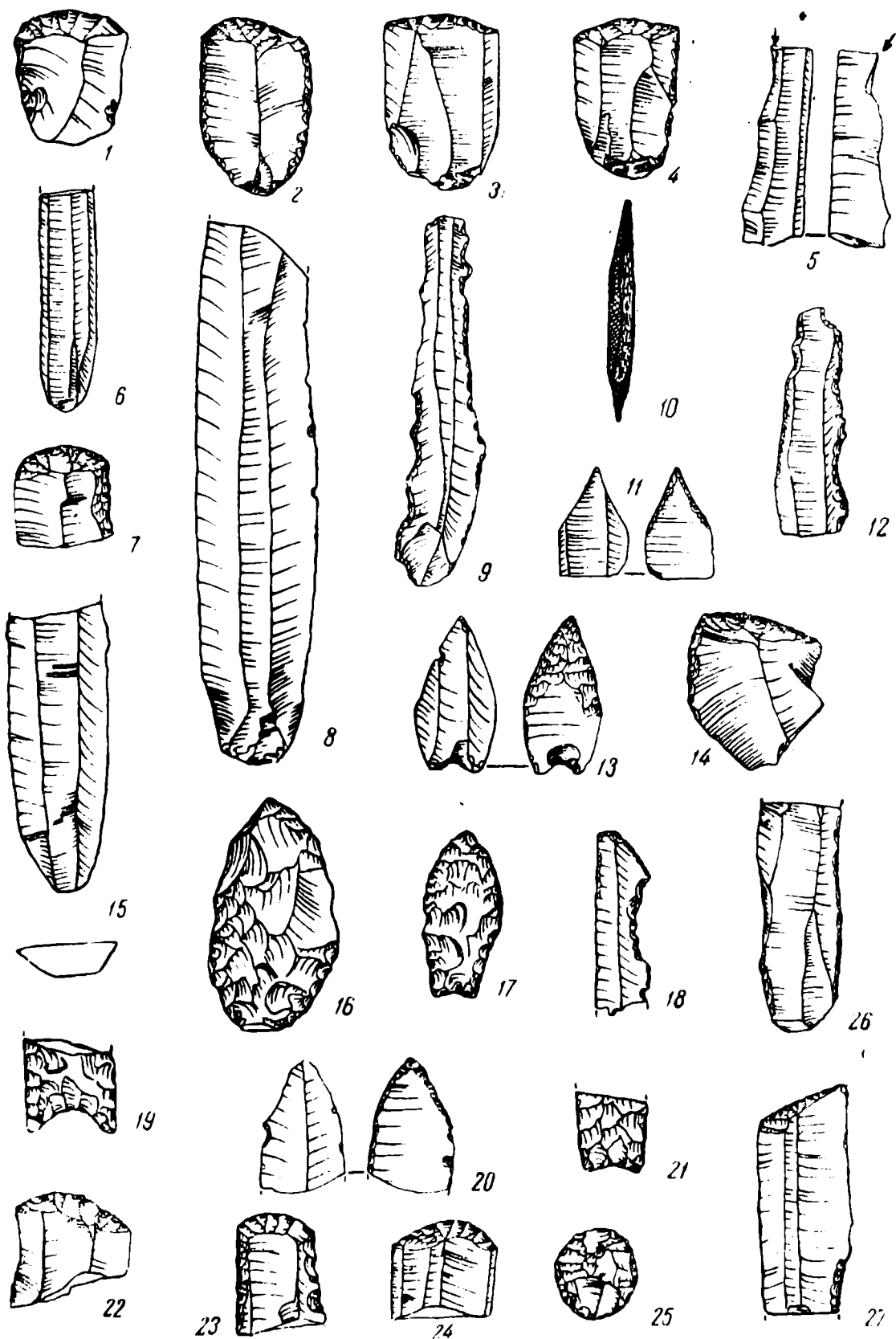

Рис. 16. Кремневые орудия со стоянок Зап. Казахстана

1-5- Иргиз; 6-8- Сага; 9-14 Кара-ой; 15-25 Припиральские Кирп-Кумы; 26 Сам; 27 Удыкяк

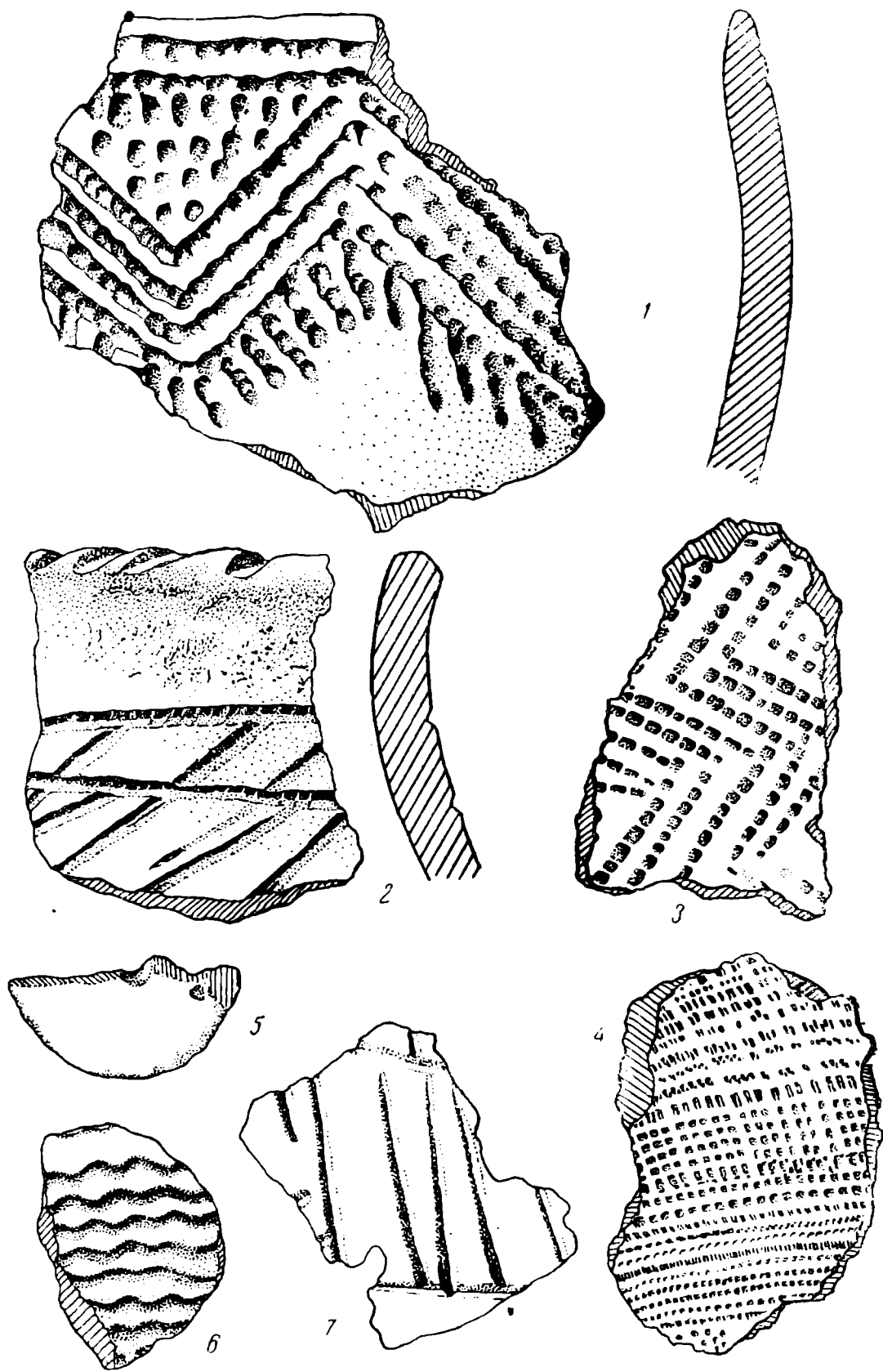

Рис. 17. Керамика со стоянок Зап. Казахстана

1 — Сага; 2 — Иртия; 3 — Кара-ой; 4 — Агиспе; 5—6 — Приаральские Кара-Куш; 7 — Саксаульская

плато и даже изверженных пород с Мугоджар, лежащих в 300 км. Преобладают те же ножевидные пластины из кварцита и кремнистого мергеля длиной около 3 см с ретушью и без ретуши (рис. 16, 26). Найден маленький нуклеус пирамидальной формы высотой в 2 см. Отметим обломок кремня с ретушью двух прямых краев — очевидно, скребок и трапециевидное орудие.

Лишь один фрагмент керамики имеет орнамент — нарезной повторяющийся вертикальный зигзаг. Сосуды из крошащейся глины были крупны, имели прямые шейки с отверстиями для подвешивания, круглое дно и нерасчлененное тулово. Отсутствие глины и камня на Устюрте наложило отпечаток примитивности на инвентарь стоянки.

Тонкие, правильные пластинки длиной в 3—4 см, шириной в 0.5—0.8 см и скребки на пластинах найдены на Устюрте также в песках в 50 км к юго-востоку от ст. Джан-Терек; близ оз. Токсанбай; у могил Мол-Кундук на северном чинке Устюрта.

Переходим к обзору стоянок, лежащих к северу от Аральского моря. На северо-востоке от него, в 2.5 км выше г. Иргиза на р. Иргизе А. Н. Формозов нашел стоянку со сходным инвентарем. Ножевидные пластины из уральского кремня длиной в 5—8 см преобладают и здесь. Много концевых скребков длиной в 2—3 см со слегка выпуклым рабочим краем, лежащим против основания пластины, с ретушью иногда не только рабочего края скребка, но и боковых краев и основания пластины (рис. 16, 1—4). Есть и концевые скребки на сечениях пластин. Найдены резец на углу сломанной пластинки (рис. 16, 5), наконечник стрелы из кварцита листовидной формы. Керамика имела растительные примеси, выгоревшие при обжиге. На внутренних стенках видны бороздки заглаживания. Большинство орнаментов нанесено гребенчатым штампом, — это часто повторяющиеся линии и елка. Найдена шейка сосуда, слегка выгнутая наружу и без излома переходящая к плечам. По ободку сосуда нанесены косые вдавления, на середине шейки — гребенчатая горизонтальная линия, на переходе к плечам — вторая. От первой прочерчены наклонные параллельные прямые, часть из которых кончается у второй линии, где начинаются и новые прямые, другие же продолжают и за ней (рис. 17, 2).

Близ Иргиза керамика с гребенчатым елочным орнаментом найдена на такыре Аир-Кызыл, а ножевидные пластины на солонце Улькайк на пути к Тургаю. Среди них интересно режущее острие со скошенным концом на длинной ретушированной пластине (рис. 16, 27).

На северо-западе Казахстана, на левом берегу у р. Кум-Жарган возле аула Сага (Актюбинская обл.), В. С. Журавлев собрал в песках орудия и керамику. Среди пластин длиной в 3—5 см (рис. 16, 6) выделяется пластина длиной в 8.5 см и шириной в 2 см с очень высоким трапециевидным сечением (рис. 16, 8). Концевые скребки со слегка выпуклым рабочим краем сделаны на пластинах (рис. 16, 7). Найден обломок песчаника с рабочей заполировкой сферической поверхности, служивший для растирания. Керамика имела растительные примеси и линейный гребенчатый орнамент. Интересен сосуд с широким горлом, прямой шейкой, переходящей, немного расширяясь, к тулову, имеющей ямочный орнамент. На шейке нанесены две линии, к нижней из которых примыкает горизонтальный зигзаг, повторяемый тремя лежащими рядом зигзагами. Треугольники, образованные линиями и зигзагом, заполнены ямками. От нижнего зигзага ко дну идут короткие линии; стенки, лежащие ниже, лишены орнамента (рис. 17, 1).

Напротив этого пункта на правом берегу Кум-Жаргана у одноименного аула обнаружены следы стоянки. Найдены мелкие ножевидные пластины, концевой скребок, нуклеус, толстостенная керамика. Сходен бедный инвен-

тарь стоянки в песках у Акша-Тау: пластины, листовидный наконечник стрелы, концевые скребки, нуклеус в виде усеченной пирамиды, со скошенным основанием, высотой в 2 см.

На крайнем западе Актюбинской области в песках у аула Кара-ой В. С. Журавлев собрал орудия из кремня и кварцита. Кроме обычных, найдены пластины с выемчатым рабочим краем длиной в 4—6 см, шириной 0.8—1.2 см (рис. 16, 9, 12). Интересен наконечник стрелы с выемкой в основании из пластины с ретушью на брюшке 2.3 см длины (рис. 16, 13). Из пластин сделаны концевые скребки (рис. 16, 14) и проколка с ретушью на брюшке (рис. 16, 11). Керамика представлена толстостенными фрагментами с бороздками заглаживания на внутренней поверхности стенок. Орнаменты нанесены гребенчатым штампом, преобладает зигзаг (рис. 17, 3). Несколько фрагментов сосуда из серой глины с примесью щебенки орнаментированы отпечатками палочки. Самая замечательная находка — маленькое медное шило длиной в 3.5 см, шириной в 0.3 см, квадратное в сечении (рис. 16, 10). Следов металлургии на стоянке не найдено; вероятно, вещь доставлена издалека.

Описанные стоянки дают в общих чертах сходный инвентарь. Чаще всего встречаются на стоянках правильные ножевидные пластины обычно длиной в 3—4.5 см, шириной в 1—1.5 см с ретушью и без ретуши, являвшиеся режущими орудиями и материалом для изготовления других орудий. Из них делались микролитические концевые скребки со слегка выпуклым рабочим краем длиной 1.5—2 см, режущие острия, геометрические орудия, резцы, проколки, скобели. Наконечники стрел листовидные со сплошной ретушью, иногда с выемкой в основании, длиной в 3—5 см. Техника обработки камня высокая и единообразная: пластины отделялись от пирамидальных нуклеусов и обрабатывались отжимом. Сосуды крупные, с прямыми шейками, плавно переходящими к плечам и тулову, с круглыми острыми или плоскими днищами, изготовлены из глины с обильными примесями. Орнаменты образуют зону в верхней части сосуда и нанесены гребенчатым штампом и нарезкой. Типичны — елка, вертикальный повторяющийся зигзаг и заштрихованные фигуры.

Стоянки этого облика широко распространены по Западному Казахстану. М. П. Грязнов в 1926 г. исследовал ряд дюнных стоянок по р. Сагиз в Актюбинской области, объяснив сочетание микролитических орудий с керамикой бронзового века многослойностью стоянок.⁴ Е. Н. Басова собрала коллекцию микролитов и керамики с гребенчатым орнаментом на Мангышлаке.⁵ Многолетние сборы проводили краеведы на стоянке у Аральска.⁶ Многочисленные находки геологов в песках Западного Казахстана, к сожалению, редко доходят до археологов. С. В. Максимов, например, нашел стоянку на высохшем протоке у оз. Джаман-клыч в Приаралье и, неумело описав микролитические орудия из уральской яшмы и кварцита, орнаментированную керамику, объявил стоянку палеолитической.⁷

Стоянки Западного Казахстана занимают заметное место в цепи аналогичных микролитических культур переходного от неолита к бронзовому веку периода. Стоянки типа казахстанских найдены в правобережном Нижнем Поволжье, от Саратова до Астрахани. Полной аналогией казахстанским являются концевые скребки и трапеции.⁸ И. В. Сеницын связывает

⁴ Отчет Академии Наук за 1926 г., ч. II, Л., 1927, стр. 182.

⁵ Коллекции в ГИМ.

⁶ Коллекции в Кзыл-Ординском музее.

⁷ С. В. Максимов. Находка палеолита в районе Аральского моря. Ученые записки ЛГУ. № 70, серия геол.-почв., вып. 11, 1944, стр. 167.

⁸ И. В. Сеницын. Кремневые орудия Калмобласти. Известия Нижне-Волжского ин-та краеведения, т. IV. Саратов, 1931, стр. 87—91; он же. Памятники Приморского района Калмобласти; там же, т. VI, 1933, стр. 90—99.

эти стоянки с древнеямными погребениями и отмечает их благоприятное для охоты и рыболовства, но невыгодное для скотоводства расположение в ильменах между протоками.⁹ На левом берегу Волги открыты стоянки, где вместе с микролитами найдена древнеямная керамика.¹⁰

К югу от Казахстана лежат в Хорезме стоянки кельтеминарской культуры, а в Кара-Кумах, к северу от Ашхабада, исследованные М. В. Воеводским стоянки с бедным микролитическим инвентарем, приуроченные к высохшим озерам или к концам теряющихся в пустыне рек. Такие стоянки найдены Б. А. Федоровичем на Узбое и у залива Кара-Богаз. В Узбекистане микролитические орудия вместе с керамикой с гребенчатым орнаментом найдены на Аму-Дарье¹¹ и в скальных навесах Ширабадской долины. Аналогичны находки в Кызыл-Кумах, Бетпак-Дале, в Киргизии. Отметим стоянку у Долинского под Карагандой, где найдены концевые скребки и бронзовое шило.¹²

Несмотря на значительное сходство с микролитами Нижней Волги, казахстанские стоянки не могут быть отнесены к ямной культуре. Для Волги типичны скребки на отщепках, круглого, дисковидного, овального и ложчатого типов, характерные проколки и стрелы, не встреченные в Казахстане. Наконец, стоянки Казахстана не жмутся так к воде, как нижневолжские, что связано с различным удельным весом в хозяйстве охоты и рыболовства. Сходство стоянок Нижней Волги и Казахстана стадияльное, а не культурное.

Большее сходство можно отметить между стоянками Казахстана и Джанбас-Калэй. Сходны ножевидные пластины, концевые скребки, вкладыши, проколки, скобели и нуклеусы этих стоянок; почти весь их инвентарь изготовлен из пластин. Аналогичны формы сосудов с прямыми шейками, плавно переходящими к тулову, характерные зоны орнамента вдоль венчика. Тожественны орнаменты: зигзаги, ромбы и прямоугольники со штриховкой, елка, пояс линий под ободком, нанесенные гребенчатым штампом и нарезкой. Правда, в Казахстане нет ладьевидных сосудов и окрашивания стенок сосудов, но трудно ожидать полной однотипности неолитической культуры на громадной территории. Влияние Анау в окрашивании керамики не проникало далеко на север. Орудия из кости типа Джанбас-Калы не найдены в Казахстане, так как они не могли сохраниться в песке. Итак, насколько можно судить по подъемному материалу, стоянки Западного Казахстана относятся к кельтеминарской культуре. Но, вероятно, выделится ее казахстанский вариант. Как характерные лишь для него, отметим пластины со срезанным притупляющей ретушью концом, нуклеусы со скошенными основаниями, обработанные лишь с одной стороны, режущие острия на пластинах.

На западе казахстанские стоянки соприкасались с волжскими микролитическими стоянками. На связи с Поволжьем указывает сходство орнаментов сосуда из Саги и полтавкинских, на которых части пояса заполненных ямками треугольников, обращенных вершинами вниз.¹³

На юге у Ашхабада шла граница культуры охотников и рыболовов, переходящих к пастушескому скотоводству, имевших микролитические орудия и керамику со штампованным орнаментом, с культурой земледельцев предгорий, «крашеной керамики» — Анау. Скрещению этих культур в эпоху раннего железа С. П. Толстов придает важнейшее значение для

⁹ И. В. Синицын. Изучение родового общества бронзовой эпохи на территории Нижнего Поволжья. Научная конференция Сар. Г.У. 1946, стр. 35.

¹⁰ В. В. Гольцман. Археологические памятники Самарской губ. Труды секции археологии РАНИОН. IV, 1928, стр. 128.

¹¹ А. И. Тереножкин. Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 189.

¹² П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант». ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 41.

¹³ P. D. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe, 1928.

этногонического процесса в Средней Азии.¹⁴ О связях с Анау говорит сосуд из Агиспе, близкий к сосудам с поддонами Анау I и II; на юг указывает и волнообразный орнамент.

Несомненны связи кельтеминарской культуры с афанасьевской, в могилах которой находят аральские раковины и сосуды, близкие по форме и орнаментации кельтеминарским.¹⁵ Афанасьевская культура не заходила на запад далее Алтая и Семипалатинска. В районе Кустаная и Петропавловска, повидимому, была самостоятельная культура, связывающая афанасьевскую с кельтеминарской, для которой типичны круглые скребки на отщепах, орудия типа пик и т. д.¹⁶ Как в конце бронзового века Казахстан делился на позднеандроновский запад и карасукский восток, так в раннюю эпоху на западе была кельтеминарская, а на востоке не ясная еще нам предандроновская культура. На севере кельтеминарская культура граничила с рыболовческо-охотничьими стоянками Урала, керамика и орудия которых очень близки к казахстанским.¹⁷ Находки в Приаралье орудий из уральских пород говорят о связях этих культур.

Итак, территория кельтеминарской культуры — пустынные и полупустынные области, удобные для охоты и скотоводства, кое-где и для рыболовства: Туркмения, бассейн Аму-Дарьи, Приаралье, Большие и Малые Барсуки, Устюрт, бассейн Иргиза и Тургая; на западе стоянки доходят до Урала.

Несомненно, не все стоянки одновременны. На ранних (Джанбас-Кале, IV — начала III тысячелетия до н. э.) стоянках Туркмении, Устюрта орудия чисто микролитические и нет еще костей домашних животных. В поздних стоянках, III — начала II тысячелетия до н. э., появляются крупные высокие пластины, аморфные формы орудий на обломках кварцита, являющиеся отходом от микролитов. Появился металл, очевидно, привозной. Население переходит от охоты и рыболовства к скотоводству. Если ранние стоянки жались к воде, то поздние лежат в песках, где воду добывали колодцами не глубже 2 м и была база для скотоводства, да и охотничьи угодья. В стоянках Туркмении культурный слой не сохранился не только потому, что был раздут, а и потому, что он не накапливался, так как рыболовческо-охотничье население передвигалось. На поздней же стоянке Саксаульской, тоже раздутой, мы видим выходы культурного слоя, насыщенного костями, обломками керамики. Переход к прочной оседлости вызвал и появление плоскодонной керамики.

Именно поздние кельтеминарские стоянки являются предшественниками андроновских, связь которых на западе с афанасьевскими не может быть доказана. Животные были одомашнены еще в доандроновское время, — и мы видим их в Саксаульской. Микролитические орудия находят даже на поздних андроновских стоянках. Ряд типичных андроновских орнаментов мы встречаем еще на кельтеминарских сосудах: заштрихованный ромб, зигзаг, треугольник.

Таким образом, кельтеминарская культура — важный этап в истории Средней Азии, с которым связано появление скотоводства, оседлости, широкие культурные взаимодействия с Западом и Востоком. Это побуждает к разработке проблемы кельтеминара, раскопкам казахстанских стоянок, полной публикации материала Джанбас-калы, без чего заключения — лишь предварительны.

¹⁴ С. П. Толстов. Аральский узел этногонического процесса. «Сов. этнография», 1947, т. VI—VII, стр. 308.

¹⁵ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927, стр. 77.

¹⁶ Сборы на Терсек-карагае Кустанайской обл. в ГИМ.

¹⁷ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. Материалы и исследования по археологии СССР, 1940, № 1.

Н. А. ПРОКОШЕВ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В УСТЬЕ КАМЫ

К истории изучения

Активное изучение памятников древности района устья Камы и прилегающих отрезков Волги было плодотворно начато и проведено еще в 1879—1885 гг. деятельными членами Общества естествоиспытателей при Казанском университете — А. А. Штукенбергом и Н. Ф. Высоцким.¹ Затем непосредственное археологическое изучение памятников, зарегистрированных этими учеными, надолго прекратилось, и только в 1934 г. появился очерк А. В. Шмидта, по-новому пересмотревшего накопленные старыми исследователями материалы.² Почти одновременно с указанной работой вышел значительно более слабый очерк М. Г. Худякова, широко привлекающий опубликованные материалы А. А. Штукенберга и Н. Ф. Высоцкого для освещения культуры соседних районов территории Марийской автономной АССР.³ Наконец, из последних по времени выхода в свет работ следует назвать статью О. Н. Бадера, по-своему решающего некоторые спорные вопросы, содержащиеся в двух первых работах.⁴

Основным недостатком всех перечисленных работ, вышедших в 1935—1939 гг., является их ограниченность кругом старых материалов при отсутствии новых полевых наблюдений.

Это обстоятельство побудило опубликовать добытые в 1940 г., совместно с А. В. Збруевой, материалы, хотя работы и носили предварительный, разведочный характер.

Устькамские древние поселения на стрелке

Центральным пунктом как наших в 1940 г., так и прежних (1879 г. и последующих лет) находок близ с. Атабаева (д. Табаевой) был мыс, образованный левым берегом Волги и правым — Камы, в месте их слияния. Находки у с. Атабаева из двух мест были известны еще Штукенбергу. Одно из них на стрелке и второе на полпути от стрелки к с. Атабаеву.

¹ А. Штукенберг и Н. Высоцкий. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии (с 3 листами карт и 16 таблицами). Труды общества естествоиспытателей при Казанском университете, т. XIV, вып. 5, Казань, 1885.

² А. В. Шмидт. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР». Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 13—96.

³ М. Г. Худяков. Очерки истории первобытного общества на территории Марийской области. ИГАИМК, вып. 141, ОГИЗ, 1935, стр. 47 и сл.

⁴ О. Н. Бадер. Из истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 3, стр. 110—123.

Близ самой стрелки, далеко врезавшейся лесным мысом в луговую террасу, расположено большое и глубокое озеро Аю-Ульгень-куль, что означает: «озеро утонувшего медведя»⁵ (рис. 18).

На склонах стрелки «под почвою, а частью и в самой почве» А. А. Штукенбергом были собраны кремни, кости животных и керамика. «Это обстоятельство подало повод заложить на стрелке несколько шурфов, которыми и обнаружены под почвой большие скопления осколков

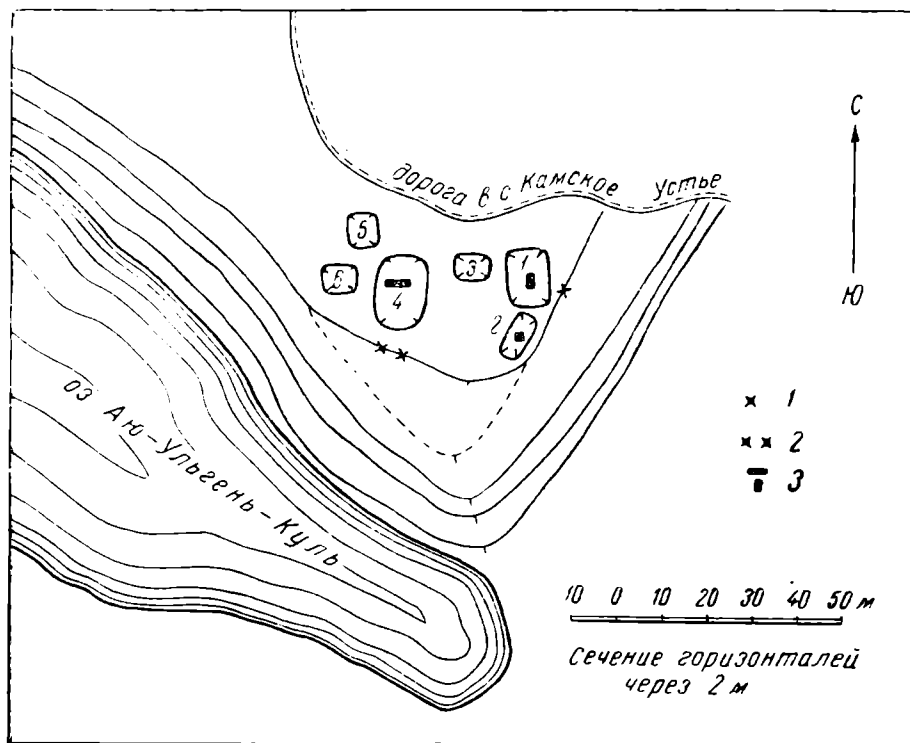

Рис. 18. Схематический план Устькамского I поселения

кремня и черепков необожженной глиняной посуды, залегающих совместно с множеством костей, частью целых, частью расколотых. Тут же найдено и несколько вполне законченных орудий: ножей и скребков». ⁶ Кости животных оказались принадлежащими лошади, быку и свинье. К сожалению, автор первых разведок на стрелке не дал никаких других указаний ни о точном местонахождении шурфов, ни о вскрытой ими стратиграфии. Поэтому у нас нет полной уверенности, что шурфы располагались и на самой вершине стрелки, где нами было обнаружено и обследовано весьма интересное поселение.

На поселении в ряде мест нами были отмечены признаки культурного слоя, маскируемые лесной, богатой перегноем, темной почвой. Признаки эти заключались в находках фрагментов древней лепной керамики, костей животных, угольков, отщепов кремня и т. п. Примерно на протяжении 1.5 км в каждую сторону от мыса стрелки нами зарегистрировано свыше пяти местонахождений, указывающих на древние поселения. Пробный раскоп был заложен лишь один, размером 1 кв. м, примерно в 0.4 км от

⁵ Точнее: «озеро, в котором медведь утонул». Передают легенду о медведе, загнанном в озеро охотниками и утонувшем в нем из-за глубины этого озера и обрывистости части берегов.

⁶ А. А. Штукенберг. Ук. соч., стр. 64—65. К сожалению, ни одного предмета из перечисленных находок не увязано ни с одной из всех 16 таблиц рисунков цитируемой работы.

мыса, на краю надлуговой террасы. Раскоп после дернового слоя прорезал 0.55 м сероватопесчаных наслоений, с редкими угольками и с частыми находками кремневых незаконченных орудий, отщепов и осколков кремня. Ниже шел светлый песок без находок. В раскопе встречены 23 кремня, в том числе: 1 нуклеус со следами отжимов, 22 отщепа и осколки. Часть отщепов имеет следы употребления и небольшие участки ретуши. Материал — белый известняковый кремень. Керамики встречено не было.

Основное внимание было обращено на обследование поселения, открытого на самом мысу стрелки (рис. 18). Первые находки — фрагменты керамики — обнаружены были близ дороги, в небольшом обрыве края

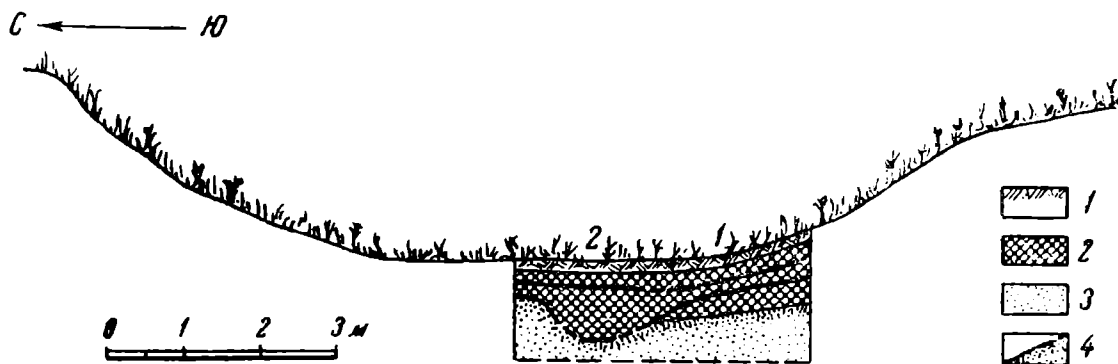

Рис. 19. Устькамское поселение. Профиль жилой ямы № 4 и южной стенки раскопа 1940 г.

1 — растительный покров; 2 — песчаный культурный слой; 3 — подстилающий песчаный слой; 4 — темные прослойки с углями

террасы. Здесь произведена зачистка слоя на протяжении 5 м. Наслоения оказались в их основе песчаными. Удалось заметить, что на мысу стрелки имеются отчетливые следы подпрямоугольных ям как более обширных, так и меньшего размера. Далее удалось выяснить, что две более крупные ямы находятся в какой-то связи с четырьмя другими ямами, так что получается два комплекса, состоящих каждый из одной круглой ямы и сопровождающих его двух небольших ям (рис. 18).

Размеры зафиксированных ям-землянок оказались следующими (в м):

№ 1—14	12	№ 4—16	12
№ 2—10	6	№ 5—7	6
№ 3—6	6	№ 6—7	6

Впадины ям-землянок были зачерчены по их поверхности (рис. 19) и имели характерные «ладьевидные» или «тарелкообразные» профили. Общая площадь мыса, где зарегистрированы впадины, составляет примерно 60×40 м. В юго-западной части мыса имеются неясные следы еще одного комплекса ям (одна большая, две — меньших размеров).

В южной части мыса, против ямы № 4, произведена была еще одна зачистка обнажения (№ 2) длиной также 5 м с целью выявить характер культурных наслоений в этой части памятника. В результате зачистки № 1 выявлена следующая стратиграфия:

1. Растительный слой, состоящий из лесного листово-травяного перегноя 0—0.1 м
2. Культурный, слабо насыщенный остатками, серо-песчаный слой 0.1—0.40—0.50 м
3. Подстилающий (стерильный) светложелтый песчаный слой 0.55—2 м и глубже.

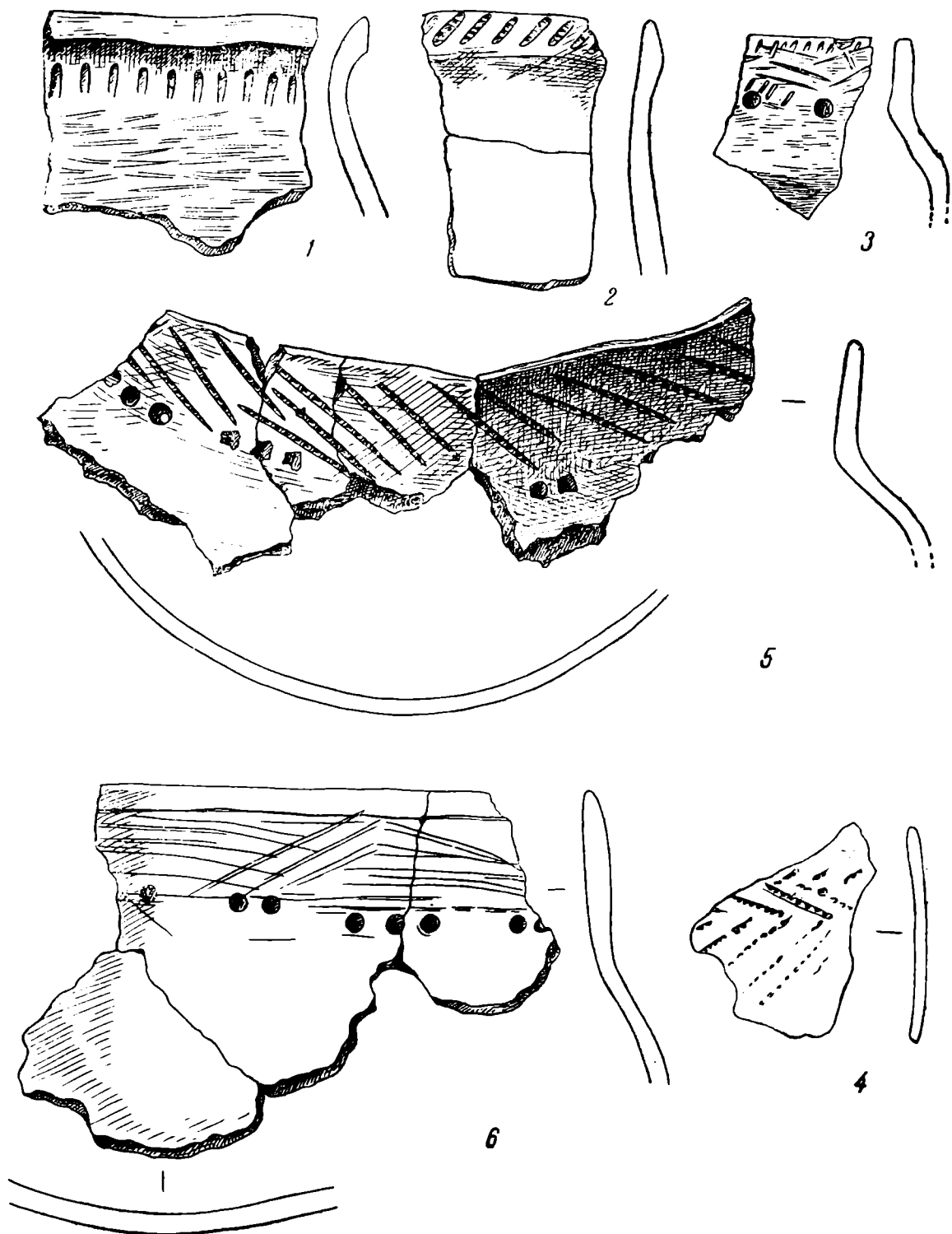

Рис. 20. Фрагменты керамики с поселений в устье р. Камы

При зачистке среза № 1 обнаружены следующие находки: 21 фрагмент лепной керамики, заготовка пряслица из фрагмента стенки глиняного сосуда, 22 отщеп и осколка кремня и 2 фрагмента зубов животных. Из кремневых находок следует отметить крупный макролитонидный скребок, небольшой остроконечник из отщепа, два отщепа с ретушью и следами употребления в качестве скобелей. Здесь же найдено орудие, приближающееся к высоким поздненеолитическим скребкам.

Венчики сосудов, найденные при зачистке среза, не сильно отогнуты, ■ два из них орнаментированы вдавлениями штампа, расположенными в один ряд (рис. 20, 1, 2). Были сосуды, совершенно лишенные орнаментации.

Зачистка № 2, произведенная на протяжении 5 м, близ землянки № 4, в основном дала ту же стратиграфическую картину. Сборы подъемного материала близ зачисток № 1 и № 2 дали пять фрагментов керамики, в том числе два от плоских днищ. Здесь же собраны 17 отщепов и осколков кремня и листовидная пластинка. Один из отщепов, очевидно, является плохо оформленным скребком; на двух других отщепах имеются участки ретуши. Из числа найденных фрагментов посуды следует упомянуть характерный венчик сосуда, орнаментированный ямками и пологим зигзагом из тройной линии, усложненным мелкими насечками (рис. 20, 3). Другой фрагмент, от стенки сосуда, украшен отпечатками узкого штампа, образующими вертикальные зигзаговые линии (рис. 20, 4).

С целью окончательной проверки того факта, что ямы, изображенные на плане поселения, суть остатки жилищ, было одновременно заложено три шурфа.

Первый шурф, размером 2×2 м, заложен в центре впадины № 1. Он вскрыл стратиграфию, во всех основных чертах повторяющую картину, наблюдавшуюся на срезах-зачистках № 1—2. Культурный слой того же цвета, состава и примерно той же мощности содержал несколько более многочисленные культурные остатки: угли, керамику, кремневые отщепы. Свидетельством того, что шурф встретил дно древнего жилища, явились углистая прослойка и кострищная линза. Темная прослойка (толщина 0.05 м) шла вдоль всех четырех стенок шурфа, залегая непосредственно над стерильным песчаным горизонтом. Линза кострищного слоя выделена красным цветом обожженного песка. Кострищная линза прослежена в юго-западном углу земляночной впадины. Она занимала в длину по стенке шурфа 0.75 м при толщине обожженного слоя до 0.15 м. В верхнем слое (0—0.30 м) встретились: 70 фрагментов керамики и 3 кремневых отщепа. Во втором (0.30—0.60 м) найдено 47 фрагментов керамики, 3 отщепа кремня и обломок кости животного. Керамика, найденная в шурфе, близка керамике, найденной в обнажениях слоя и при зачистке срезов.

В землянке № 1 среди кремневого материала не встречено поделок, заслуживающих подробного описания. Зато найденная здесь керамика позволила восстановить, с известной долей вероятности, три сосуда. Собранные здесь же венчики от пяти других сосудов дают возможность судить о характере орнаментации верхних частей горшков, о профилировке краев сосудов и о диаметрах в их верхней части (рис. 20, 5—6).

Изображенный на рис. 20, 5 сосуд был украшен только по отогнутому венчику отпечатками зубчато-гребенчатого слегка изогнутого штампа. Далее отгиба орнамент не спускался, и ниже его все части сосуда оставались неорнаментированными. По самому сгибу венчика шел орнаментальный ряд подквадратных ямок-вдавнений, чередующихся в комбинации по две и по три. Диаметр описываемого сосуда 0.23 м, толщина стенок 0.7 м. В глине есть очень небольшая примесь песка. Цвет сосуда — светлый с поверхности и черный — в изломе черепка.

Сосуд, изображенный на той же таблице (рис. 20, 6), очень близок по форме предыдущему. Орнамент также лишь по венчику сосуда. То же сочетание ямочных вдавлений по два и по три. Орнамент состоит из вытянутых треугольников, небрежно нанесенных штриховыми линиями по сырой глине. Диаметр сосуда 0.25 м. В раскопе и зачистке № 1, расположенной рядом с землянкой № 1, среди керамики найдены обломки плос-

ких днищ. Внутренняя поверхность горшков, а иногда и внешняя, выглаживалась орудием, имевшим вид мелкой гребенки. Это же орудие служило иногда и для орнаментации, т. е. в качестве гребенчатого штампа. На внутренней и, реже, на внешней стороне сосудов имеется иногда черный углистый нагар от готовившейся пищи. Кроме плоскодонных сосудов были и округленные. На нескольких фрагментах с их внешней стороны встречены отпечатки ткани.

Шурф размером в 1 кв. м, заложенный в яме-землянке № 2 (рис. 18), показал, что ямы меньших размеров, вероятно, были не жилыми, а подсобными земляными сооружениями. Об этом говорят следующие наблюдения. Культурный слой здесь слабо выражен. Углистой прослойки, идущей по дну жилища, не встречено. Не встречено и признаков очага. Находок здесь меньше. Найдено 6 фрагментов глиняной посуды, 3 отщепы и осколки кремня.

Пробный раскоп в яме-землянке № 4, во второй круглой яме, был ориентирован длинными стенками с запада на восток, его размеры 4 × 2 м. В раскоп попал какой-то деформированный небольшой старый шурфик, примерно в 0.75 кв. м, пришедшийся на его западную часть.⁷ Землянка № 4 отчетливее других по своим внешним контурам. Яма ее с более крутыми стенками (рис. 19) и представляет в разрезе правильную чашу. В плане она, как и другие, имеет прямоугольную форму. Стратиграфия раскопа дала несомненные признаки древнего жилья в виде углистых темных прослоек. Находки керамики здесь более фрагментированы, чем в первых шурфах. Были найдены 46 фрагментов керамики, в том числе несколько от плоских днищ. Здесь же найдено 39 отщепов и осколков кремня. Из кремневых поделок должны быть упомянуты: отщепы со следами их употребления, крупное округлое ядрище-нуклеус и кремневые скребки. В отношении керамики следует упомянуть наличие фрагментов с отпечатками ткани на внешней стороне сосуда. В целом же керамический материал землянки № 4 полностью повторяет уже достаточно описанный материал землянки № 1. В сборах, при зачистке срезов, и во всех пробных раскопах, в том числе в раскопе в яме землянки № 4, встречено небольшое число костей животных. Из них определены зубы лошади и коровы.⁸ И раскопки и сборы выявили, что памятник этот однослойный, причем культурный слой далеко не из мощных. Таким образом, можно предполагать, что поселение существовало сравнительно недолго. Это обстоятельство находит подтверждение и в старом описании «Табаевского поселения», в какой-то мере увязывающегося с описываемым.⁹ Однако состав кремневого инвентаря, обнаруженного в наших пробных раскопах, заставляет предполагать наличие у древнего населения крупных и средних полированных каменных орудий, оббивных кремневых орудий и другого инвентаря, вплоть до металлического (медного и бронзового).

В Казанском республиканском краеведческом музее хранятся коллекции, судя по музейным описям, доставленные из Табаева А. А. Штукенбергом в 1879 г.¹⁰ В музейной коллекционной характеристике содержания коллекции упомянут 51 предмет. В том числе хранятся: 8 топоров,

⁷ Быть может, один из шурфов А. А. Штукенберга.

⁸ Определены Карачаровским в ЗИН АН СССР. В материалах А. А. Штукенберга есть указание также и на домашнюю свинью.

⁹ Н. Ф. Высокый. Глиняные изделия. Труды Об-ва естествоиспыт. при Казанском университете, т. XIV, вып. 5, стр. 15. «...в Табаевском поселении (Лаишевского уезда) черепки да кости животных составляют главные остатки, по которым можно судить о бывшем здесь селище...»

¹⁰ Искренне благодарим сотрудника музея А. М. Ефимову за присланные нам сведения о коллекции и фотоснимках.

из них один — сверленный, целый, из кристаллического камня; «боевой молот», 2 долота, 13 скребков, наконечник стрелы, 2 ядрища, 22 отщепа, из которых часть ножевидных. Из перечисленных предметов 3 шлифованных и 1 сверленный шлифованный. Остальные оббитые, кремьнь — серый известняковистый, пермский. Лишь 2—3 отщепа из более хорошего темного кремня.

Керамики в коллекции насчитывается 52 фрагмента. Из их числа: 1 — от плоского днища, 19 — от краев сосудов, 34 — от стенок. Краевые фрагменты принадлежат 12 сосудам с прямым краем, 7 — с отогнутым. Из этого же числа орнаментированных — 13, без орнамента — 4. На 27 фрагментах стенок сосудов имеется орнамент. Орнаментальные мотивы включают заштрихованные треугольники, ромбы из отпечатков гребенчатого штампа, редкие ряды ямочных вдавлений. Есть фрагменты, вполне схожие с керамикой, добытой в 1940 г., быть может даже от одних и тех же сосудов. По цвету преобладают фрагменты бурые, с черной послойкой в изломе. Керамики желтоватого цвета имеется 10 фрагментов.

Кроме того, в коллекции находятся кости животных, из них: 2 — коровы, 4 — лошади, 1 — свиньи, и неопределимые — 8.

Бронзовых или медных предметов в Табаевской коллекции нет.

Находки 1940 г. несравненно беднее в части каменных орудий, но представляют особый интерес, так как выявляют высокую степень развития кремневой оббивной техники и использование кремневых отщепов. Материал орудий на всех обследованных поселениях один и тот же. Это — «...пермский кремьнь обыкновенного белого или серого цвета...».¹¹ Материал этот довольно рыхлый, относящийся к низким по качеству породам поделочного кремня. В раскопах, зачистках срезов обнажений и путем сборов с Устькамского I поселения нами получены: скребки и скребковидные орудия из отщепов: нуклеусы, в том числе крупный шарообразный, нуклеовидные отщепы, из которых часть несет следы употребления. На многих отщепах есть участки ретуши, получившейся в результате употребления, утилизации этих отщепов в различных трудовых процессах. Некоторую «макролитондность» находок в сопоставлении с найденной керамикой следует рассматривать как весьма позднее явление, присущее времени упадка в технике выделки каменных орудий. Вряд ли здесь можно видеть какие-либо традиции собственно волжской макролитической техники.

Некоторые выводы и дальнейшие задачи изучения

Обследование убедило нас, что в районе устья Камы имеются в пригодной для изучения степени сохранности древние поселения, известные здесь еще А. А. Штукенбергу. Некоторые из обследованных поселений, особенно те, что находятся на волго-камской стрелке, близ оз. Аю-Ульгень-куль, заслуживают углубленного изучения. Наличие остатков древних жилищ делает особенно интересным Устькамское I поселение. Наличие остатков фауны — костей домашних животных — еще более углубляет интерес. Материалы из ряда новых раскопок в районах Волго-камья и соседних с ним, если они и имеются, до сих пор остаются неопубликованными. Поэтому очень узок круг сравнительного материала, известного главным образом по музейным коллекциям и отрывочным предварительным сведениям. Чрезвычайно важные данные по исследованию памятников абашевского типа, на территории Чувашской АССР, материалы по селищам срубно-хвалынской культуры на Волге, наконец —

¹¹ А. А. Штукенберг. Следы каменного века Казанской губ. Труды Об-ва естествоисп. при Казанском университете, т. XIV, вып. 5, стр. 8.

данные раскопок могильников в Маклашеевке и поселений типа Луговского — все это материал, еще не изданный. Тем не менее необходимо обратиться именно к этому кругу памятников, так как здесь имеются близкие аналогии.

Обратимся, прежде всего, к керамике.

Сосуд, изображенный на рис. 20, 3, по характеру орнамента и профилировке венчика очень близок сосуду из могилы № 1 (с) в Маклашеевке II, из раскопок П. Д. Пономарева в 1897 г.¹² Убедительно сходство в орнаменте из вытянутых треугольников или пологого зигзага из двух-трех параллельных линий, с пространством между ними, заполненным насечками. Среди нашей керамики, так же как и среди керамики из сборов А. А. Штукенберга в Табаеве, есть подобные фрагменты. Вместе с керамикой, несущей на себе отпечатки мелкой плетенки и ткани, эти особенности указывают на позднюю дату Устькамского поселения. Оно относится к началу I тысячелетия до н. э.

.

¹² М. Г. Худяков. Могильник Маклашеевка II, стр. 11, табл. III. Могильник находится в Куйбышевском районе Тат. АССР.

В. Н. ЧЕРНЕЦОВ

ЗЕЛЕНАЯ ГОРКА БЛИЗ САЛЕХАРДА

При археологической разведке, произведенной Мангазейской экспедицией АНИИ в окрестностях г. Салехарда летом 1946 г., были обнаружены культурный слой и керамика на мысу «Зеленая горка». Мыс располо-

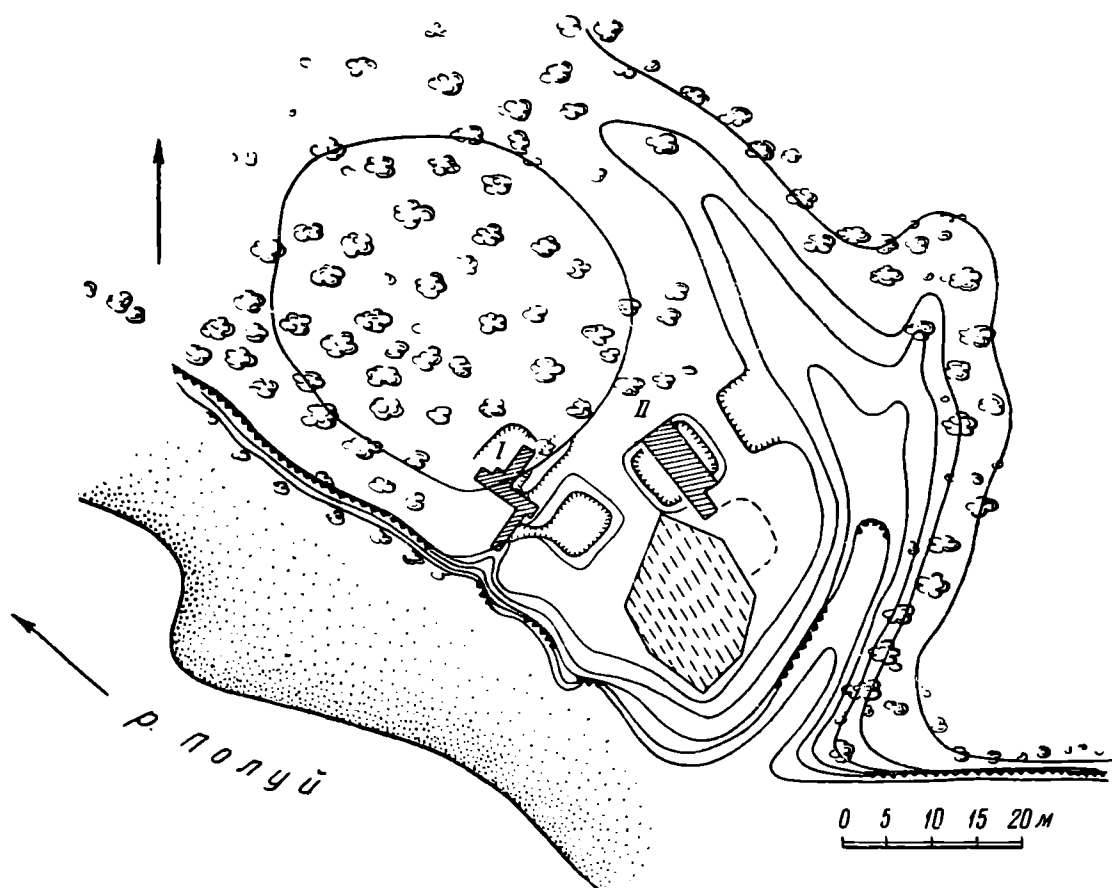

Рис. 21. План селища Зеленая горка

жен на правом, обрывистом берегу р. Полу́й, километрах в пяти ниже Салехарда, и получил свое название из-за густой травы, резко отделяющей его от окружающей тундры (рис. 21 и 22).

На Зеленой горке были начаты раскопки, закончить которые, однако, не удалось.

Зеленая горка, как сказано, представляет собою небольшой мыс, образованный крутым ложком, возвышающийся метров на 12 над уровнем р. Полуй (см. рис. 21). Поверхность мыса слегка бугристая и имеет общий уклон в направлении его оконечности и к обрыву. Северо-западная часть

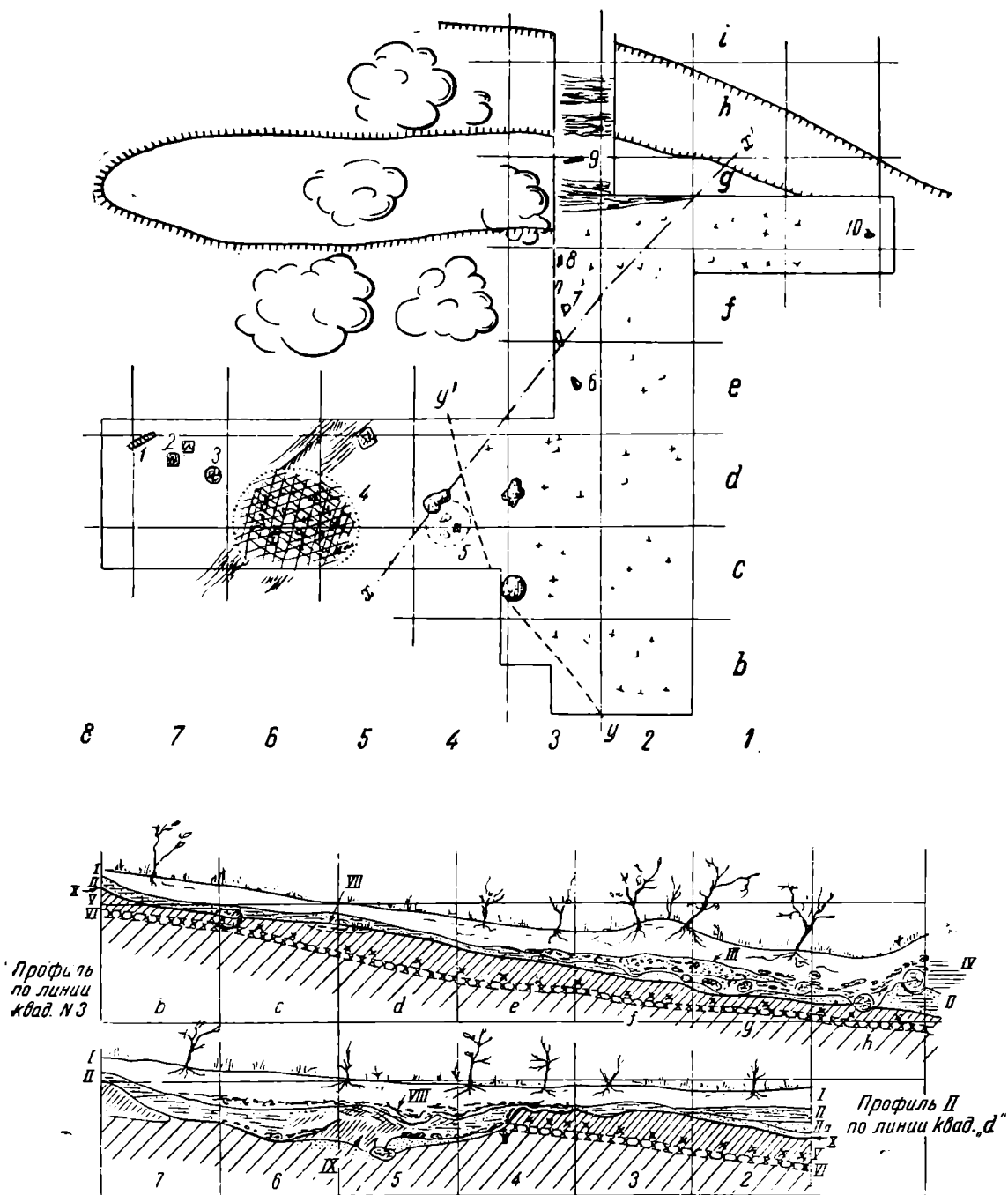

Рис. 22. План и профиль I раскопа на селище Зеленая горка

I — почва; II — темный золистый слой; III — светлый золистый слой; IV — зола с примесью угля; V — песок, содержащий в нижнем горизонте отдельные фрагменты керамики; VI — горизонт, содержащий керамику; VII — горизонт, где в квадрате 4-сd найден сосуд с поддоном; VIII — угольно-очажный слой; IX — обожженная глина очага землянки X в.; X — тонкая угольная прослойка. Слои II, III, IV, VIII, IX, X относятся к X в.

его поросла довольно густым кустарником, а на юго-восточной оконечности разбит огород. Рядом с огородом можно различить неглубокие подквадратные впадины — следы некогда существовавших здесь жилищ. Две из

них хорошо заметны, другие две частично нарушены огородом и оврагом. Еще одно углубление, но с очень смутным очертанием, было обнаружено в средней части мыса, недалеко от обрыва, от которого к нему подходила крутая впадина. К углублению примыкал небольшой бугор, заросший кустами. У края этого углубления, где при разведке были обнаружены признаки культурного слоя, и был заложен первый раскоп (рис. 22).

Под слоем почвы мощностью в 5—20 см был обнаружен темноокрашенный золисто-песчаный слой, в квадратах 5—7 — *c* — *d* оказавшийся перекрытым линзами золы с углем и остатками не совсем еще перегнившего дерева (бревна и плахи). В квадратах 3—6 по линии *f* — *h* место этого слоя заняло скопление угля с примесью золы (на профиле обозначено цифрой VII), лежавшее на прослойках обожженной глины. По всей видимости, весь этот комплекс представлял собою остатки очага жилища, следы которого и были замечены на поверхности земли в виде небольшого подквадратного углубления. Как видно на плане, очажное пятно сопровождалось остатками деревянных бревен и плах, отчасти подстилавших, а отчасти перекрывавших его, в направлении от угла квадрата 7-*c* к квадрату 5-*e*. Рядом с ним при зачистке слоя были обнаружены также следы круглых и квадратных столбов. Из находок слой II дал лишь костяной наконечник (5-*e*), сильно поврежденный огнем (рис. 24, 10), обрывки обработанной бересты, осколки костей, преимущественно оленьих, и куски оленьего рога со следами обработки. На квадратах 4,5-*e* в углисто-зольном слое (на профиле III), перекрывавшем слой II, был найден бронзовый трехлопастной наконечник (рис. 24, 13), два кусочка листовой меди и предмет, отлитый из белой бронзы, в виде круглого брусочка, на одном конце которого намечено изображение головы какого-то животного (рис. 24, 11), и отдельные фрагменты керамики. Последние представляют сосуды с довольно слабой профилировкой верхней части, скудно орнаментированные по краю круглыми ямками и немногими рядами крупнозубой гребенки. В разрезе, продолженном к склону, там, где на поверхности почвы было заметно канавообразное углубление, достигавшее почти самой подошвы склона, была обнаружена «уточка», также из белой бронзы (рис. 24, 3), столь типичная для памятников VIII—XI вв. н. э.

В основании слоя II лежит угольная прослойка мощностью в 2—3 см, под которой залегает пласт довольно светлого песка (на профиле V). В нижнем горизонте последнего, и главным образом в залегающем под ним более темном слое (слой VI), была обнаружена керамика, не распространявшаяся, однако, за пределы, указанные на плане пунктирной линией *y* — *y'*. Керамика была представлена фрагментами круглодонных сосудов, диаметром по венчику от 100 до 300 мм. Сосуды в большинстве случаев имели довольно хорошо выраженную шейку, как правило, высокую, поставленную прямо или с некоторым наклоном вовнутрь. Не имели шейки лишь несколько сосудов, преимущественно небольших размеров, видимо представлявших собою неглубокие чаши с прямым или несколько наклонным внутрь краем. О технике их изготовления сказать что-либо трудно, однако распада по лентам ни в одном случае не наблюдается, а склонность некоторых фрагментов к расслаиванию, напоминающая таковое в стоянке Салехард I, заставляет предположить и здесь наличие выбивной техники. Край венчика нередко утолщен, что достигалось загибанием его вовнутрь или подклеиванием валика, опять-таки с внутренней стороны. Во многих случаях указанное утолщение образует с внешней стороны как бы карнизик или бровку, впечатление от которой усиливается расположенным несколько ниже рядом круглых ямок.

Элементами орнамента являются небольшая мелкозубая гребеночка, редко используемая для вертикально-елочного или зигзагообразного узора,

грех-четырёхзубчатая лопаточка, которой или прочерчиваются параллельные линии или, используя ее по принципу отступления, наносится узор.

Также обычна закругленная гладкая лопаточка как отступающая, так и служащая для выдавливания ею неглубоких канелюр. Основной же характерной чертой орнаментации зеленогорской керамики является наличие мелких фигурных штампов, придающих ей пестрый и нарядный вид. Простейшими из таких штампов служат полукруглая гребеночка, иногда сдвоенная, рамчатые уголки и полулуния, решетчатые квадраты и ромбы и разнообразные крестики и звездочки как рамчатые, так и вдавленные. Орнамент группируется горизонтальными полосами, покрывающими шейку или, в случае ее отсутствия, прикраевую часть сосуда. Очень характерной композиционной чертой является полоса треугольников, обращенных вершинами вниз, и примыкающих своими основаниями к нижнему краю орнаментальной зоны.

Описанная выше группа зеленогорской керамики хорошо известна нам по ряду других памятников Нижнего Приобья, таких как городище Кушеватовское (Обь, между Березовом и Салехардом), городище Сортынья I (р. Северная Сосва), дюнная стоянка у мыса Тиутей-Сале (западное побережье п-ва Ямал).¹ Эти городища относятся к эпохе раннего железа, предшествующей сложению устьеполуйской культуры, и датировать их можно приблизительно серединой первого тысячелетия до н. э. По сравнению с керамикой этих городищ, сосуды с Зеленой горки отличаются несколько меньшим разнообразием штампов и недостаточно четко выраженным воротничком. Следует ли эту черту рассматривать как какую-то локальную особенность, или в ней надо видеть датирующее указание, мы окончательно решить пока воздерживаемся, хотя и склоняемся к последнему. Характер зеленогорской стоянки из произведенных на ней, по существу говоря разведочных, раскопок установить невозможно, но все же четкая ограниченность площади, на которой в слое VI попала керамика, пожалуй указывает на наличие здесь жилища.

Таким образом, мы устанавливаем наличие на Зеленой горке двух разновременных слоев, разделенных довольно мощной стерильной прослойкой песка, вероятно смытого в свое время с вышележащей части мыса.

На границе квадратов 4 — cd в верхнем горизонте этой прослойки, в той ее части, которая не была нарушена позднейшей постройкой (на плане правее линии X — X', помеченной пунктиром — · — · —), были обнаружены фрагменты, которые составили несколько более половины сосуда на высоком поддоне, характерного устьеполуйского типа.

Отсутствие сколько-нибудь распространенного культурного слоя этого времени и в то же время наличие некогда цельного сосуда заставляет предположить возможность нахождения на Зеленой горке погребения, а быть может, и могильника устьеполуйского времени. Такое предположение объясняет и наличие в слое жилища X в. предметов и керамики устьеполуйского времени, которые могли попасть сюда, по нашему мнению, лишь в том случае, если при срывании слоя V, что во время постройки жилища и имело место влево от линии X — X', было нарушено погребение, от которого в непотревоженной части слоя сохранилась лишь половина сосуда.

Затруднительность выяснения характера позднего жилища (главным образом из-за густого кустарника, глубоко укоренившегося в культурном слое) заставила нас заложить другой раскоп в том месте, где на свободной от поросли части мыса была хорошо различима неглубокая подквадратная впадина, размерами около 5 × 6 м. Здесь действительно оказались остат-

¹ В. Чернецов. Очерк этногенеза обских утров. КС ИИМК, вып. IX.

ки землянки, совершенно идентичной по своей конструкции с жилищем верхнего слоя первого раскопа. Центр землянки занимал очаг, находившийся на некотором возвышении, образованном четырехугольным срубом из бревен 100×150 мм в диаметре, заполненным песком. По обе стороны очага на границе квадратов 2—3 и 4—5 находились проходы шириной около 1 м, за которыми справа и слева (по линиям квадратов 1—2 и 5—6) располагались нары, уровень которых, видимо, более или менее совпадал с уровнем очага и был как будто совершенно незначительно (быть может, только на толщину дерновины) ниже поверхности почвы. Перед очагом (квадраты 3—4—В) находилась впадина глубиной около 0.5 м, очевидно являющаяся окончанием входного коридора или сеней, распола-

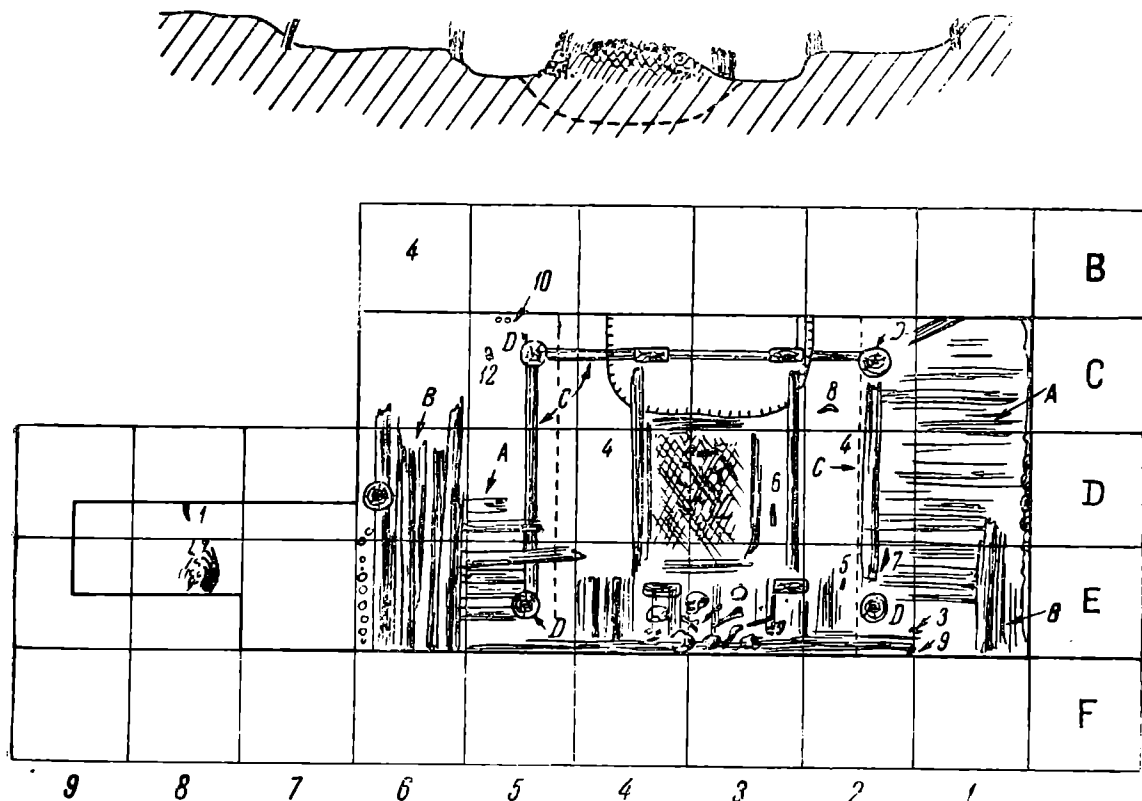

Рис. 23. План и профиль II раскопа на селіще Зелена гора

гавшихся по линии квадратов 3—4. Очаг и весь жилой горизонт землянки был перекрыт обвалившейся кровлей, состоявшей из нескольких слоев. Непосредственно под дерном находился слой земли — кровельной засыпки, интенсивно окрашенной гумусными частицами и угольной крошкой, содержащей мелкие фрагменты костей животных. К краям этот слой был более мощным, достигая 20—30 м, и почти выклинивался к середине.

Ниже залегал слой угля мощностью 2—4 см, лежавший на подстилке из еловых лап, от которых довольно отчетливо сохранились следы хвои. Под углем и хвоей можно было различить прокладку из бересты и далее следы обрешетки из горизонтальных плах или жердей (рис. 23) (первоначальный диаметр их установить не представляется возможным), настланной на жерди, или нетолстые бревна, лежавшие в направлении от краев землянки к ее середине (план II раскопа А). Последние первоначально имели, видимо, наклонное положение. Нижними концами они стояли на краю ямы землянки, а верхними опирались на четырехугольную раму (на плане помечено С), укрепленную на столбах D. Несколько отступая от углов очага, были вертикально вкопаны четыре прямоугольных бруска,

видимо, также связанных рамой, но более легкой, чем *D*, служившей, по всей вероятности, для подвешивания над огнем коглов и, как это можно наблюдать в некоторых современных жилищах в этом районе, для сушки рыбы. За очагом (квадраты 3—4—*D*), где уровень пола был таков же, как и в проходах, было обнаружено большое количество камней, из которых многие имели следы огня и костей животных, по определению зоолога В. И. Цалкина принадлежавших северному оленю и песцу.

Находки, сделанные в землянке, располагались частью в горизонте ее жилого слоя, частью несколько выше — среди остатков деревянного настила ее кровли. Последнее можно объяснить тем, что эти предметы, а именно: костяной наконечник стрелы (на плане помечен № 7; см. также рис. 24, 12), железный наконечник стрелы (на плане № 5, рис. 24, 7), оселок (на плане № 9) и костяной рожок для лука (на плане № 6, рис. 24, 2) были засунуты в щели настила крыши, как это можно наблюдать и в современном быту, где подобные щели постоянно используются для хранения различных мелких предметов. В этой же части землянки, т. е. на линии первого, второго и, частично, третьего квадратов на горизонте нар найдены две заготовки для стрел, одна из осколка трубчатой кости, другая из оленьего рога, небольшая костяная лопаточка или ложка (рис. 24, 9) и предмет, сделанный также из оленьего рога. Более или менее похожие на эти рогульки применяются в настоящее время при вязании сетей, чему не противоречит имеющаяся по середине его канавка, повидимому протертая во время работы ниткой.

С другой стороны землянки, на линии квадратов 5—6 и на уровне нар были обнаружены: свернутый вдвое и сплюснутый кусочек листовой меди, возможно служивший скребком для чистки рыбы (рис. 24, 7), оковка из листовой меди с двумя заклепками из того же материала, скреплявшая, по всей вероятности, треснувший край деревянного сосуда, костяная проковка, лапчатая привеска из белой луженой бронзы (на плане № 12, рис. 24, 4) и две голубые фаянсовые поливные бусины (на плане № 10), из которых одна уплощенная рубчатая (рис. 24, 6), а другая бочоночком, украшенные вдавленными косыми крестиками (рис. 24, 5).

От борта землянки, для уточнения ее границ, в квадратах 7—9 была заложена траншея, которая показала, что непосредственно за валиком, занимающим линию квадрата 7, образовавшимся от засыпки кровли, начинается углубление другой землянки с совершенно тождественными наслоениями. У самой стены этой землянки, в квадрате 7, непосредственно под слоем дерева был найден нож с узким загнутым концом и со следами заточки лезвия на правую сторону (рис. 24, 1) и брусочек для точки игл (рис. 246, 1).

В кровельном слое землянки, особенно у ее краев (квадраты линии 6; 5BC и др.), находилось большое количество шлаков и ошлакованных фрагментов сильно пережженной глины — вероятнее всего от обмазов горнов (рис. 24, 4). Большая часть их является результатом плавки меди и бронзы, но некоторые, возможно, связаны и с выработкой железа (анализы шлаков не производились). Во всяком случае количество их свидетельствует об очень сильно развитой для того времени металлургии на селище Зеленая горка, хотя подробнее о ней пока говорить невозможно.

Время существования селища определяется довольно хорошо как на основании бронзовых поделок — лапчатой привески и «уточки» (пожалуй, правильнее было бы назвать ее «куропаткой», судя по характерному повороту головы), так и по бусинам — концом I тысячелетия н. э. Следует при этом отметить, что рожок лука совершенно точно соответствует форме, и поныне распространенной среди низовских остяков. То же можно сказать

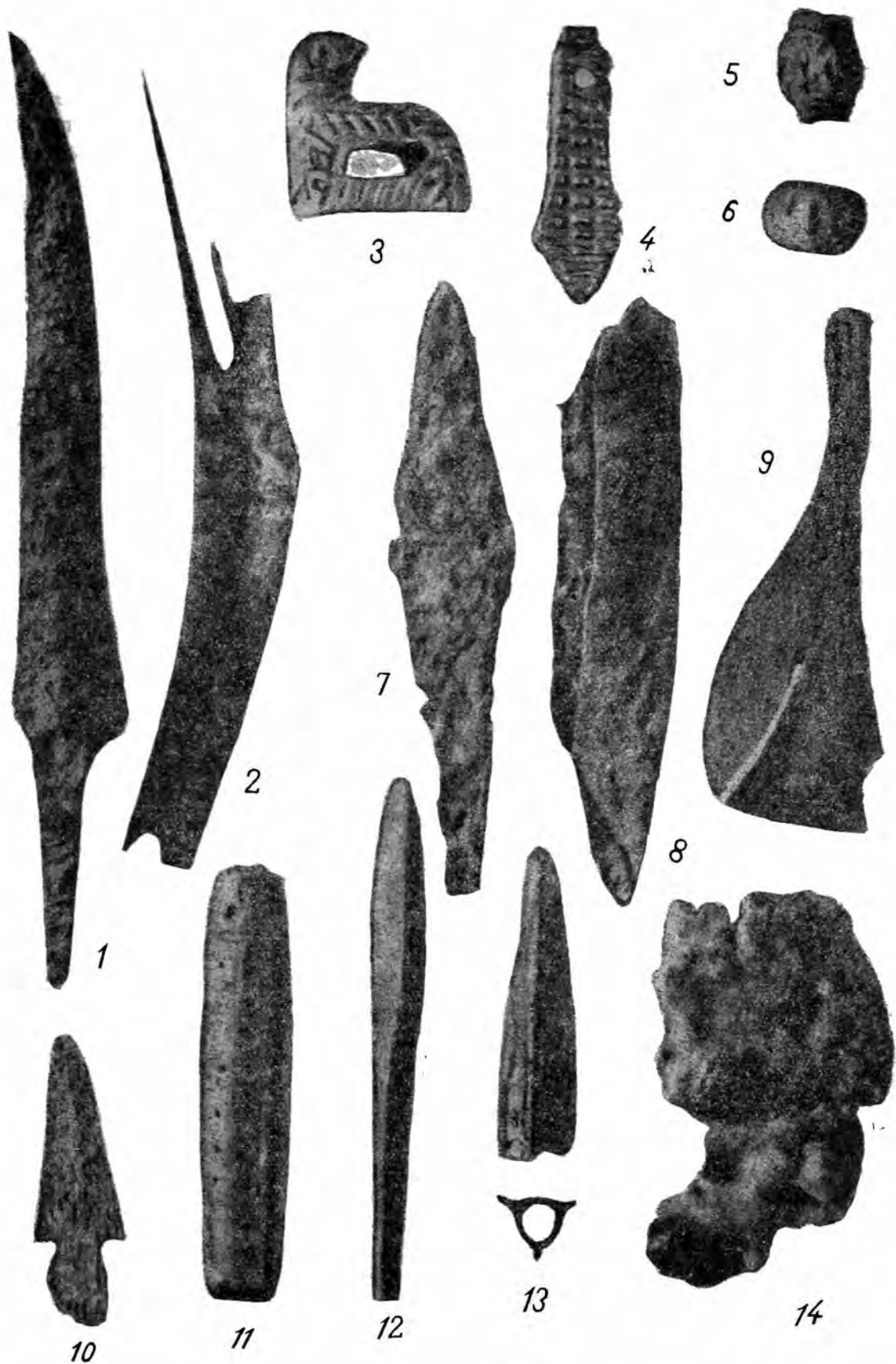

Рис. 24. Предметы из раскопок на мысу Зеленая горка

3, 10, 11, 13 — из первого раскопа; 1, 2, 4, 9, 12, 14 — из второго раскопа (1, 2, 14 — 2/3, остальные в натуральную величину)

про конструкцию зеленогорского жилища. Землянки, теперь совершенно вышедшие из употребления, полвека назад были в повсеместном распространении и описаны исследователями, посещавшими обский край в конце прошлого столетия. Согласно этим указаниям один из наиболее близких к зеленогорскому типов жилища имел также четырехскатную крышу, состоявшую из бревенчатого настила, покрытого сеном или мхом и засыпанного сверху землей. Стороны крыши в ее основании имели от 3—4,5 м, а высота ее колебалась в пределах 1,5—2 м. В середине жилища выкапывалась яма глубиной 30—60 см, а по краям земля оставлялась нетронутой для устройства нар, высота которых, таким образом, соответствовала глубине центральной ямы. Очаг типа чувала устраивался в одном из углов при входе. Последняя черта только и отличает описанное жилище от зеленогорского, но она не является существенной, поскольку центральный очаг на возвышении, укрепленном срубом, весьма широко распространен среди обских жилищ, особенно летних бревенчатых юрт.

Позднее селище на Зеленой горке представляет особый интерес, так как показывает, что к концу I тысячелетия н. э. уже сложились основные черты, свойственные этнографии обского населения в ее современных или весьма недавних формах. Однако нож, найденный в квадрате 7 второго раскопа, с этой точки зрения является нетипичным. Хантыйские и мансийские ножи имеют совершенно прямую спинку и прямое же, несколько закругляющееся к концу, лезвие. Заточка всегда на одну сторону и при этом довольно крутая. Такая форма ножа характерна не только для настоящего времени, но и для памятников конца первого — начала второго тысячелетия н. э. Лишь в материалах хантыйского могильника XVIII—XIX вв. с Острова Мертвых на Оби, ниже Салехарда, находим ножи, приближающиеся по своему типу к вышеописанному из селища на Зеленой горке, но все эти ножи привозного происхождения, поскольку можно судить по чеканным медным рукояткам.² По всей вероятности, то же следует сказать и о зеленогорском ноже. Откуда он мог быть завезен — сказать затруднительно, но этим местом мог быть только юг и скорее всего Средняя Азия, связи с которой мы можем проследить от глубокой древности и до XVII в., когда бухарские купцы еще продолжали посещать Обь и, в частности, Березов.

Работы на втором раскопе, давшие подробности конструкции жилища, позволили лучше понять и стратиграфию первого раскопа.

Линия X — X¹ (см. план первого раскопа), справа от которой находится непо потревоженный слой песка (на профиле V), а слева в квадратах C — E углубление, выполненное остатками дерева, углем, золой и фрагментами прокаленной глиняной обмазки, как можно теперь говорить уже с уверенностью, представляет собою границу нар и углубленного прохода около очага. При выкапывании этого прохода и был в свое время нарушен участок, содержащий слой устьеполуйского времени, быть может являвшийся погребением. Вследствие возвышения нар, часть этого слоя сохранилась в квадрате 4C — d, где и был обнаружен описанный выше сосуд. Находка последнего в верхнем горизонте стерильного слоя, залегающего над слоем, содержащим «воротничковую» керамику, дает такое надежное указание для относительной датировки этих двух эпох, каким мы до сих пор еще не располагали.

² Материал из этого могильника, добытый Яновичем, хранится в Музее антропологии МГУ. Ножи указанного типа никем еще подробно не изучались, почему и место их происхождения неизвестно.

А. Н. ЛИПСКИЙ

РАСКОПКИ ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИЙ В ХАКАССИИ
 в 1946 году

Андроновская культура сложилась в результате дальнейшего развития бронзовой техники, земледелия и оседлого быта.

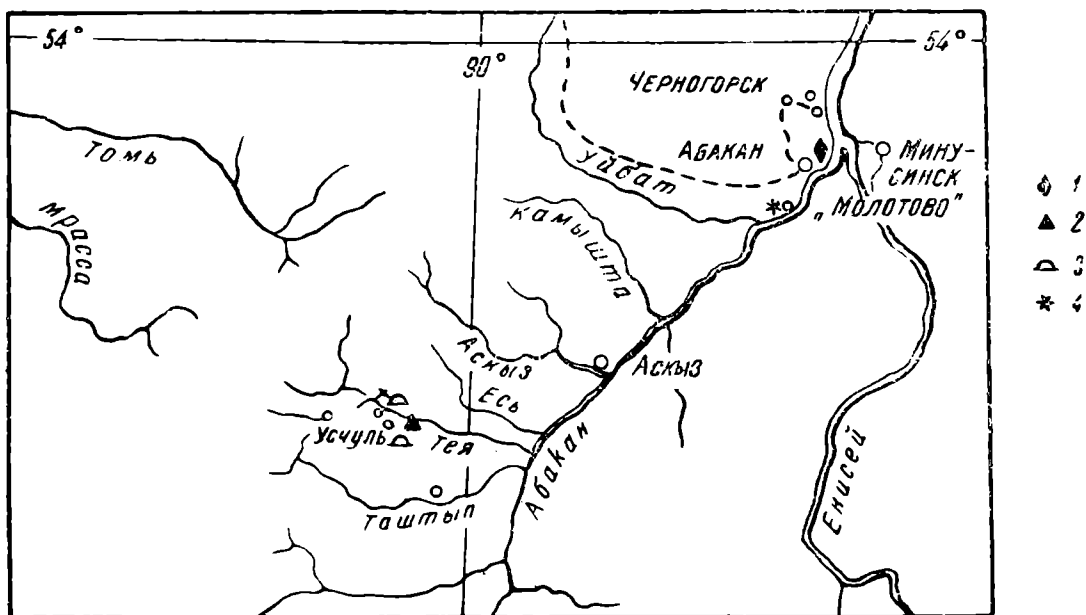

Рис. 25. Карта Минусинской котловины. Бассейн р. Абакана

1 — карасукская культура; 2 — андроновская культура; 3 — верхняя граница тагарской культуры;
 4 — погребение мужчины с луком

Если в период афанасьевской культуры человек селился главным образом у берегов больших рек Хакассии, то в середине II тысячелетия до нашей эры он поднимается в горы. Его орудия в это время становятся более совершенными.¹

Раскопанное мною погребение андроновской культуры в сел. Усчуль, в среднем течении р. Теи, свидетельствует об этом, весьма важном, явлении в древней истории человека Минусинской котловины (рис. 25).

В андроновской культуре зарождается традиция, дожившая в Хакассии до наших дней, — хоронить своих покойников в отдалении от места

¹ Интересно, что граница распространения вверх по бассейну р. Теи курганов тагарской культуры лишь на 3—5 км поднимается выше распространения андроновских погребений: до восточной оконечности водораздела между р. Теей и ее правого притока Бейки (на околице селения Оты).

обитания человека и исключительно на возвышенностях, а где это возможно, то и на вершинах ближайших к стоянкам холмов. Раскопанное нами погребение в этом отношении весьма типично: оно расположено на самой вершине довольно высокого холма, у подножья которого и была, видимо, стоянка андроновского времени и вокруг которого раскинулось современное селение Усчуль.

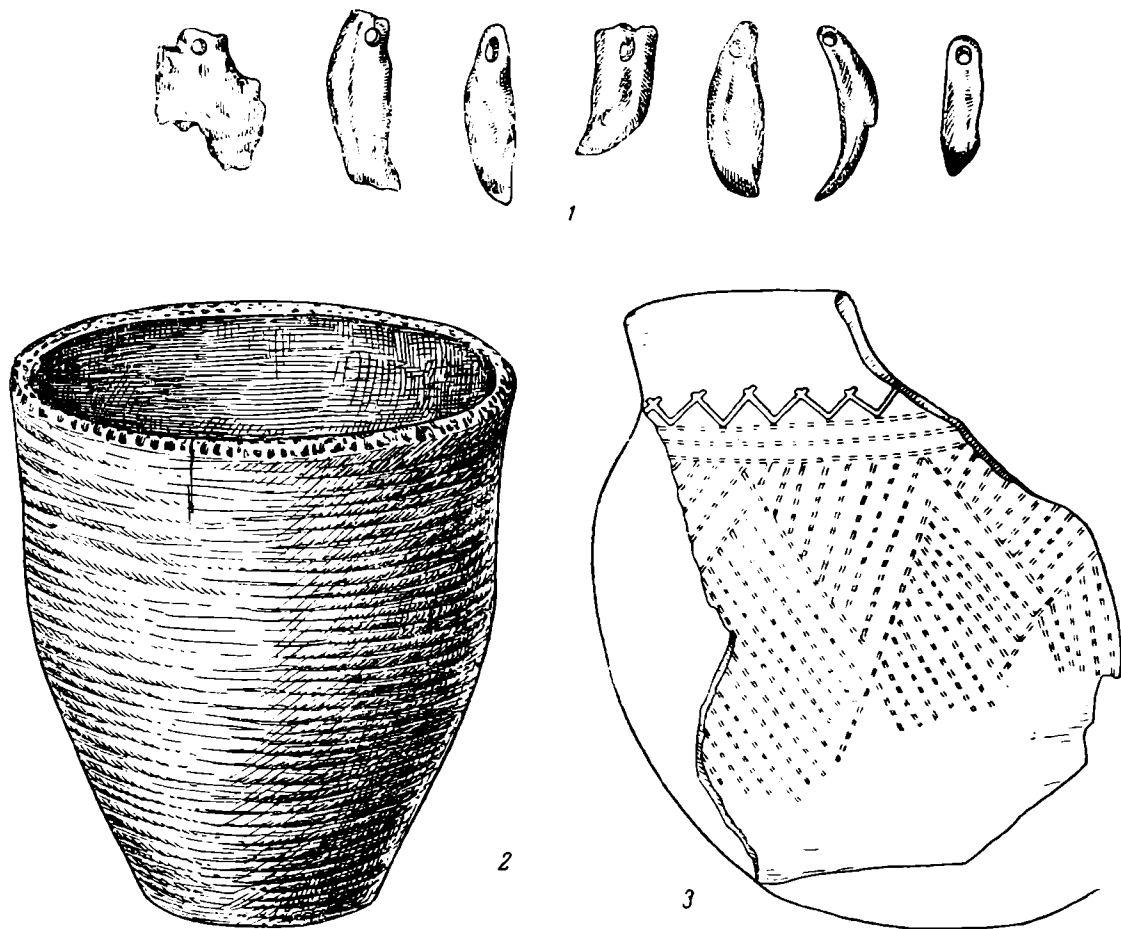

Рис. 26. Вещи из древних погребений Хакассии
1 — ожерелье из зубов животных; 2 — горшок; 3 — горшок (фрагмент)

Человек андроновского времени продолжал прочно держаться магии. Свидетельством этого является замечательное ожерелье из зубов разных животных, обнаруженное на шее покойницы из усчульского погребения (рис. 26, 1). Интересно, что столь же обращающее на себя внимание ожерелье из зубов бобра и тоже в женском погребении, раскопанном нами в 1945 г. у церкви в г. Абакане, принадлежит также андроновской культуре.

Покойница в Усчуле была похоронена на спине, головой к югу, с ногами, согнутыми в коленях так, что пятки были прижаты почти к самому тазу, плечи, шея и голова опирались на специально положенную под них плиту. Такое положение является типичным для ранне-андроновского времени.² На ступни ног, между северной стенкой гроба и голеньями, был поставлен довольно крупный для андроновской посуды горшок баночного типа с относительно небольшим дном и с фигурно-отделанным обрезом венчика (гребенчатым штампом), но с уже намечающимся формированием плеча (рис. 26, 2).

² М. Н. Комарова. Погребения Окунева улуса. «Сов. археология», IX, стр. 53.

Гроб небольшой: 1.30 м длины, 0.90 м ширины и 0.60 м глубины. Кверху он несколько расширяется. Сделан из плит коричневого девонского песчаника 10—12 см толщиной; был покрыт такой же толстой плитой, сброшенной грабителями.

В антропологическом отношении женщина из этого погребения принадлежит к европеоидной расе, но значительно отличается от афанасьевских предшественников.

Погребения карасукской культуры, раскопанные мною в г. Абакане в числе 37, характеризуют различные стадии культурного развития населения того времени.

Если принять во внимание, что для предшествующей карасуку культуры, андроновской, было характерным трупоположение на спине с согнутыми в коленях ногами, с положением головы к югу и что орнамент на сосуды наносился гребенчатым пунктиром без окантовки внизу, то нужно отметить погребения № 1—3 и № 8 наших раскопок, которые дали именно эту наиболее древнюю форму трупоположения, а фрагмент сосуда (рис. 26, 3) — образец еще андроновобразной орнаментики. Наоборот, если принять во внимание, что трупоположение на спине с вытянутыми ногами является типичным для тагарской культуры, то из раскопанных мною карасукских могил наиболее приближается к тагарским погребение № 12.

По инвентарю эти могилы также отличаются от типично карасукских: в первых могилах (№ 1—3) рядом с типично карасукскими круглодонными горшками обнаружен сосуд, более близкий к андроновским: с небольшим по диаметру, но плоским дном, и с четко выраженным плечиком (рис. 27, 1). В форме сосуда из могилы № 1 мы видим в большей или меньшей степени приближение к баночному типу андроновского горшка (значительная высота основной части горшка: от дна до плеча). Наконец, и большой коленчатый нож с бараньей головой на ручке и маленький кельт (рис. 28, 1) свидетельствуют о более древнем времени погребений № 1—3. Между тем сосуд из могилы № 12 имеет сравнительно слабо выраженное плечо, чем значительно приближается к сосудам тагарской культуры (рис. 27, 2).

Подавляющее большинство погребений карасукской культуры, раскопанных мною в 1946 г., как по устройству ящиков и по трупоположению на правом боку, спиной к южной стене гроба, так и по инвентарю (исключительно круглодонная посуда (рис. 27, 3), лапчатые подвески, «заклепочки» обоймицы (рис. 28, 2) и т. д.) принадлежит к типично карасукским.

Говоря об инвентаре раскопанных мною погребений карасукской культуры, нельзя не остановиться специально на двух предметах: на упомянутом большом ноже (рис. 28, 3) и почти цилиндрическом сосуде (рис. 27, 4).

Длина ножа в сохранившейся части — 31.5 см, при ширине в наиболее широком месте почти в 3 см. Конец острия ножа обломан, но можно установить, что общая длина его достигала 35 см. Ручка ножа отделяется от лезвия тремя поперечными валиками. Края ручки утолщены: в меньшей степени со стороны лезвия и в большей с обушковой стороны; боковые стороны ручки украшены с каждой стороны четырьмя круглыми и плоскими утолщениями, формой своей чрезвычайно напоминающими шляпки «заклепочек», известных уже в литературе по карасуку, также найденных в раскопанных нами могилах. Конец ручки ножа украшен большим, замечательно выполненным изображением головы барана. Морда барана несколько удлинена, но весьма типична. Рога даны полным завитком, точно воспроизводя натуру, с изображением даже возрастных поперечных валиков. Под шейю барана имеется выступ с круглым отверстием, служившим для прикрепления ножа к ремешку.

Сосуд по своей форме совершенно необычен ни для карасукской культуры, ни для какой-либо другой в пределах Минусинской котловины. Он почти цилиндрической формы, несколько расширяющийся книзу. Размеры его: диаметрверху — 13.4—11.5 см, диаметр дна 16.6—17.5 см, высота 14.8—15.5 см. Таким образом, в плане он имеет не круглую, а несколько вытянутую овальную форму. Внизу он, как видно по размерам верхнего и нижнего диаметров, несколько расширяется. Дно совершенно плоское и прямым углом переходит в стенку. С двух сторон этого сосуда, у верхнего края, имеются массивные, наклепные, горизонтально поставлен-

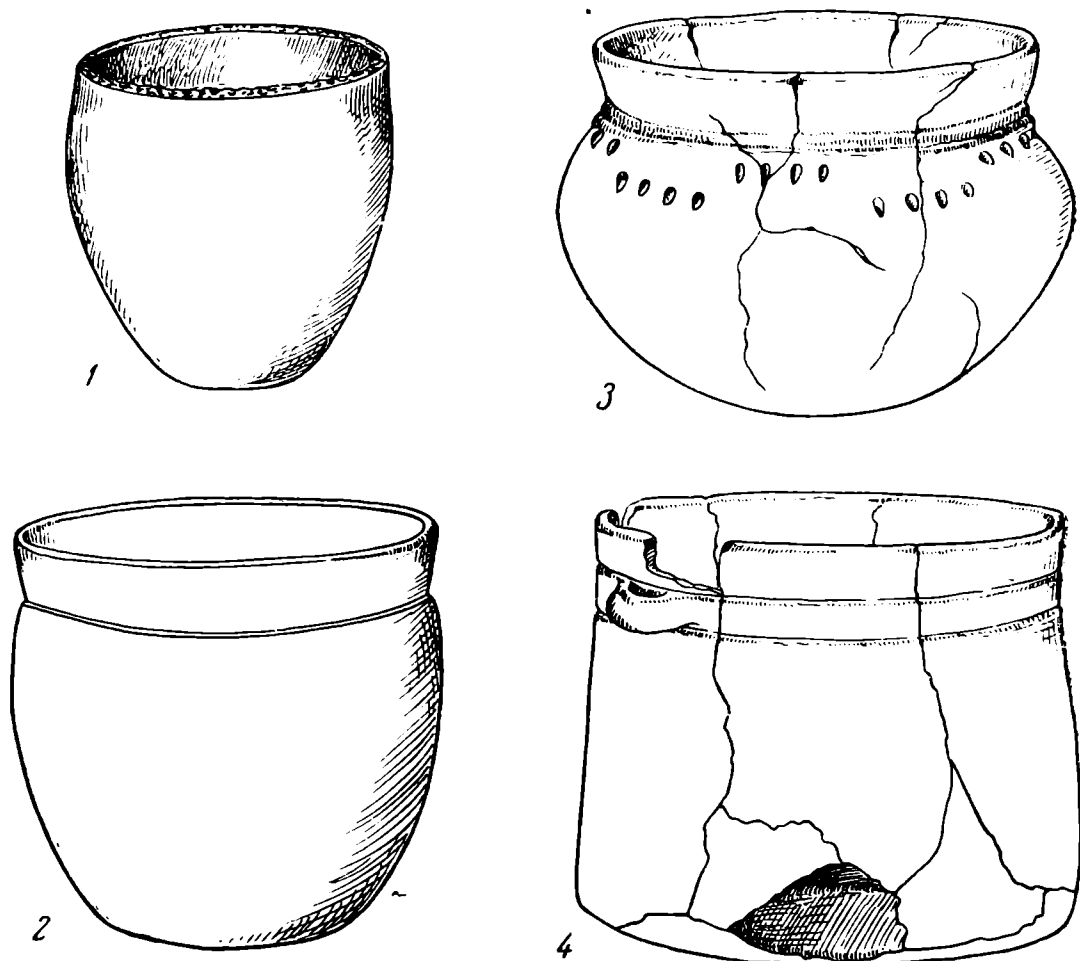

Рис. 27. Керамика древних погребений Хакассии

ные ушки. В их отверстиях имеются следы трения ребристых вкладышей, вероятно концов деревянной дужки, на которой горшок подвешивался над огнем. По верхнему и нижнему краю ушек и вокруг всего сосуда проведены две горизонтальные, резные, довольно глубокие линии — единственное украшение этого горшка. Аналог описанному сосуду можно найти в сосудах из провинции Жехе.³ Научная ценность этой находки несомненно велика.

Другой существенно важной особенностью погребений карасукского времени являются четкие признаки процесса формирования семьи с мужчиной во главе. Это видно на материалах могилы № 3 — погребение мужчины и женщины в одном гробу и рядом с ними погребение ребенка; а также по могиле № 27 — с погребениями детей и взрослого в одном

³ *Archaeologia Orientalis. A series, vol. IV, pl. XXXIV.*

могильнике из вплотную примыкающих друг к другу оградок. Об этом же говорит и общность нагрудных украшений в двух соседних могилах № 28 и 29).

Совершенно новым явлением представляется обнаруженный нами возле некоторых погребений карасукской культуры, пока загадочный, треугольник (рис. 29, 1). Четыре из них нами раскопаны.

Сооружения эти имеют вид равнобедренного или равностороннего треугольника. Размеры сторон: 12—20 см длины, 12—15 см высоты при толщине плиток в 2—3 см. Расположены треугольники с наружной стороны ограды погребения, у северо-восточного угла (рис. 29, 2) или у северной стены могильной ограды (рис. 29, 1). Ни вещей, ни костей в этих треугольниках не обнаружено.

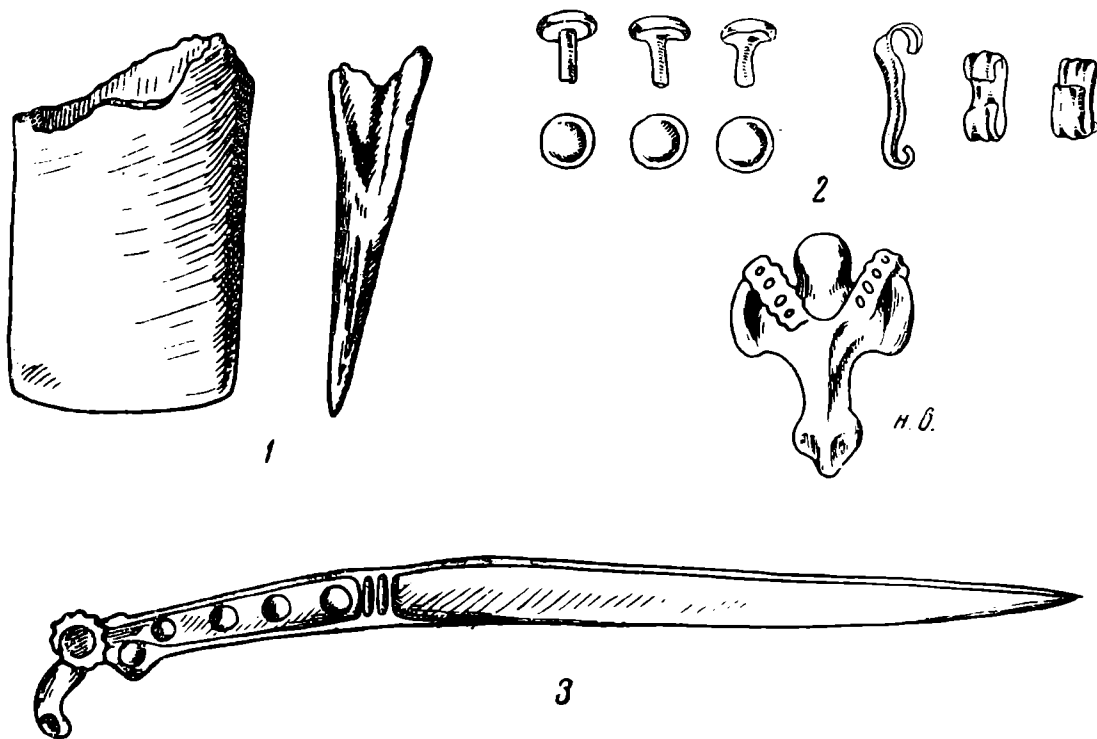

Рис. 28. Вещи из древних погребений Хакассии

С. В. Киселев, говоря о местоположении детских погребений в карасукских могильниках, констатирует, что нахождение их в северо-восточном углу и у самой стенки оградки — обычное расположение. Это подтверждается материалами наших раскопок. Детские погребения обычно находятся у северо-восточного угла ограды и с наружной ее стороны. «Треугольники» карасукских могильников также обнаружены за пределами ограды с северной или же с северо-восточной стороны. Невольно возникает мысль о связи этих «треугольников» с детскими погребениями.

В этой связи приобретает известный интерес погребение таштыкской культуры, ребенка 2—3 месяцев, раскопанное в г. Абакане. Погребение находилось в равнобедренном треугольнике, составленном из каменных плиток (рис. 29, 3). Плитки имели 40—45 см длины и около 45 см высоты. Две стороны этого треугольника (восточная и южная) ограждали трупик ребенка с боков и были одинаковой длины, а третья — западная стенка, несколько более короткая. Ребенок в этом треугольнике погребен «на кор-

точках», спиной и затылком в юго-восточный угол, а лицом и грудью к западной стене. Грунт, засыпавшийся в гробик еще до того, как труп разложился, сохранил положение костяка в таком состоянии, которое дало возможность с полной очевидностью представить положение погребенного

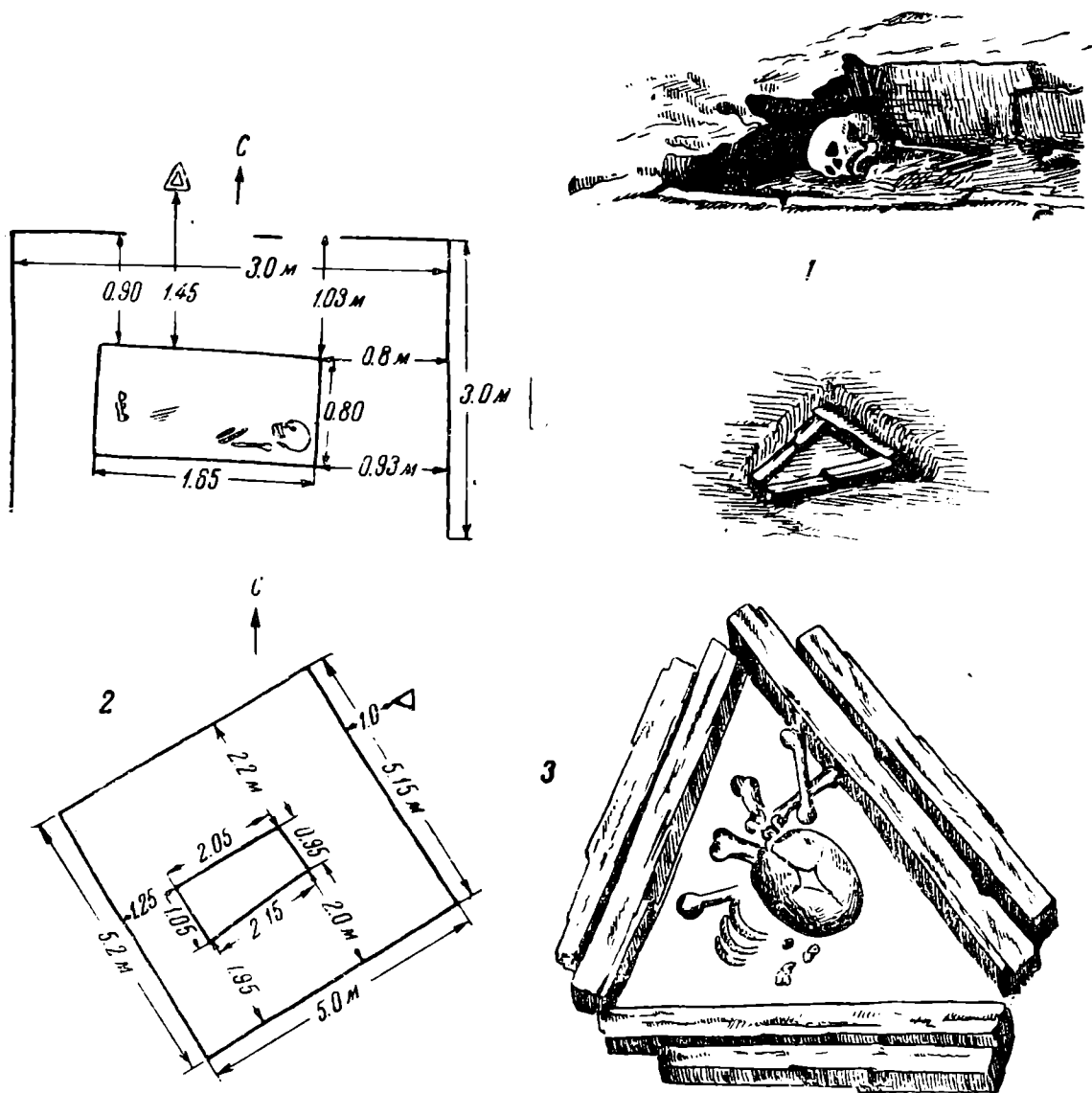

Рис. 29. Погребения карасукской эпохи

ребенка.¹ Сверху этот треугольный гробик был покрыт двумя каменными плитами, положенными одна на другую. Костяк ребенка не нарушен, но никаких вещей при нем не обнаружено.

Наконец в связи с интересующими нас треугольниками карасукских погребений кстати будет привести следующую этнографическую справку. У некоторых ульчских (на Амуре), ороческих (на Тумнине) и орокских (на Сахалине) родов женщины закапывают выкидыши и послед не просто в

¹ Погребение «младенца в сидячем положении» обнаружено С. А. Теплоуховым в могиле № XVI афанасьевской культуры у сел. Батени Боградского района, раскопанного им в 1923 г.

землю, а в ямке, стенки которой обкладываются плитками глинистого сланца, всегда устанавливаемыми треугольником.

Пока мы не можем сказать ничего определенного ни о назначении этих треугольников, ни об их связи с погребениями, около которых они найдены. Нам кажется, что треугольники это — места погребений или постола, или же выкидыша карасукской женщины. Во всяком случае эти пока загадочные сооружения требуют для их определения новых и высокой технической тщательности исследований.

К переходному времени от карасукской культуры к тагарской относится погребение женщины с ребенком, обнаруженное на полотне дороги, пересекающей площадь у церкви в пригороде Абакана (с южной стороны от церкви, у самой ограды).

Ящик — типично карасукский; он сложен из более или менее массивных плит девонского песчаника. Длина ящика по северной стене 1.8 м и по южной 2.0 м и ширина 1.05 м в восточном конце (в изголовьи) и 0.9 м в западном (в ногах), высота стенок 65 см. Стенки ящика поставлены с расширением к востоку. Ориентировано погребение головой на СВ. Под головой покойника дно гроба было покрыто небольшими каменными плитами (такие подстилки нами обнаружены в раскопках андроновских погребений у церкви в г. Абакане в 1945 г. и в погребении в сел. Усчуль в 1946 г.). Как по устройству ящика, так и по ориентировке всего погребения оно совершенно однотипно окружающим карасукским захоронениям.

В ящике лежал костяк женщины, на спине, с поднятыми кверху коленями. В результате разложения трупа кости ног отвалились вправо к северной стенке ящика. Рядом с коленями лежал череп ребенка в возрасте около одного года. Костяк ребенка плохой сохранности.

С левой стороны, рядом с головой женщины, стоял глиняный горшок, типично тагарский, баночный, без шейки.

У верхнего края стенки сосуда имеются два круглых небольших отверстия, очевидно для подвешивания. Украшен этот сосуд орнаментом, нанесенным гребенчатым чеканом-штампом (рис. 30, 1).

У ступни левой ноги, в углу ящика, оказалась кучка черепков такого же большого горшка без орнамента, но также с дырочками у верхнего края.

Других вещей в погребении не обнаружено. Ключица и предплечье правой руки, ближе к кисти, носят следы зеленой коррозии меди, видимо, от находившихся около них бронзовых предметов.

Ограда вокруг ящика не обнаружена, и других погребений по соседству нет.

К таштыкской культуре (на грани нашей эры) относится погребение, раскопанное в г. Абакане. Покойник был сожжен, и небольшая кучка пепла на гальке, покрытой чрезвычайно прожиренной сажой, вместе с небольшим количеством костей домашних животных, шестью большими сосудами, покрытыми березовой корой, были закопаны на более чем метровой глубине на берегу древнего русла протоки р. Абакана.

Замечательны сосуды этого погребения. Их было шесть, совершенно различных по типу, представляющих как бы эволюционный ряд: от бесшейкового большого горшка тагарского типа (разбит на мелкие куски и не мог быть измерен; рис. 30, 2), до сосуда с резко выраженной шейкой на выпуклом плече (рис. 30, 3). Особо обращают на себя внимание два оригинальных сосуда, украшенных в одном случае пятью (рис. 30, 4), а в другом — шестью (рис. 30, 5) налепами по плечу горшка. От налепов к основанию шейки, веером в 3—5 рядов отходят полосы черточек или круглых точек. По плечу сосуда у самого основания шейки нанесена орнаментальная полоса из вертикальных черточек.

Здесь же среди полусожженных костей обнаружена маленькая бронзовая пряжка, типичная для таштыкской культуры (рис. 30, 6).

Таштыкской же культуре принадлежит, видимо, впускное оградленное погребение женщины, положенной головой к западной стене ограды, на

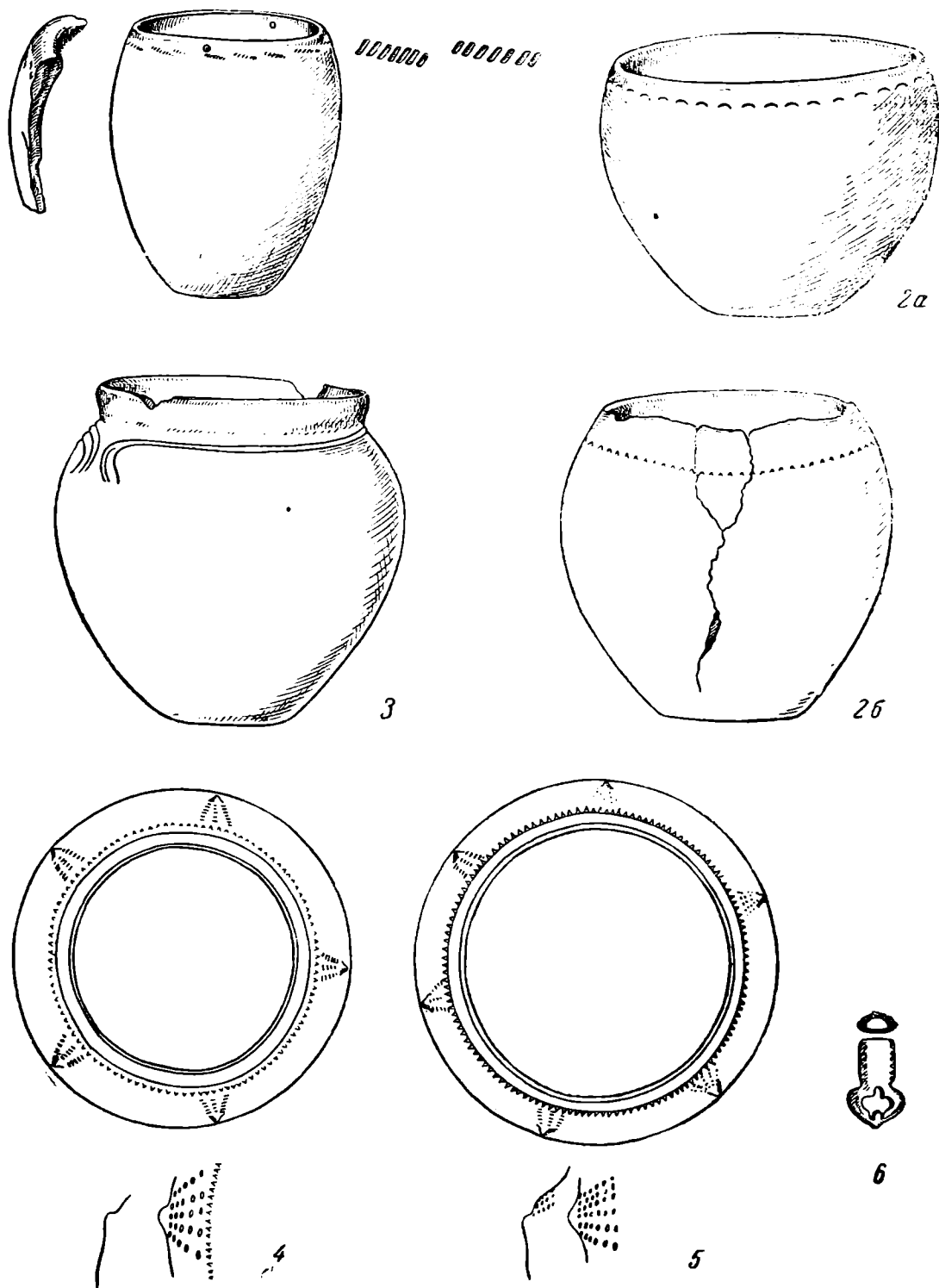

Рис. 30. Керамика древних погребений Хакассии

спине, с ногами, согнутыми в коленях настолько сильно, что пяточные кости почти вплотную прилегали к тазовым; труп был огорожен с боков крупными угловыми камнями, уложенными наподобие ящика гроба.

Женщина лежала головой на запад. У левого отверстия наружного слухового канала оказалось кольцо сережки, бронзовое, со следами позолоты, типично таштыкское.

Небольшое количество черепков разбитого сосуда, сделанного из темно-серой глины, обнаружено по всей могиле. Горшок имел орнамент, нанесенный штампом.

На Набережной улице, на площадке скалистого, высокого левого берега р. Абакана, у ворот дома № 33, находился маленький, сложенный из вебольших камней курганчик. Раскопка этого курганчика обнаружила уже

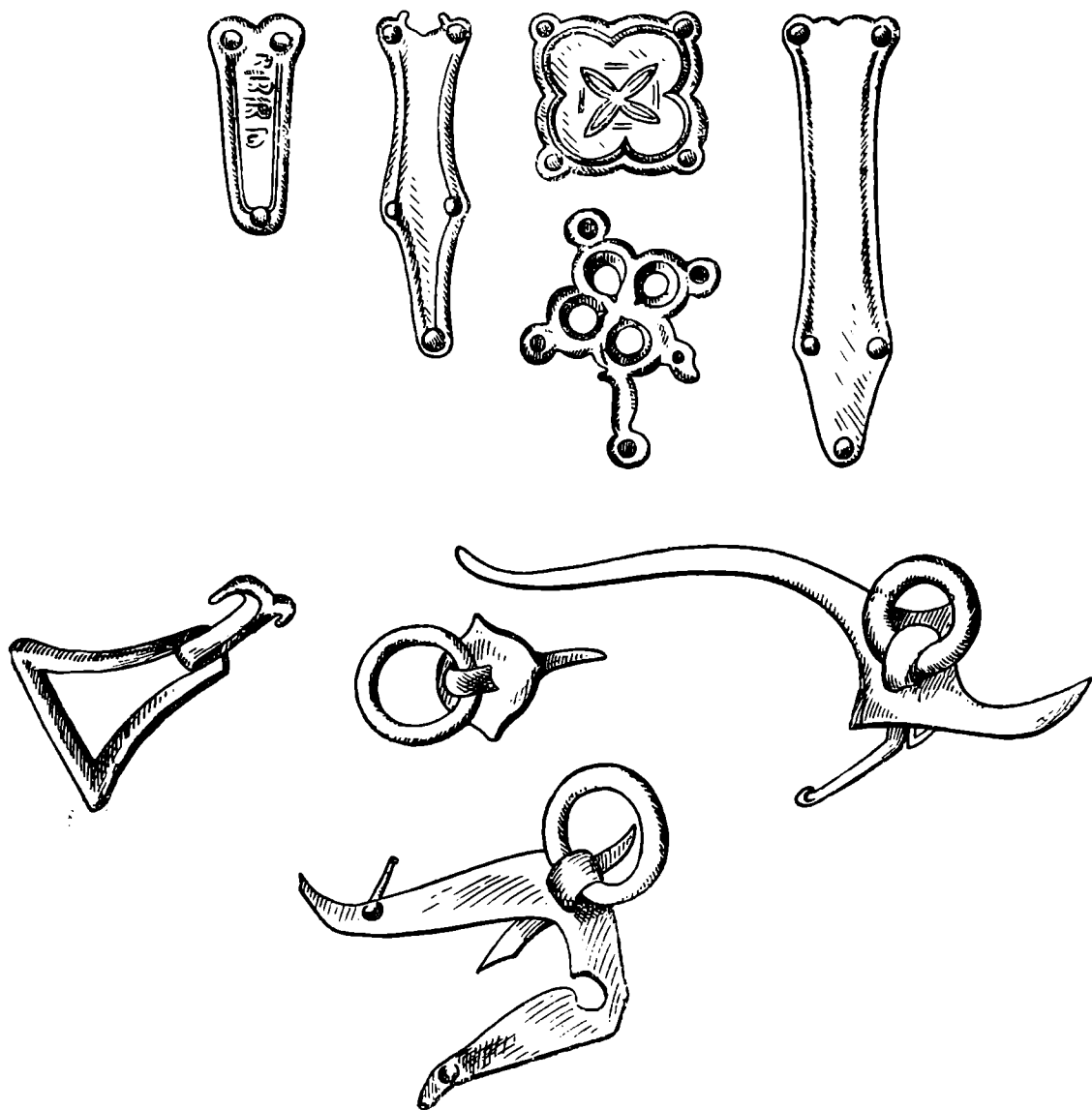

Рис. 31. Вещи из древних погребений Хакассии

на глубине 3—5 см значительное количество, в большинстве почти разложившихся, железных пластинок, вероятно от конской уздечки (рис. 31).

Такие же куски железных украшений уздечки найдены еще в одном однотипном погребении по ул. Ворошилова, против дома № 19. Хаотическое состояние железных частей украшения сбруи или узды дает основание полагать, что курганы эти были ограблены.

Некоторые железные пластинки из этого кургана украшены орнаментом. Заслуживает быть отмеченной одна из этих пластинок, на которой про-

смаатриваются буквообразные фигурки, напоминающие буквы *P* и *D* латинского алфавита (прописные).

Судя по приведенным здесь рисункам вещей, можно считать, что эти курганы относятся к VIII—X вв.

Общеизвестно, что «средние века» истории населения Минусинской котловины мы знаем несравненно хуже, чем далекое прошлое. Вот почему чрезвычайный интерес представляют результаты раскопок двух по-

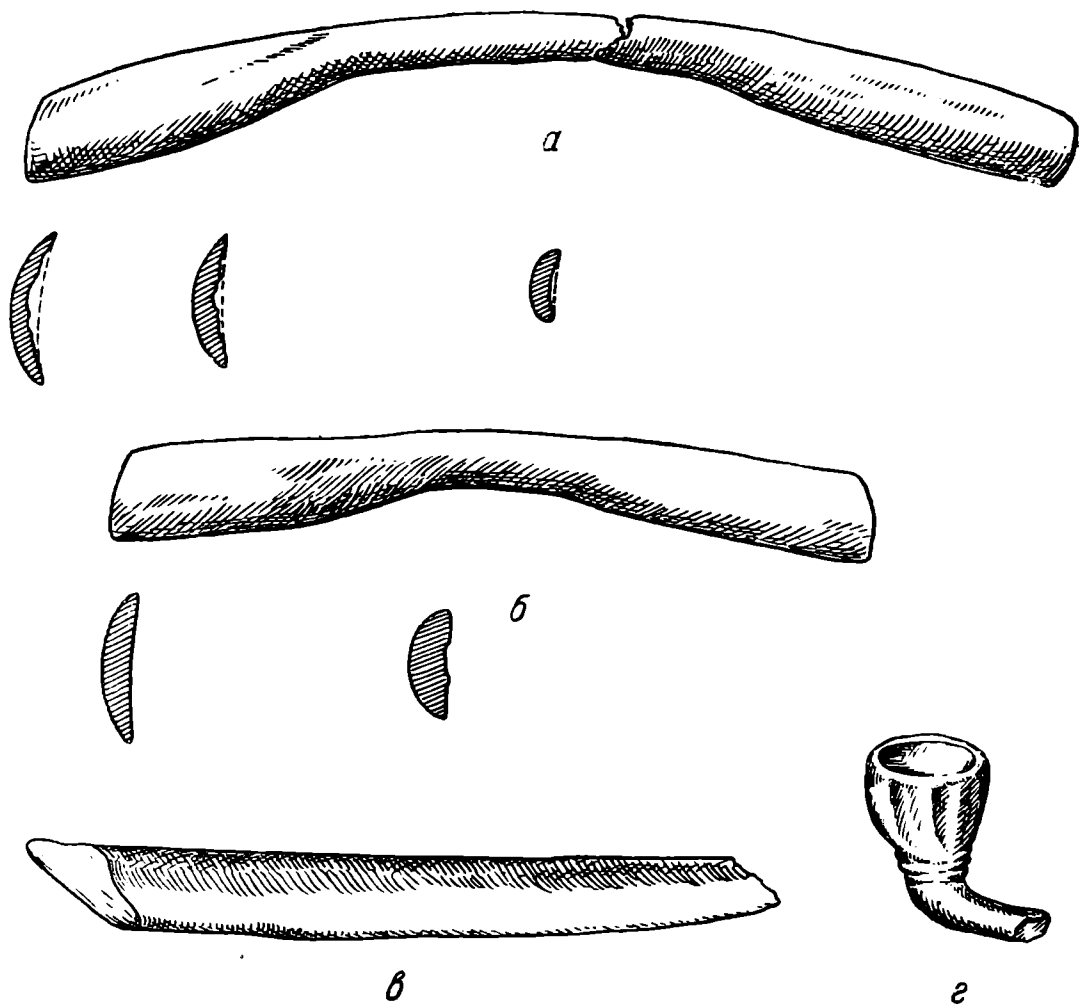

Рис. 32. Вещи из древних погребений Хакассии

гребений XV—XVII вв., одно в каменоломне Абаканского канала, а другое в пределах селения Верхняя Тёя (Оты). В обоих случаях эти погребения, несходные по особенностям устройства гробов, дали одинаковый инвентарь. Погребения содержали захоронения мужчин, положенных в каменоломне в естественном каменном ящике, образовавшемся среди плит обнажения девонского песчаника, а у сел. В. Тёя — под курганчиком из крупных камней в небрежно сложенном из плитняка подобии гроба. Там и здесь с покойниками были положены луки типичной формы и хорошей выделки. Основа лука была изготовлена из кедра и лиственницы и покрыта берестой. Средняя часть лука, там, где необходимо было держать рукой, имела костяную накладку (рис. 32, абв), а для большей упругости лука между этой пластинкой и древком (в торце накладки) были положены две костяные тонкие прокладочки. Кроме лука в тейской могиле был найден берестяной колчан (от него остались лишь куски бересты) с не-

сколькими стрелами, вооруженными большими железными наконечниками двух типов: копьевидным (длина 110 мм) и долотообразным (длина 127 мм). Лук лежал вдоль левой руки покойника, а колчан на животе и на груди, ближе к правой руке, наконечниками стрел к подбородку. Стрелы оказались разбросанными. Длина древка достигала 85 см; концы, накладывавшиеся на тетиву, имели правильный вилкообразный вырез. Стрелы были оперены, и хотя перья и не сохранились, но на концах древка заметны следы их прикрепления. Наконечник стрелы укреплялся в вырезах на конце древка. Места прикрепления обертывались тонким слоем бересты. Голова покойника лежала на седле. Передняя лука седла, сохранившаяся в большей степени, была окрашена коричневой краской. Труп лежал не под курганом, а на периферии курганной каменной кладки, к югу от центра. Сделано это было, вероятно, с целью маскировки погребения от грабителей. И все же покойник оказался ограбленным.

Со слов сагайцев бассейна р. Тёи нами было записано предание о приходе туда группы людей из Тувы. При раскопках группы погребений XVIII—XIX вв. на отроге хребта между сел. В. Тёя и Лырса (на левом берегу р. Тёи, против моста) мы нашли в погребальном инвентаре две китайские маленькие железные курительные трубки с длинным, около 35 см, и тонким, частью железным, частью же деревянным (рис. 32, г) чубуком, китайскую монету, донные куски разбитой китайской чашки и китайские шарикообразные пуговицы от одежды покойника.

Приведенные материалы, раскопки, повидимому, подтверждают народные предания о приходе в XVIII—XIX вв. из Тувы какой-то группы населения, принесшей с собой предметы китайского происхождения.

Погребения XVIII—XIX вв., обследованные нами в бассейне р. Тёи, характерны одной и весьма интересной особенностью. Здесь нигде не обнаружено сколько-нибудь крупного кладбища того времени, которое неизбежно было бы при наличии прочных родовых связей. Все обследованные могильники этого типа содержали от 5 до 13 погребений, находились всегда на самом мысу отрога ближайшего хребта или его выступа, высоко над долиной и были отделены один от другого или глубокой впадиной или хребтом отрога. Все могилы такого могильника чаще плотно придвинуты одна к другой и имеют строго одну и ту же ориентировку. Почти в каждом из таких могильников, при внимательном осмотре его, можно заметить одно более крупное погребение, которое нередко занимает и более или менее центральное положение среди других погребений этого могильника. Все могилы однотипны и по внешнему виду: это разного размера холмики, овальные в плане, сложенные исключительно из камней с ближайших россыпей. Холмики детских погребений чаще круглые в плане.

Невольно возникает мысль, что все эти погребения XVIII—XIX вв. свидетельствуют об уже разложившемся в Хакасии родовом строе, о полном обособлении семьи. Могильники эти выглядят семейными и ни в коем случае не родовыми. Гробами в эту эпоху служат колоды-корыта, выдолбленные здесь чаще из лиственничного, но иногда и из березового ствола. Покрышка гроба представляет собой такое же корыто, лишь менее глубокое, чем то, в которое клался покойник. Покойники положены на спину, головой к востоку. Мелкие вещи клались в гроб, крупные же, как седла, более крупная посуда (чаще медные котлы), клались за пределами гроба в изголовьи покойника или в ногах. В этих могилах встречаются каменные пряслица. Иногда там, где поверхность такого, выбранного под кладбище места — сплошная скала (здесь — это глинистый сланец), могила вырубалась в скале.

Поперечные (торцовые) стенки гроба — колоды, иногда украшены резным орнаментом.

Более древние из гробов этого типа обязательно покрыты несколькими слоями бересты; береста же является и обязательной подстилкой под трупом. В погребениях, более близких по времени к нам, берестовая крышка гробов заменяется полотнищем из грубошерстной ткани. Это кипсе — конское покрывало хакасов.

Прежде чем закончить этот краткий очерк, необходимо упомянуть отмеченные нами при обследовании верхней части бассейна р. Тёи границы распространения курганных погребений (тагарских и таштыкских) вверх по притокам р. Абакана.

Верхняя граница этих погребений нами установлена в пределах селения В. Тёя (Оты) и на западной оконечности отрога, что делит бассейн речек Бейки и собственно Тёи (на окраине фермы № 3 совхоза). Здесь находится последнее курганное поле (к востоку от школы и против моста через р. Тёю) со значительным количеством курганов, вытянутое поперек долины, по увалу, отходящему от соседнего хребта.

Изложенное не охватывает описания всех погребений, раскопанных нами в истекшем году. Здесь я остановился лишь на более интересной из находок 1946 г.

С. В. КИСЕЛЕВ

ЛУГАВСКАЯ СТОЯНКА

Минусинская котловина, богатая могильниками, очень бедна надежными остатками поселений. Мало чем отличается в этом отношении и таштыкская группа ее памятников.

Поэтому единственная обнаруженная пока таштыкская стоянка при всех ее недостатках заслуживает внимания.

Летом 1929 г. в Музей им. Мартьянова в г. Минусинске были принесены вещи, найденные при копке огорода во владении № 17—19 по Лугавской улице в восточной части г. Минусинска. Это были костяные стрелы, резак и обломки керамики (рис. 33).

Осмотр места находки показал, что оно расположено на древней дюне. К сожалению, из-за застроенности не удалось точно выяснить границы культурного слоя. Однако доступным обследованию все же оказался участок в 120×58 м. На нем в бороздах между гряд через каждые 2 м были заложены небольшие шурфы по двум осям: по проложенной с севера на юг посередине, вдоль всего участка и по западно-восточной, примыкающей к первой в южном ее конце. Более совершенных раскопок мы произвести не могли, так как весь огород был засажен. Шурфование показало, что культурный слой на всей площади, доступной исследованию, залегает равномерно. Верхние 35 см интенсивно-гумусного слоя позднейшего происхождения. Этот слой перекапывается, он совершенно лишен каких-либо древних остатков и содержит лишь редкие обломки современной посуды и кости. Древние вещи залегают исключительно в не тронутом огородниками, более глубоком, культурном слое мощностью в 20—15 см и притом главным образом в нижней его части, граничащей с песком дюны. Там же прослеживаются и углистые прослойки. Создается впечатление о заселении дюны вскоре после ее остановки, но заселении сравнительно кратковременном и достаточно древнем для того, чтобы после оставления стоянки ее первыми насельниками и до наших дней успел отложиться значительный слой стерильного гумуса. Наблюдения, сделанные при раскопках, не дали никаких указаний на существование каких-либо углублений, хозяйственных или жилых. В расположении вещей также не было заметно какой-либо группировки на отдельных участках. Несколько бóльшая частота находок намечалась лишь в центральной части обследованной площадки. Особенно внимательно прослеживалась стратиграфия находок. Она дала полную уверенность в их синхронности. Все вещи найдены в одном слое, почти на границе песка дюны. Комбинации находок друг с другом были весьма однородны и также не дают оснований для каких-либо подразделений.

Среди обломков керамики на Лугавской стоянке преобладали неорнаментированные, довольно грубой работы, повидимому от баночных и бо-

чонковидных горшков. Из поддающихся более точному определению следует отметить: 1) фрагмент баночного сосуда, украшенного накладным валиком с нарезками (рис. 33, 1); близкие этому обломки найдены мной вместе с масками в 1929 г. в таштыкском каменном кольце около с. Сыды¹ и в таком же кольце в 1928 г. около с. Кривинского,² а также С. А. Теплоуховым близ Батеней;³ 2) часть баночного сосуда, украшенного на 3 см ниже края горизонтальным рядом выпуклостей и треугольниками из

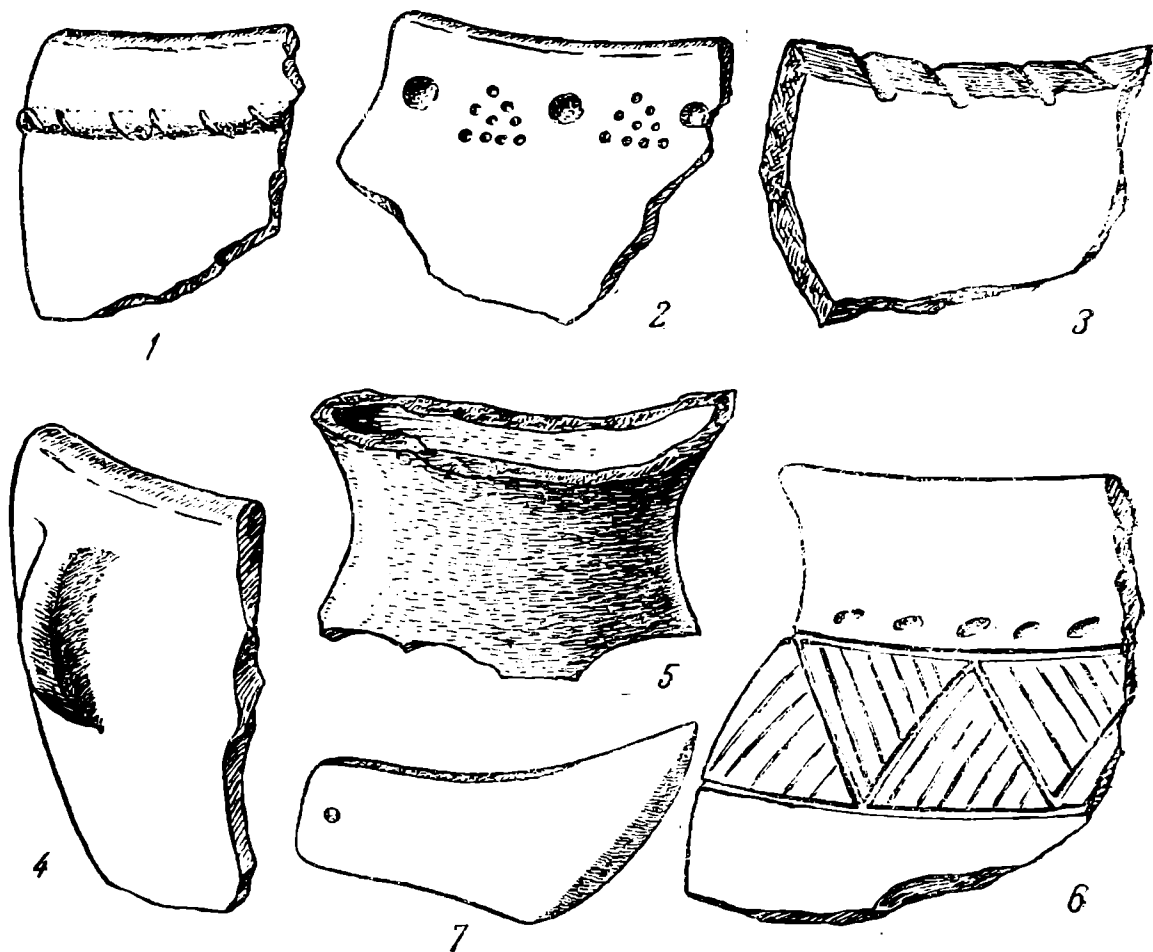

Рис. 33. Лугавская стоянка. Находки (1/2 н. в.)

мелких округлых вдавлений (рис. 33, 2), также ближе всего к сосуду, найденному в каменном кольце близ Батеней;⁴ 3) обломок верхней части баночного сосуда с нарезками вдоль венчика с внутренней стороны (рис. 33, 3); это характерная особенность посуды каменных колец с масками; 4) обломок бочонковидного сосуда с налетом, перпендикулярным венчику (рис. 33, 4); обычно таких налетов, часто имеющих сквозные отверстия, бывает два, друг против друга, иногда четыре; эта форма осо-

¹ Хранится в Музее им. Мартьянова в Минусинске. Описание экспедиции 1929 г., № 435.

² С. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., Минусинск, 1929, табл. V, рис. 56.

³ С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, табл. II, рис. 13.

⁴ С. Теплоухов. Там же.

бенно характерна для керамики колец с масками. Были найдены в них Адриановым и мною.⁵

Кроме того, на Лугавской стоянке найдены обломки двух кубковидных сосудов: один — обломок от конического поддона, другой представляет собой дно с обломанными стенками от тулова сосуда и поддона (рис. 33, 5). Подобные кубковидные сосуды встречаются и в каменных кольцах, и в таштыкских могилах.⁶ В последних они отличаются лучшей техникой, коричневатой глиной, заглаженными поверхностями. Если судить по этим признакам, то оба фрагмента со стоянки надо скорее сближать с могильными.

Наконец, последний орнаментированный обломок особенно интересен. Он принадлежит округлому сосуду прекрасной работы. Шейка его прямая, несколько развернутая. По ее основанию идет горизонтальный ряд овальных вдавлений, под ним резная борозда, а ниже поле из заштрихованных треугольников (рис. 33, 6). Все это является полной аналогией шаровидным сосудам из таштыкских могил, в частности из могил, раскопанных мною около с. Быстрой в 1929 г.⁷

То же сосуществование таштыкских форм и форм, характерных для каменных колец, наблюдается и в отношении костяных изделий. Менее выразительны наконечники стрел, находящие аналогию в стрелах из Айдашинской пещеры Ачинского округа и в Бирюсинской пещере, раскопанной Еленевым.⁸ Близкие к ним найдены также и в кольце с маской близ с. Усть-Сыда.⁹ Интересны найденные на стоянке заготовки, дающие представление о приемах вырезывания костяных наконечников стрел.

Такие же заготовки показывают процесс изготовления костяных резачков. Пластинчатые костяные резачки (рис. 33, 7) найдены в значительном количестве пока исключительно в каменных кольцах.¹⁰

Найденная на Лугавской стоянке костяная булавка имеет ближайшие аналогии в таштыкских находках,¹¹ в частности в булавках, которыми проткнуты оглахтинские туяски, обтянутые шелковой китайской материей времени около начала нашей эры.¹²

Подводя итоги рассмотрению находок на стоянке на Лугавской улице, прежде всего нужно отметить две группы памятников. Одни из них характерны для грунтовых таштыкских могил, другие же не менее обычны для погребений с масками в каменных кольцах. Однако должно принять во внимание одноярусность древнего культурного слоя стоянки, весь инвентарь которой расположен в самом нижнем, весьма тонком прослое. Это неизбежно заставляет признать одновременное бытование вещей, обычно находимых в таштыкских грунтовых могилах, и вещей, характерных для таштыкских склепов с масками. Как бы учитывая всю важность этого вывода, один случай при шурфовке особенно наглядно подтвердил такое

⁵ С. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., Минусинск, 1929, табл. V, рис. 67.

⁶ Там же, рис. 52, 53; Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 38.

⁷ Хранится в Музее им. Мартьянова в Минусинске. Описание экспедиции 1929 г., № 386, 387, 391.

⁸ Хранятся в Гос. Историческом музее в Москве.

⁹ Хранятся в Музее им. Мартьянова в Минусинске. Описание экспедиции 1929 г., № 402 и 403.

¹⁰ С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, т. II, рис. 15.

¹¹ Там же, табл. II, рис. 6.

¹² Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 38; A. Tallgren, The south siberian cemetery of Oglakty from the Han period ESA, XI, p. 82, 84.

сосуществование. Заготовка костяного резака была найдена мною в непосредственном соприкосновении с обломком сосуда, типичного для керамики таштыкских грунтовых могил.

Таким образом, небольшой, но весьма выразительный стратиграфический материал, полученный при изучении стоянки на Лугавской улице, не позволяет отделять таштыкские грунтовые могилы от «погребений с бюстовыми масками». Наоборот, здесь обнаруживаются первые основания в пользу одновременного существования в таштыкскую эпоху на Среднем Енисее двух видов погребений.

Изучение этих памятников не только подтверждает такой вывод, но и показывает его большое значение для выяснения истории динлинских племен в Минусинской котловине.

В. П. ЛЕВАШЕВА

ВАРИАНТЫ ТАШТЫКСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В МИНУСИНСКОМ РАЙОНЕ И В ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

В 1938 г. нами производились раскопки курганов тагарской культуры в г. Абакане для Хакасского областного музея. В одном из курганов,¹ в северо-западной его части, внутри оградки из каменных плит была обнаружена впускная могила прямоугольной формы, вытянутая с СВВ на ЮЗЗ, длиной 2.3 м, шириной 1.3 м, глубиной 0.3 м. Ю.-в.-в. часть ее врезается в тагарскую могилу V, не доходя до ее дна. Стенки впускной могилы были выложены срубом в один венец, сверху сруб был покрыт накатом из поперечных плах или бревен.

На дне, вдоль с.-с.-з. стенки лежал костяк женщины вытянуто на спине, головою на ЮЗЗ, череп был несколько приподнят и на лицо надета гипсовая маска, выкрашенная красной краской. Около локтевых костей левой руки с внутренней стороны найден астрагал барана. В ногах между стопой и с.-с.-в. стенкой могилы лежали лопатки и ребра барана, между правой стопой и стенкой стоял разбитый глиняный сосуд в форме вазочки на поддоне, а около него два сильно окислившихся железных предмета со следами древесины на черешках — может быть, это нож и шило или наконечники стрел.

Около середины ю.-ю.-в. стенки, против правого локтя скелета найдено второе погребение — трупосожжение с обломками необожженной гипсовой маски, окрашенной снаружи красной краской. В юго-западном углу лежали кости барана: лопатка, ребра и трубчатые.

В том же 1938 г. был исследован Большой таштыкский курган близ с. Быстрая, Минусинского района на правом берегу р. Енисей.

В расстоянии около 2—2.5 км к ССВ от села, на высоком увале, называемом Вшивая горка, отделенном большим логом от горы Седловины (на которой высечены скальные рисунки), по северо-западному склону этого увала расположена группа каменных курганов. Двадцать семь малых курганов относятся к культуре Чаатас, а один большой, выделявшийся среди остальных своими размерами и формой, оказался таштыкским.

Этот большой курган имел вид овальной каменной насыпи, вытянутой с ССВ на ЮЮЗ. Длина его 18 м, ширина — 16 м, высота — 0.9 м в северной части и 1.6 м в южной. С юго-западной стороны насыпь была разобрана и в ней выступала стена каменной кладки, проходившей под насыпью.

¹ Курган этот имел насыпь (частично разрушенную земляными работами) диаметром 25 м с севера на юг и 22.5 м с востока на запад, высотой 0.9 м, с прямоугольной оградкой, вытянутой в том же направлении, размером 10.5 × 10 м. Под курганом были обнаружены пять могильных ям и несколько вводных погребений.

От середины восточной полы этого кургана в направлении к юго-западу шла «дорожка», выложенная из горизонтально лежавших каменных плит в один ряд, теряющаяся среди малых курганов, прослеженная в виде волнообразной линии на протяжении около 30 м. Сверху на кургане (внутри намечавшейся стены) было три ямы неправильной формы — следы грабительских шурфов (рис. 34а).

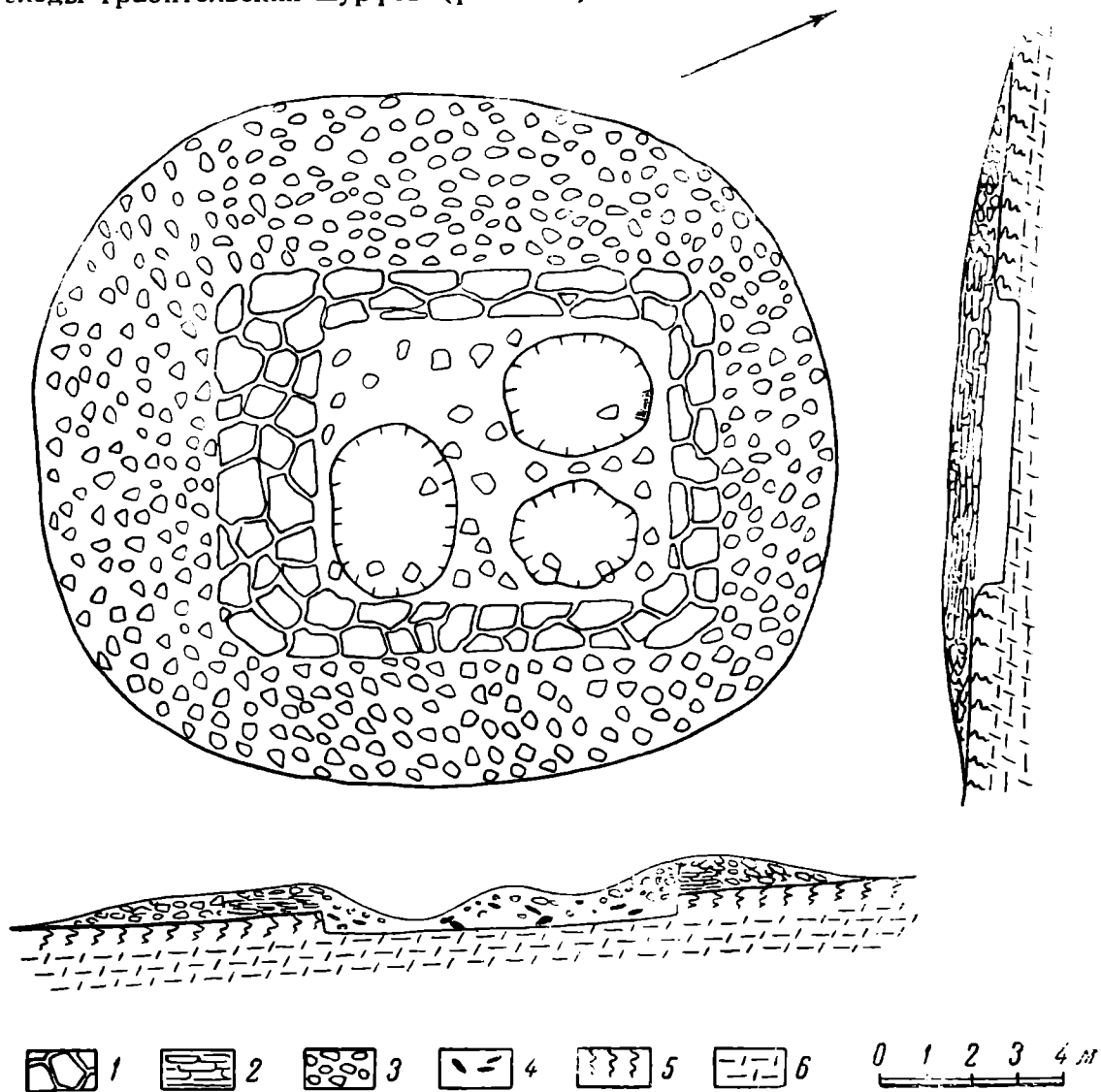

Рис. 34а. Большой таштыкский курган у с. Быстрая

1 — каменная кладка сверху; 2 — то же сбоку; 3 — насыпь из камня; 4 — обломки бревен (наката); 5 — материковая глина; 6 — девонский песчаник

Как выяснилось в результате раскопок, каменная стена под насыпью представляла собой замкнутый прямоугольник с закругленными углами. Длина этого прямоугольника 11,6 м, ширина 9 м. Стена была сложена из горизонтальных плит песчаника, выложенных на сырой красной глине. Кладка плотная, в нижних рядах встречаются крупные плиты размером около 1 кв. м, в верхних — плиты более мелкие. С внешней стороны плиты кладки аккуратно подогнаны, подтесаны и на углах закруглены. Высота этой стены — 0,8 м, толщина ю.-ю.-з. стенки 2,4 м, а трех остальных 1,2 м.

С внешней стороны с.-с.-в. стенки, в средней ее части, среди камней насыпи найдены разрозненные человеческие кости (правая рука, бедро, пяточная кость) и обломок челюсти коня. Под каменную кладку до $\frac{1}{4}$ —

$\frac{1}{3}$ ширины стенок заходили бревна покрытия могильной ямы, вырытой в материке и соответствующей площади прямоугольника внутри кладки, т. е. 8×6.6 м, глубиною 1.1 м. Отвесные стенки могилы были обставлены частоколом из бревешек диаметром 0.15—0.2 м и обтянуты внутри берестяной полосой. Сверху яма была накрыта двойным накатом из толстых бревен — нижний ряд был положен поперек могилы с СЗЗ на ЮВВ, а верхний продольный с ССВ на ЮЮЗ. В северо-западной части яма

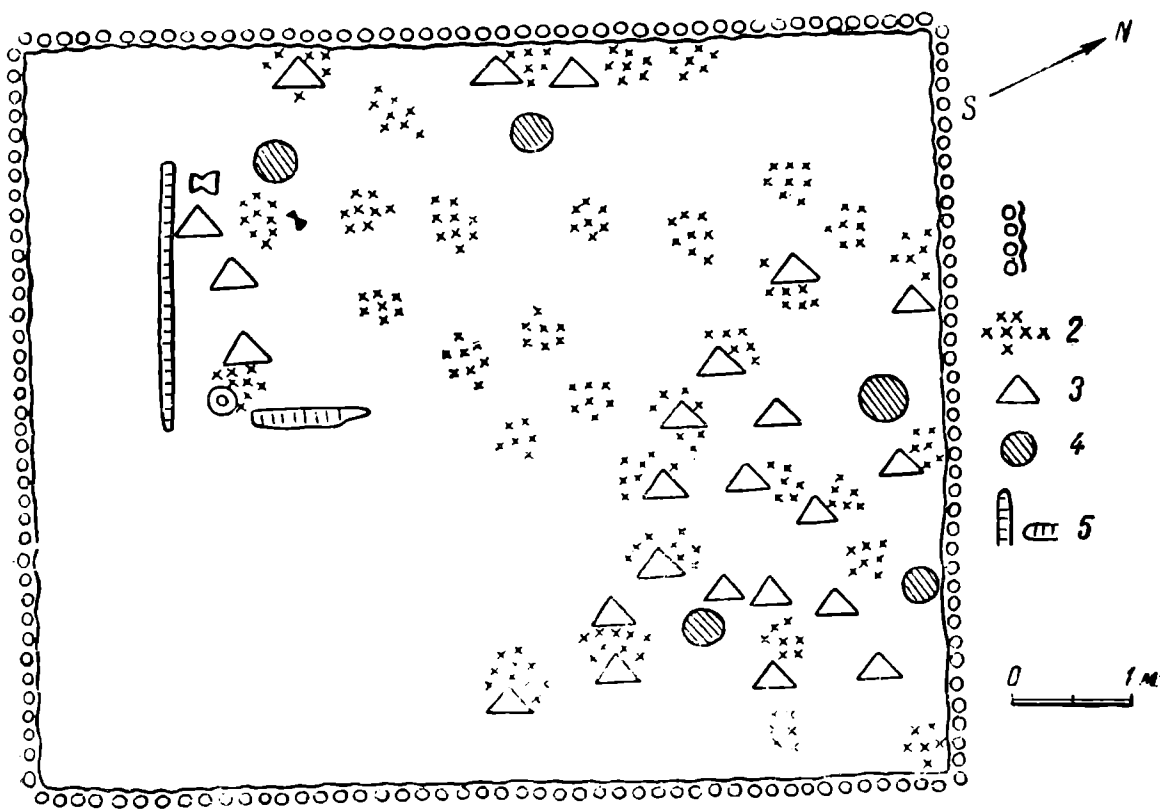

Рис. 346. План погребения в Большом таштыкском кургане

1 — частокол, обтянутый берестой; 2 — трупосожжения; 3 — обломки масок; 4 — остатки столбов; 5 — каменные плиты

была углублена до уровня скалы (основной породы песчаника) и каменный пол был выложен таким же слоем бересты, как и стены. В юго-восточной части, где слой песчаника благодаря склону холма приходится глубже, дно могилы было вырыто в красной глине. В этом месте находился самый большой и глубокий грабительский шурф, доходивший до дна могилы. В юго-западной части могилы, параллельно ю.-ю.-з. стенке, на расстоянии 1.2 м от нее, обнаружена стенка из вертикально врытых плит на протяжении 2.3 м. В этой части пол приходился на 0.4 м выше остального, и здесь берестяного слоя на дне не было (рис. 346)

Покрытие могилы поддерживалось несколькими вертикальными столбами, остатки которых прослежены: в с.-с.-в. части три столба и в южной — два столба. Бревна стен и наката местами сильно обуглены, следы обжига прослежены даже на земле: по стенкам ямы, и особенно в ее углах.

В могиле найдено тридцать четыре трупосожжения в виде кучек железных костей, сопровождавшихся гипсовыми лицевыми масками. Но из найденных здесь остатков 22 масок нет ни одной целой. Наиболее сохранившаяся часть маски найдена в северо-восточном участке могилы. Она представляет собою левую половину лица с носом, подбородком и значи-

тельной частью лба (рис. 35). Из вещей в могиле найдены лишь обломки нескольких глиняных сосудов, плоскодонных и в форме вазочки на поддоне, миниатюрный сосуд такой же формы с поддоном (рис. 36, 1), массивное бронзовое кольцо (рис. 36, 2) и амулет из бронзовой пластины, изображающий двуглавого конька с подогнутыми ногами (рис. 36, 3). Встретились остатки обуглившейся шерстяной ткани, сшитой вдвойне с закругленным краем. Попадались также остатки сгоревшей травы, часто встречающиеся в могилах подобного типа около масок и служившие, по видимому, набивкой каких-то матерчатых предметов. Из костей животных найдены астрагалы, лопатки и ребра барана и бабки лошади.

Рис. 35. Маска из кургана у с. Быстрая

Большинство остатков трупожжения и масок обнаружено в северной половине могилы, где они лежали в несколько горизонтов, а обломки посуды и перечисленные выше предметы — в юго-западной части. В юго-восточной же части могила до самого дна прорыта грабительским шурфом, находок не было. Судя по ее размерам и устройству, эта могила должна бы относиться к числу «богатых», но основательное разграбление ее оставило нам лишь самые жалкие остатки содержимого.

Совсем другого типа погребения таштыкской культуры встретились нам в раскопках 1939 г. тоже в Минусинском районе, близ с. Лугавского, на правом берегу Енисея.

К юго-востоку от этого села и к северо-востоку от с. Каменки, в расстоянии около 1,5 км на высоком увале Думной горы, где стоит триангуляционный знак, расположена группа в 25—30 курганов тагарской культуры. Среди них имеется несколько колец-курганов таштыкской культуры. Тагарские курганы имеют вид расплывчатых земляных насыпей со слабо выраженными прямоугольными оградками из каменных плит, сильно задернованных. Некоторые насыпи оказываются выложенными мелким камнем и имеют воронкообразные углубления на вершине. Как показали раскопки, такого вида памятники являются тагарско-таштыкскими, т. е. в тагарском кургане была устроена более поздняя таштыкская могила и, согласно обычаю таштыкского времени, над ней выложили кольцо из мелких камней. Таких курганов нами было вскрыто два.

В западной части группы раскопан тагарско-таштыкский курган № 1, представлявший собою овальную насыпь из камней с углублением на вершине. Диаметр его — 13—14 м, высота — 0,4 м, диаметр углубления — 4—5 м. Раскопками выяснены очертания каменной кольцеобразной насыпи-каймы (шириной 4 м, диаметром 13—14 м), покрывавшей собою древнюю прямоугольную ограду тагарского кургана из вертикально врытых камней (рис. 37). В насыпи, вне оградки, на горизонте найдено погребение человека, лежавшего скорченно на правом боку, головою на север. Верхняя часть корпуса лежала в полоборота, левая рука, согнутая в

локте, заложена за спину, правая плечевая кость прижата сбоку к ребрам, а предплечье лежало отдельно на тазу. Вещей при погребении не найдено. Неструнутость костей заставляет предположить, что погребение не было ограблено и что левая рука была отрезана по локоть и положена отдельно. Положение плечевых костей и ключиц говорит о том, что руки были заложены за спину и связаны.

Тагарская оградка прямоугольной формы была вытянута с ССВ на ЮЮЗ. Длина ее 8 м, ширина 7 м. В углах плиты коротких сторон выступали шире длинных на 0.5 м. Внутри этой оградки с горизонта открылась таштыкская могильная яма, ориентированная сторонами по странам

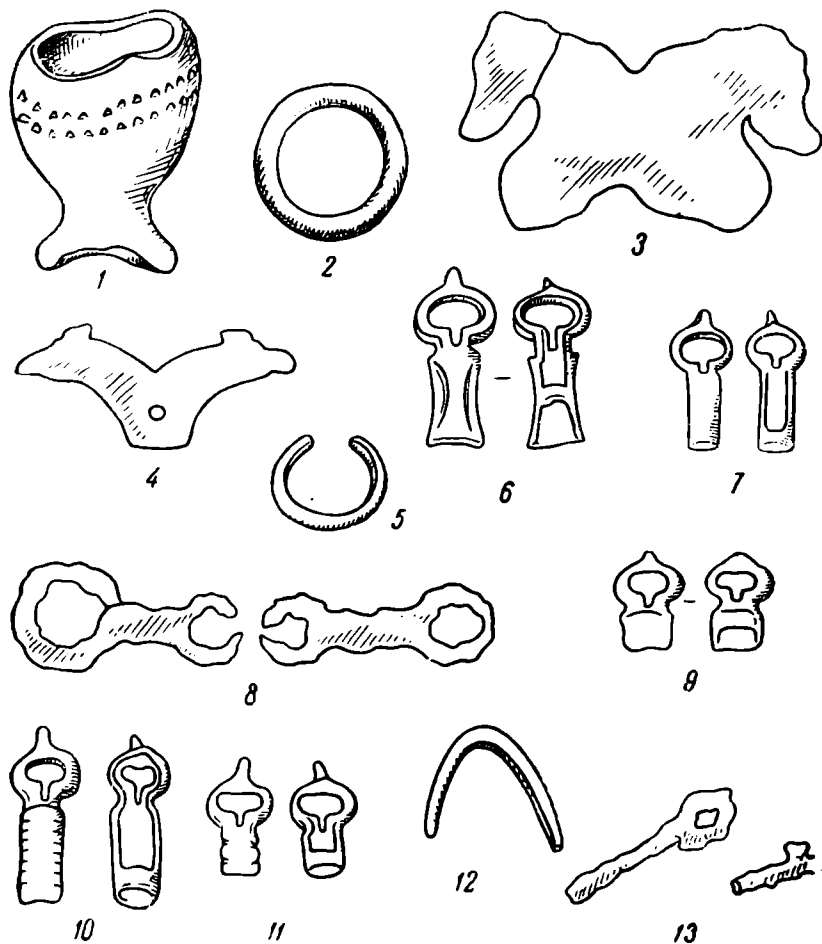

Рис. 36. Вещи из курганов

1—3— из Большого кургана у с. Быстрая; 4—8— тагарско-таштыкского кургана № 1; 9—13— тагарско-таштыкского кургана № 2; 1— керамика, 2—7, 9—12— бронза, 8, 13— железо

света, причем центр ее не совпадает с центром оградки. Таштыкская могила прямоугольной формы была вытянута с севера на юг, длина ее 5 м, ширина 4.7 м, глубина 0.8 м. Стенки ямы были выложены срубом в два венца из толстых лиственничных бревен. Сверху сруб был покрыт поперечным накатом со слоем бересты. Накат провалился в глубь могилы, дно которой было земляное. В засыпи ямы и на дне ее в разных местах обнаружено не меньше двадцати кучек жженных костей от трупосожжений, совершенных вне могилы. При них найдены двадцать глиняных сосудов (несколько целых, остальные в обломках) различной формы, среди них баночные, бочонковидные и широкие кувшины с прямым стоячим горлом (рис. 38, 1, 2, 4, 5), кости животных, преимущественно барана; немно-

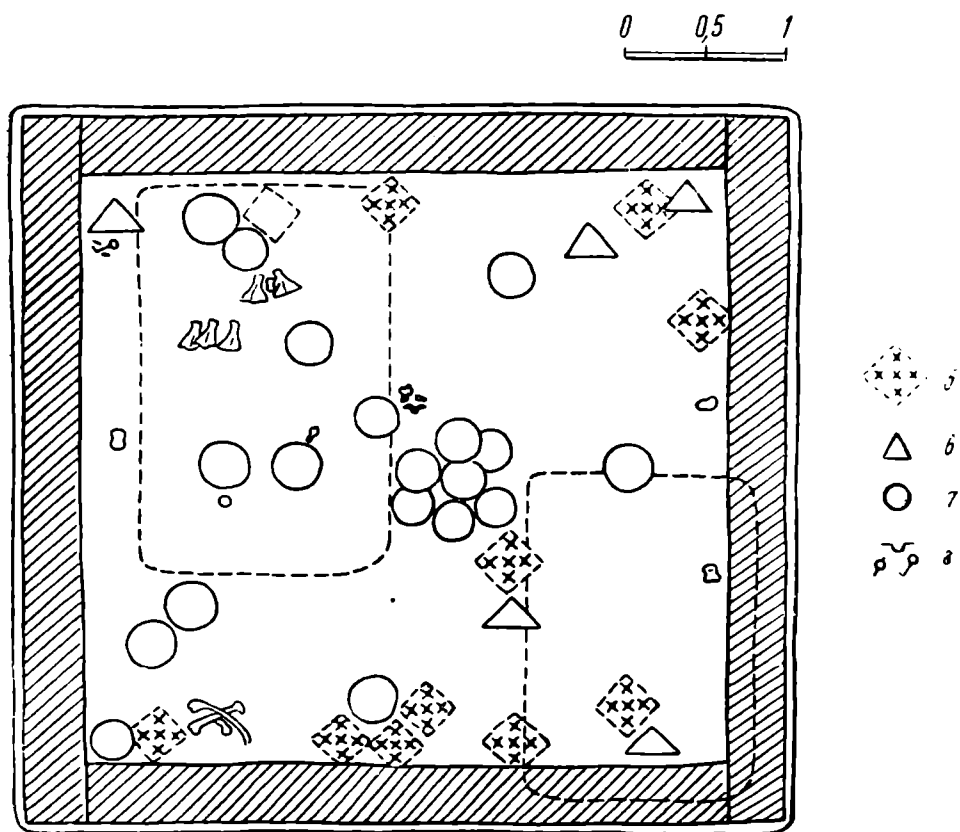
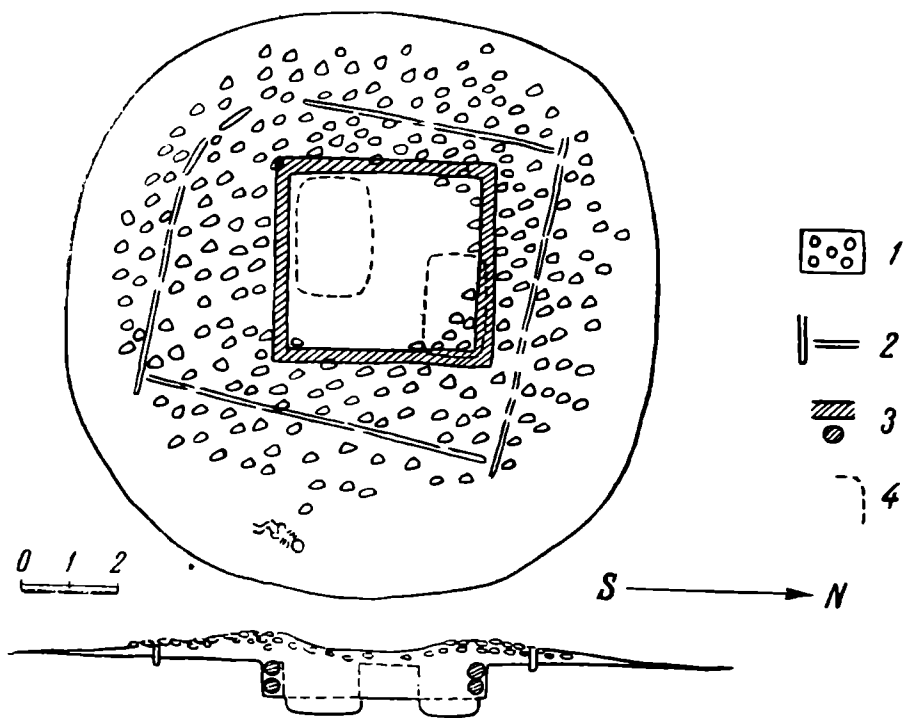

Рис. 37а. Тагарско-таштыкский курган № 1 (с. Луговское, раскопки 1939).

1—насыпь из галечника; 2—каменные плиты; 3—бревна сруба; 4—границы тагарских могил; 5—группосожжения; 6—гипсовые маски; 7—глиняные сосуды; 8—бронзовые и железные предметы

го коровьих и несколько конских бабок. Рядом с кучками жженных костей найдены обломки шести лицевых масок из необожженного гипса, окрашенных разводами красной и голубой краской. Сохранность их очень плохая. Ни одной маски не удалось извлечь, хотя бы в крупных обломках. Кроме

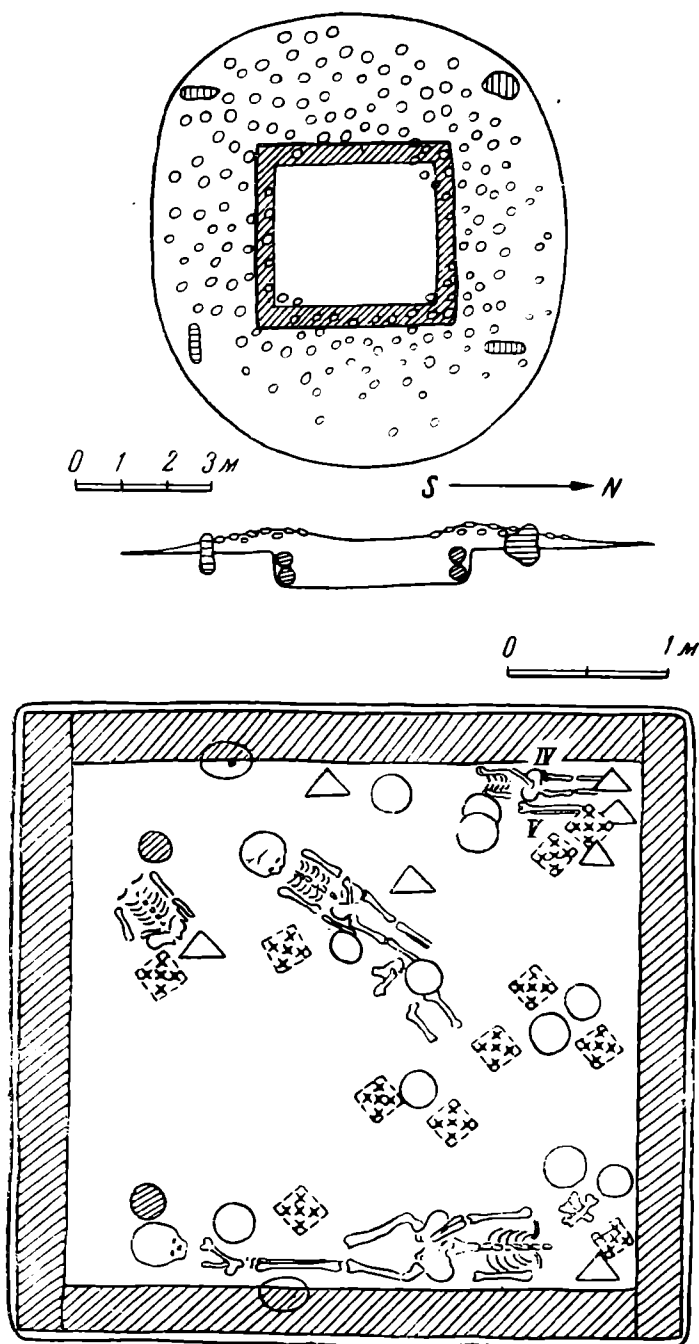

Рис. 376. Тагарско-таштыкский курган № 2.

Условные обозначения см. на рис. 37а

того, в могиле найден один амулет в виде двух конских головок, обращенных в разные стороны, сделанный из медной пластины; две бронзовые пряжки с клювиком и продолговатой обоймой, медное массивное несомкнутое кольцо и обломки железных миниатюрных удиц (рис. 36, 4, 5, 6, 7, 8).

При зачистке дна могильной ямы выступили пятна двух прямоугольных тагарских могил, вытянутых с запада на восток, из которых первая

(длиною 2.7 м, шириною 1.7 м, глубиною от дна таштыкской могилы 0.3 м) помещалась в юго-западной части сруба, а вторая (длиною 2.15 м, шириною 1.5 м, глубиною 0.2 м от дна таштыкской могилы) находилась в северо-восточном углу, заходя под бревна сруба. В обеих найдены остатки тагарских погребений с глиняными сосудами, а в могиле I и с бронзовыми вещами.

Курган впервые был насыпан для этих двух тагарских могил, вырытых внутри прямоугольной оградки из камней. Спустя несколько веков, уже в таштыкское время, он был опять использован для погребения. В яме таштыкской могилы, выложенной срубом, совершались неоднократ-

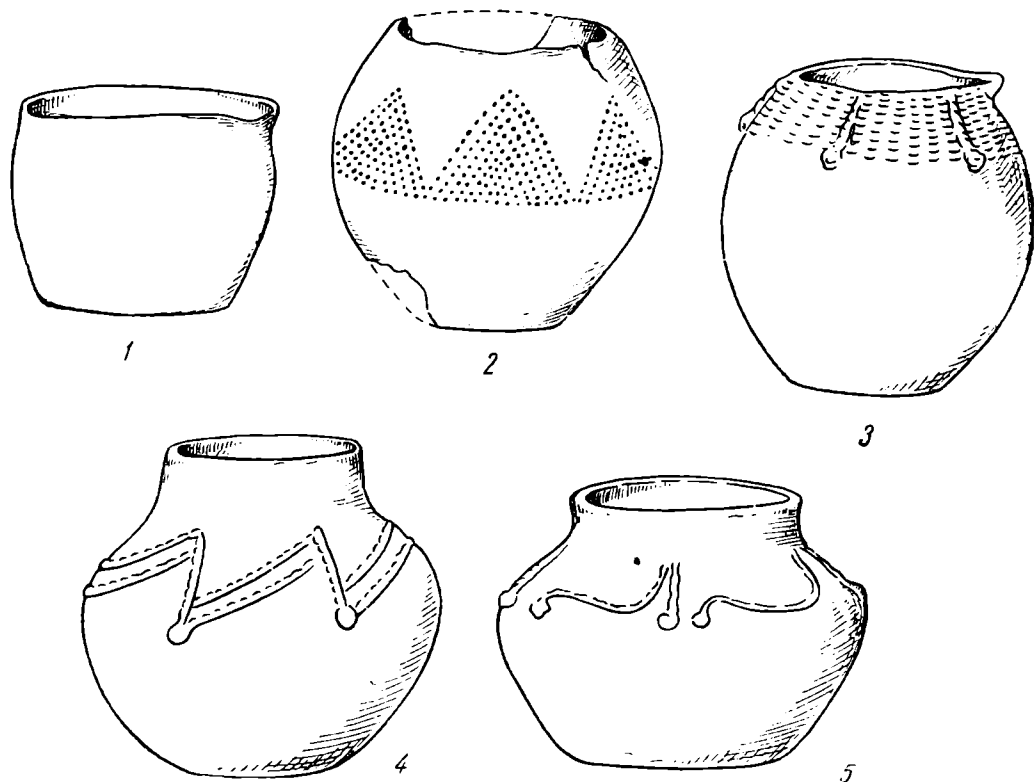

Рис. 38. Глиняные сосуды из могил таштыкской культуры близ с. Лугавского. Раскопки 1939 г.

ные захоронения сожженных останков. Над этой могилой, согласно обряду, существовавшему в таштыкское время, было выложено кольцо небрежной каменной кладки. Провалившийся с течением времени накат таштыкской могилы дал осадку насыпи кургана. От этого сверху образовалось воронкообразное углубление. Таким образом, внешний вид тагарского кургана был совершенно изменен.

Раскопанный тут же поблизости тагарско-таштыкский курган № 2 дал почти аналогичную картину (рис. 37а). Здесь на плоской насыпи, диаметром 11.5 м, с воронкообразным углублением в центре, были с поверхности заметны четыре крупных угловых камня тагарской оградки, вытянутой с севера на юг, имевшей длину 7.5 м, ширину 5 м. С горизонта внутри оградки, ближе к восточной части насыпи, обнаружена прямоугольная таштыкская могила (точно такого же устройства, как в кургане № 1), вытянутая с севера на юг, длиною 4.4 м, шириною 4 м, глубиною — 0.8 м. В ней были найдены пять труположений (неполных костяков), лежавших вытянуто на спине в разных направлениях, одиннадцать кучек жженных костей от трупосожжений, кости животных, обломки семи масок и десяти горшков, один целый бочонковидный сосуд

(рис. 38, 3), три бронзовые пряжки, бронзовый прут и обломки железных миниатюрных удил (рис. 36, 9, 10, 11, 12, 13). В южной части могилы прослежены остатки двух вертикальных столбиков, расположенных симметрично на расстоянии 0.7 м от южной стенки и по 0.5 м от боковых (рис. 37а).

Труположение I. Неполный костяк ребенка без головы и ног лежал около юго-западного столбика на спине, плечами к юго-западу. Труположение II. Костяк ребенка, почти полный, без ступней, лежал вытянуто на спине в том же направлении в середине западной половины могилы. Вдоль восточной стенки сруба лежал вытянуто на спине ногами к югу костяк взрослого человека (труположение III). У этого скелета не хватало правой голени со ступней, левого предплечья и кистей рук, а череп лежал отдельно, южнее ступней, лицом к северу. Между черепом и левой ступней находились еще кости барана и разбитый горшок. Труположение IV — детский костяк без черепа, лежавший на спине, ногами к северу, найден в северо-западном углу могилы. Под этим костяком IV ниже дна могилы найдены в нетронутom положении берцовые кости и ступни взрослого скелета, лежавшие ступнями к северу (труположение V). Кроме того, под западной и восточной стенкой сруба, в южных концах их, найдено по одному человеческому черепу, а в центральной части могилы лежали детские бедренные кости (возможно от I костяка). Труположения и маски находились по всей площади могилы, но больше их было в северной половине, у стенок сруба. Нижнего горизонта с тагарскими могилами в этом кургане не обнаружено, очевидно тагарские могилы были менее глубоки, чем в кургане № 1, и оказались целиком перекопанными при сооружении таштыкского сруба. I — IV труположения, найденные в могиле, должны быть отнесены к таштыкскому времени, так как на одном с ними горизонте находились горшки и часть трупосожжений, а у колен костяков II и III найдены бронзовые пряжки таштыкского типа. Кости труположения V, найденные ниже уровня дна могильной ямы, вероятно являются остатками тагарского погребения; возможно, что к нему относятся и лежавшие рядом обломки горшка, так как тип такой керамики может быть и тагарским.

Таштыкское кольцо № 1 находилось на пашне в расстоянии около 30 м к СВВ от второго кургана. С поверхности имело вид вала-кольца с чашеобразным углублением в середине, заросшим яркозеленой травой. Диаметр вала-кольца 10—11 м, высота его — 0.35 м, диаметр углубления — 4.5 м, глубина его от поверхности насыпи — 0.5 м. По снятии насыпи до горизонта, в центре окружности обнаружен квадратный накат площадью 3.7×3.7 м из девяти толстых лиственничных бревен, положенных в направлении с севера на юг. Под ним открылась могильная яма размером 3.6×3.6 м, глубиною 0.8 м, стенки которой были выложены срубом в два венца из толстых бревен диаметром 0.4 м. На земляном дне могилы были найдены: в юго-западной части белая лицевая маска целая, но потрескавшаяся, и при ней кучка жженных костей, а несколько севернее обломок второй маски. В северо-западной части лежала беспорядочная куча человеческих костей. Около середины западной стенки найдена третья маска, тоже белая, необожженная, целая, но сильно деформированная. В центральной части могилы найдены обломки двух горшков и беспорядочно разбросанные человеческие кости. В юго-восточной части могилы обнаружены еще два трупосожжения и кости барана (лопатка и трубчатые). Около середины восточной стенки лежали кости коровы и черепки третьего горшка. Судя по наличию костей, в этой могиле, кроме трех трупосожжений, было захоронено еще и три труположения.

Все исследованные могилы представляют несколько вариантов таштыкских погребений. Все они совершались в деревянных склепах, но конструкция и размеры их различны. В Абакане это был небольшой прямоугольный сруб в один венец под накатом из поперечных плах, впущенный в насыпь более древнего кургана. В Лугавском мы имеем более крупные квадратные срубы, также покрытые бревенчатым накатом и поверх наката окруженные еще кольцом из мелкого камня. В Быстрианском же кургане большая могильная яма была обставлена по стенкам частоколом, обтянутым внутри берестой. По краям обычного бревенчатого наката была возведена стена каменной кладки, засыпанная сверху курганом из камней.

Как видно из описания раскопок, некоторые погребения этих могил совершались по способу труположения, некоторые по способу трупосожжения, но общим для всех исследованных нами могил является наличие гипсовых погребальных масок. Обычай класть в могилу гипсовые маски, снятые с лиц умерших, появился еще в конце предшествовавшей тагарской культуры, в таштыкское же время он достиг наибольшего распространения, но существовал только на Среднем Енисее. Большинство таштыкских погребальных масок дает смешанный европеоидно-монголоидный тип; на наших масках из Быстрой и Лугавского видны явные черты монголоидности.

За исключением вводного погребения в кургане тагарского времени в г. Абакане все могилы оказались ограбленными, но и после ограбления в них все же сохранились некоторые предметы погребального инвентаря. Из бронзовых поделок в лугавских курганах найдены мелкие пряжки с продолговатыми обоймами для прикрепления к ремню и клювовидным неподвижным отростком в передней части, несомкнутое четырехгранное кольцо и четырехгранный прут, согнутый дугою, а в Быстрианском кургане — массивное круглое кольцо — принадлежность упряжи или пояса. Клювовидная форма пряжек характерна для таштыкской культуры, и почти в каждой могиле встречаются пряжки этого типа.² Такими же обычными находками в таштыкских погребениях являются бронзовые пластинчатые амулеты в виде пары конских головок, повернутых в разные стороны (рис. 36, 4); у нас они найдены и в Быстрой и в Лугавском, но особенного интереса заслуживает амулет из Быстрианского кургана (рис. 36, 3). Мотив парных конских головок, повернутых в противоположную сторону, встречается еще в древностях тагарской культуры. Там он фигурирует на концах бронзовых накладок в виде прута, дугообразно изогнутого в средней части. Затем появляются, тоже вытянутой формы, но уже плоские пластинчатые накладки с конскими головками на концах — переходный этап к обычным таштыкским амулетам типа наших лугавских. Амулет же из Быстрой является самым поздним вариантом этого цикла, и он совершенно аналогичен обломку амулета, найденного Саяно-Алтайской экспедицией в каменном кыргызском кургане VII в. близ с. Тесь на Тубе.³

Таким образом, по этим амулетам восстанавливается прямая связь таштыкской культуры как с предшествовавшей тагарской, так и с последующей культурой чаатас, носителями которой были уже исторически известные енисейские кыргызы, они же древние хакасы китайских летописей.

² А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок. Минусинск, 1924; С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2; С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край. Ежегодник Минусинского музея, т. VI, вып. 2; Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг. ОГИЗ, 1941 — Отчеты С. В. Киселева и В. П. Левашевой.

³ Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее. Труды ГИМ, вып. VIII.

Из железных предметов в абаканском погребении встретились два плохо сохранившихся черешковых орудия с остатками древесины от рукояток, или древков (если это были стрелы), а в Лугавском тагарско-таштыкском кургане № 2 среди мелких обломков железных предметов есть части миниатюрных удил с петлями в виде круглых колец (рис. 36, 8, 13).

Глиняные сосуды были найдены во всех могилах. В Абакане был найден сосуд типа «скифских котлов» на низком поддоне, стоявший в ногах покойника. Обломки такого же типа сосудов встретились в большом кургане близ с. Быстрая. Там был найден и миниатюрный сосудик такого же типа (рис. 36, 1). Эта форма посуды появляется еще в тагарское время и широко распространяется в таштыкское. Встречены также и обломки плоскодонных сосудов баночной формы (Быстрая и Лугавское), тоже близких к керамике предшествовавшей тагарской культуры, но с более разнообразной орнаментацией, а в лугавских курганах 23% всей керамики составляют типичные таштыкские приземистые кувшины со стоячей шейкой (рис. 38, 4, 5), украшенные большей частью лепным орнаментом в виде выпуклой веревочки, иногда в комбинации с чеканным. Кроме того, встречается бочонкообразная форма сосудов, не характерная для тагарского времени, а в Лугавском кургане № 2 найден бочонкообразный сосуд с носиком у края (рис. 38, 3). Орнаментация таштыкских сосудов так же разнообразна, как и их форма. Кроме лепного чаще всего употреблялся чеканный орнамент в виде вдавлений различной формы — круглоямочных, полулунных, мазковых, треугольных и пр., располагавшихся различным рисунком: горизонтальными, косыми и вертикальными полосами, зигзагом, арками, треугольными лопастями. Лепные веревочки чаще всего располагались в виде вертикальных полос, спускающихся от основания шейки или от края сосуда на плечики, но бывают и горизонтальными полосами или фестонами. В тагарско-таштыкском кургане № 1 близ с. Лугавского встретились обломки бочонковидного сосуда с оригинальной орнаментацией в виде широкого пояса из семи горизонтальных выпуклых веревочек с отходящими от него вниз закругленными линиями той же лепной веревочки.

Из костей животных больше всего встречалось бараньих костей, особенно лопаток и астрагалов. Последние, очевидно, попадали в могилу (может быть, за редкими исключениями) не с кусками мяса «загробной пищи», а как самостоятельные предметы: игральные кости.⁴

В могилах предшествовавших культур второе место после костей барана занимали коровьи (а для некоторых групп и первое), конские же кости встречались лишь изредка в курганах тагарской культуры, и то не в могилах, а в насыпях. В таштыкских погребениях конские кости встречаются гораздо чаще, причем «бабки» их, так же как и бараньи астрагалы, служили для игры — в Быстрианском кургане найдено значительное количество конских бабок, лежавших под стенами сруба отдельно от других костей.

Из других остатков выше уже отмечались находки в Быстрианском кургане обуглившейся ткани и травы, служившей для набивки чего-то — возможно кукол, сшитых из материи или кожи, как в Оглахтинском могильнике.⁵

⁴ В наших раскопках на Уйбатском чаатасе в большой таштыкской могиле была найдена целая кучка астрагалов. То же наблюдалось неоднократно и в раскопках Саяно-Алтайской экспедиции под руководством С. В. Киселева.

⁵ А. В. А д р и а н о в. Оглахтинский могильник. Томск, 1903; С. А. Т е п л о у х о в. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2.

Небезынтересно также отметить находки в насыпи Быстрянского кургана каменных плиток, обитых в виде дисков, назначение которых пока не выяснено. Такие же плитки встречались в раскопках Адрианова в 1895 г. в позднетагарском кургане в Уйбатской степи в группе Кара-Курган.⁶

Погребение в Абаканском кургане дает более редкий и, повидимому, более древний, в пределах таштыкского времени, вид погребения по способу трупоположения с лицевой маской. Обычно в таштыкских могилах наряду с трупосожжением взрослых людей, сопровождавшихся масками, встречаются детские погребения без масок. Без масок же иногда бывают и трупоположения взрослых в небольших, бедных таштыкских могилах. Повидимому, обычай снимать лицевые маски являлся некоторой привилегией, которая не распространялась на детей и незнатных членов общества. Возможно, что такими незнатными лицами были погребенные по способу трупоположения без масок взрослые люди в лугавских могилах вместе с обычными трупосожжениями. Интересно погребение вне сруба, обнаруженное в таштыкско-тагарском кургане № 1 близ с. Лугавского, — возможно, что здесь мы имеем дело с насильственным умерщвлением раба, похороненного у могилы хозяина.

Устройство склепа и обряд Быстрянского кургана напоминают богатые таштыкские могилы Уйбатского чаатаса, исследованного в 1936—1938 гг. Саяно-Алтайской экспедицией под руководством С. В. Киселева и Минусинским музеем, но насыпь его имеет другой характер.⁷ Уйбатские могилы отмечены расплывчатыми валами кольцеобразной насыпи из галечника, а Быстрянский курган, насыпанный из крупных обломков плитняка, покрывал каменную прямоугольную кладку над могилой. Внешний вид его необычен и сравнительно редок. Нам известен только один курган подобной же формы (тоже с каменной кладкой под насыпью) в нескольких километрах от исследованного, на р. Чее, около границы полей с. Быстрая и с. Комарково. По внешнему виду эти памятники близки к кыргызским каменным курганам, а не к обычным таштыкским кольцам. В кыргызских курганах VII в. встречен амулет, аналогичный нашему и крепление могилы частоколом с берестой, напоминающее устройство Быстрянского кургана, но маски в кыргызских курганах не встречаются. Все это позволяет считать курган у с. Быстрая позднейшим памятником таштыкской культуры, охватывающей время со II—I вв. до н. э. по IV—V вв. н. э.

⁶ Коллекции Минусинского музея.

⁷ Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах, рис. 2 и 8

III. ИНФОРМАЦИЯ

М. В. ВОЕВОДСКИЙ

(1903—1948)

23 октября 1948 г. после тяжелой непродолжительной болезни скончался Михаил Вацлавович Воеводский. Неожиданная смерть застала его в полном расцвете творческих сил. Имя Михаила Вацлавовича известно всем археологам нашей страны. Круг его интересов, связанных с изучением огромного периода, начиная с древнейших памятников палеолита, кончая славянскими, характеризует М. В. Воеводского как ученого с широким горизонтом. Эта широта отразилась и в разнообразной тематике его работ и в полевой деятельности, развернувшейся на Восточно-европейской равнине и в Средней Азии.

Перу М. В. Воеводского принадлежит более 40 работ, из них 35 опубликованы, остальные частично издаются в настоящее время.

Свою работу в области археологии Михаил Вацлавович начал с 1923 г., будучи сотрудником музея при Институте антропологии Московского государственного университета. Одна из первых его работ, связанная с темой по древней керамике, — «К истории гончарной техники народов СССР» (этнография, XII, 1930), послужила основанием для выработки нового метода ее изучения. Обладая большими знаниями в области смежной с археологией дисциплины — этнографии, М. В. Воеводский установил основные типы гончарства

и проследил корни их в первобытной керамике. В связи с этим Михаилом Вацлавовичем было выяснено самостоятельное возникновение в различных областях СССР различных типов гончарства, а это позволило подойти к рассмотрению первобытной керамики в исторической перспективе.

В 1934 г. М. В. Воеводский был зачислен научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры. Михаил Вацлавович продолжал уделять большое внимание древней керамике. Появляется его работа: «К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР» (Советская археология, т. V). Им разрабатывается методика изучения орнамента керамики на материалах камско-ветлужских городищ (работа осталась неопубликованной).

Все эти работы, как и написанная М. В. Воеводским совместно с О. Н. Бадером — статья «Стоянки балахнинской низины» (ИГАИМК, вып. 106), приобретают особое значение в настоящее время, в связи с вопросом об археологических культурах. При определении границ их распространения большое место отводится древней керамике с разнообразием ее орнаментальных мотивов.

М. В. Воеводским было проведено широкое исследование в Средней Азии археологических памятников, начиная с палеолита, кончая мусульманским средневековьем. Большой интерес представляет также работа, проведенная вместе с М. П. Грязновым в Киргизской ССР, где были получены материалы из усуньских могил, позволившие впервые связать археологические памятники с данными китайских летописей (ВДИ, 1938, № 3). Много положил труда М. В. Воеводский на исследование и славянских памятников, открытых им за последние годы в бассейне р. Десны. Результаты раскопок городищ Десны будут опубликованы Институтом археологии АН УССР.

Основной работой М. В. Воеводского было изучение палеолита на территории СССР. Благодаря прекрасному знанию кремня Михаил Вацлавович дал правильную характеристику и русского мезолита, слабо изученного по недостатку памятников. М. В. Воеводский не только отметил его своеобразие, но и сумел восстановить реальную обстановку жизни в эту эпоху с теми изменениями в хозяйстве, которые произошли в соответствии с изменениями в природе. Тщательный анализ мезолитического кремневого инвентаря привел М. В. Воеводского к выводу о существовании в эпоху мезолита на Восточноевропейской равнине «культурных» областей, оформление которых получило свое завершение в последующие эпохи. Помимо монографии «Палеолит и мезолит СССР», вопросу о русском мезолите Михаил Вацлавович посвятил ряд работ: «К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпилеполита на территории Восточной Европы» (Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V), «Стоянка Елин Бор» (совместно с П. И. Борисковским, в «Советской археологии», т. III), «К вопросу о развитии эпилеполита в Восточной Европе» («Советская археология», т. V), «Стоянка Гремячее» (Материалы и исследования по археологии СССР, № 2) и др.

Ценным вкладом в археологию является работа М. В. Воеводского по периодизации палеолита. Изучив своеобразные особенности русского палеолита, Михаил Вацлавович отказался следовать западноевропейской классификации. Изучение русских материалов привело его к созданию классификации, правильность которой полностью подтвердилась в работах Деснинской экспедиции, руководимой М. В. Воеводским в течение многих лет. Эти работы характеризуют М. В. Воеводского как тонкого полевого исследователя, наблюдающего во время раскопок различ-

ные детали, которые помогают восстановить черты быта в эпоху палеолита, характеризуют как прекрасного организатора, сумевшего обеспечить всестороннее изучение палеолитических памятников путем привлечения представителей различных специальностей. В связи с открытиями Деснинской экспедиции был разрешен спорный вопрос о датировке нижнего палеолита. Как показали находки мустьерского типа, обнаруженные под отложениями рисского оледенения, эпоха мустье синхронизируется с начальными стадиями наступления рисского ледника, а не с временем послерисским, как считали многие западноевропейские археологи. Открытия позднепалеолитических стоянок над мореной рисского ледника, под лёссовидными суглинками, подтвердили этот вывод, причем часть этих стоянок находилась на поверхности морены в основании лёссовидной толщи, а часть — по середине толщи, что позволило датировать позднепалеолитические памятники различными этапами отступления ледника.

Выводы М. В. Воеводского, построенные на археологических материалах, были подтверждены В. И. Громовым стратиграфическими данными. Таким образом, периодизация палеолита получила прочный фундамент.

О значении Деснинской экспедиции говорится в ряде работ М. В. Воеводского, опубликованных в разное время: «Обзор полевых исследований в 1939 г.» (ВДИ, 1940, № 2), «Результаты работ Деснинской экспедиции по изучению палеолита» (Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 1940, № 6—7), «Работы Деснинской экспедиции в 1939 г.» (КС ИИМК, вып. IV), «Находки раннего палеолита на р. Десне» (Краткие сообщения о научных работах Института и Музея антропологии МГУ, 1941), «Деснинская археологическая экспедиция 1940 г.» (КС ИИМК, вып. XIII), «Результаты работ Деснянской экспедиции 1936—1938 гг.» (Сб. «Палеолит и неолит Украины», 1947), «Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г.» (КС ИИМК, вып. XXI) и др. Этот список пополняется работами Михаила Вацлавовича, сданными в печать, среди которых: «Находки раннего палеолита на верхней Десне», «Палеолит средней Десны» и др.

Монография М. В. Воеводского «Палеолит и мезолит СССР» готовится к печати Музеем антропологии МГУ, с которым Михаил Вацлавович не терял связи на протяжении 25 лет своей научной работы.

М. В. Воеводский не только с увлечением работал как археолог, но много времени отдавал и руководству работой молодежи, будучи доцентом Московского государственного университета и заведующим лабораторией ИИМК АН СССР. Михаил Вацлавович всегда делился знаниями и опытом с молодыми товарищами и предоставлял им для изучения материалы из своих полевых исследований, всячески помогая им выйти на самостоятельную научную дорогу.

Советская археология в лице М. В. Воеводского понесла тяжелую утрату, и наш долг, долг его товарищей — продолжить начатую М. В. Воеводским большую и нужную работу.

М. Е. Фосс

Л. А. ДИНЦЕС

(1895—1948)

Советская наука понесла еще одну тяжелую утрату. 31 августа 1948 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался Лев Адольфович Динцес, крупнейший специалист в области истории русского народного искусства и искусства восточных славян.

Л. А. Динцес родился в 1895 г. в Вильно. В 1918 г. он окончил Киевский коммерческий институт, где специализировался по экономической истории России, а в 1920 г. — археологическое отделение Киевского археологического института. В 1922—1923 гг. он сдал магистерские экзамены по археологии при I отделе Всеукраинской Академии наук. Первой его работой было большое исследование, посвященное трипольской культуре, из которого увидела свет лишь одна глава («Прочерченный трипольский орнамент культуры А.»

Сборник бюро по делам аспирантов ГАИМК I, Л., 1929). Л. А. Динцес занимался неолитом и энеолитом и вне зоны трипольской культуры и вел раскопки стоянок в Токсове под Ленинградом («Неолитическая стоянка в Токсове», Л., 1929), а у с. Отрожки (ныне Железнодорожный район г. Воронежа). Археологические интересы Льва Адольфовича приводят его к аспирантуре при ГАИМК (1928—1930) по

специальности археологии дородового общества.

Еще в Киеве Л. А. Динцес склонялся к изучению истории искусства и совершенствовал свои знания в этой области, работая при Киевской научно-исследовательской кафедре истории искусств. С переездом в 1924 г. в Ленинград эта линия научных интересов перевешивает, и Лев Адольфович уходит с головой в музейную работу: в Музейном фонде (отдел мебели и бронзы) и Государственном русском музее — в отделах прикладного искусства, затем в секции рисунка в отделе живописи XIX в., в дворцах-музеях ленинградских пригородов. К этому времени относятся боль-

шой неопубликованный труд Л. А. Динцеса «Старая Александрия», посвященный одному из памятников Петродворца, труд, где проявляется интерес Льва Адольфовича к народной резьбе, ряд статей и выставочных каталогов («Война и искусство». Л., 1930; «В. Г. Перов». Л., 1935; «В. А. Серов». Л., 1935; «Портрет М. Горького работы Серова»; сб. «М. Горький», т. II, Л., 1936; «Герои Гоголя в изобразительном искусстве». Изд. 1-е, Л., 1936; изд. 2-е, Л., 1937; «Комментарии к иллюстрациям Гоголя», сб. «Н. В. Гоголь», т. II, Л., 1936; «Выставка произведений И. Е. Репина». Л., 1937; «Неопубликованные карикатуры «Гудка» и «Искры» 1861—1862 гг.» М., 1939).

В 1934 г. Л. А. Динцес сосредоточивает свои исследования в области истории русского народного искусства, которой посвящены основные работы Льва Адольфовича за последние полтора десятилетия его жизни. Соединяя в своем лице археолога и искусствоведа, широко используя этнографию и фольклор, Л. А. Динцес смог внести в эту сферу знания крупный вклад. Его превосходная монография «Русская глиняная игрушка» (Л., 1936) вскрыла древнейшие корни народной скульптуры, определила конкретно-исторические пути ее развития. В 1937 г. Л. А. Динцес организует в Русском музее отдел народных художественных ремесел и экспедиционное обследование в 54 районах Ленинградской области — древних землях Великого Новгорода. На основе новых материалов Л. А. Динцес дает историю народного искусства на этой обширной территории, показывая ее в связи с историей края («Народные художественные ремесла Ленинградской области». СЭ, II, 1939, совм. с К. А. Большевой; основная работа «Народный промысел крестецко-валдайской художественной строчки в Ленинградской области», 1939, — кандидатская диссертация автора — осталась неопубликованной). Превосходное знание обширного конкретного материала, постоянное исследование его в неразрывной связи с историей русского народа позволило Л. А. Динцесу впервые в нашей науке дать опыт изучения истории народного искусства от IX до середины XV в. (главы для II и III томов «Истории культуры древней Руси», подготовляемых ИИМК к изданию). В статье «Историческая общность русского и украинского народного искусства» (СЭ, V, 1941) Л. А. Динцес опровергает попытку польского «искусствоведа» Гралевского разорвать эту общность и изобразить украинское искусство как продукт сторонних «влияний».

В первые тяжкие месяцы блокады Ленинграда Л. А. Динцес оставался при своих любимых коллекциях и не оставлял научной работы. Лишь весной 1942 г., совершенно больным, он был эвакуирован в числе сотрудников ИИМК, куда он перешел, в Елабугу. И здесь он находит пищу для своего исследовательского труда, пишет очерк истории и культуры Елабуги — капитальное монографическое исследование; особо изучает материалы, связанные с елабужским уроженцем — знаменитым пейзажистом И. И. Шишкиным, пишет интересный этюд о древней медной бляхе с изображением китовраса, найденной на Елабужском городище. Возвращаясь к тематике народного искусства, Лев Адольфович пишет исследование «Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края» (СЭ, 1946, № 3), в котором ясно показывает своеобразие переработки этих элементов народными мастерами.

С возвращением осенью 1944 г. в Ленинград Л. А. Динцес ведет большую педагогическую работу на отделении истории искусства Ленинградского государственного университета — читает курсы по русскому народному искусству, украинскому искусству, русскому прикладному искусству XVIII—XIX вв., музееведению и ведет ряд специальных курсов. Однако ухудшение здоровья заставляет сократить огромную педагогическую нагрузку и сосредоточиться на научной работе. Л. А. Динцес намечает план

своей капитальной монографии «История русского народного искусства», которую думал защитить как докторскую диссертацию в 1950 г. В статье «Изучение народного искусства и наследие Н. Я. Марра» (КС ИИМК, вып. XII, 1946) он излагает свою методологическую платформу, показывая как учение Марра о стадильности и семантике углубляет познание народного творчества.

В 1946 г. Л. А. Динцес переходит в Институт этнографии, участвует в работах комплексной Закарпатской экспедиции и освещает ее результаты в ряде докладов. Из последних работ Льва Адольфовича следует особо выделить статьи — «Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства» (СЭ, 1947, № 2), «Мотив московского герба в народном искусстве» (Сообщения ГРМ, II 1947) и «Изображение змеборца в русском народном шитье» (СЭ, 1948, № 4).

Смерть рано оборвала творческую жизнь Л. А. и не дала осуществиться его планам создания большого труда о русском народном искусстве. Но и то, что успел сделать Л. А. Динцес, останется крупным вкладом в изучение русского народного искусства. К его статьям, всегда безупречно точным, блестящим тонкостью анализа и остротой исторических обобщений, долго будут обращаться все исследователи русского народного творчества.

Упомянутые печатные работы Л. А. Динцеса составляют лишь малую долю оставленного им научного наследства. В его составе — ряд неопубликованных крупных исследований («Крестецко-валдайская строчка в ее прошлом и настоящем», 1939; «Старая Елабуга», 1942—1944; «Елабуга — родина И. И. Шишкина», 1944; «Медная бляха из Елабужского Чортова городища», 1944; «Народное искусство русской Прибалтики», 1942—1943; «Задачи изучения народного искусства Закарпатской обл.», 1947). Лучшим памятником безвременно ушедшему ученому будет публикация этих работ.

Н. Н. Воронин

В. И. ЗУБКОВ

АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ ОКСКИХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК

Публикуемые в данной статье памятники входят в состав обширной коллекции неолитических предметов, собранных автором во время археологических экскурсий на территории дюнных стоянок долины р. Оки в окрестностях г. Рязани за период с 1938 по 1947 г. В своей основной массе материал является подъемным.

Фигурка 1. Найдена в 1938 г. при проведении экскурсии краеведов на территории Дубровичской дюны «Борок», расположенной по берегу старицы Оки близ известной стоянки «Черепки» в 12 км восточнее г. Рязани. Фигурка поднята в промоине культурного слоя, образованной вешними водами у подножья южного склона дюны, вместе с многочисленными кремневыми орудиями и фрагментами глиняной посуды. Зачистка стенки промоины, проведенная на глубину 2.12 м, где черный культурный слой сменяется материковым желтым песком, дала обилие черепков с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 39, 2), два кремневых округлых скребка (рис. 39, 6) и обломок кремневого клиновидного топора с частично заточенным лезвием (рис. 39, 3). В результате неоднократных последующих посещений в промоине было собрано еще несколько орудий и в том числе наконечник стрелы (рис. 39, 5) и фрагмент частично заполированного кремневого желобчатого долота (рис. 39, 4).

Найденная здесь фигурка изготовлена из тонкой пластины слегка просвечивающего светлорусоватого кремня при помощи довольно крутой отжимной ретуши, мелкие фасетки которой равномерно охватывают обе ее плоскости на 2 мм по краю. На месте отбивного бугорка пластины расположена маленькая, оставленная сверху без обработки, голова, связанная с туловищем относительно тонкой и длинной шеей. Плечи и руки трактованы в форме небольших равнобедренных треугольников, симметрично примыкающих своими основаниями к верхней части туловища. Нижняя часть туловища, соответствующая области таза, значительно расширена. Ноги, из которых одна частично обломана, широко расставлены в стороны.

Древний мастер удачно передал в кремне контуры человеческого тела, сохранив его основные пропорции (рис. 40, 1).

Фигурка 2. Найдена после спада окских вешних вод 1947 г. на территории песчаной дюны с. Борки в расстоянии 1 км севернее г. Рязани, близ полотна местной ж.-д. ветки. Вместе с ней на поверхности размытого культурного слоя собраны кремневые скребки с прямым рабочим краем (рис. 39, 9), скребки округлые, ромбовидные наконечники стрел (рис. 39, 8) и фрагменты трех глиняных круглодонных горшков, обильно покрытых

ямчогребенчатым орнаментом. Один из реставрированных сосудов имел высоту 32 см и диаметр 26 см (рис. 39, 7).

Фигурка изготовлена из короткого отщепа светложелтого кремня 2,8 см длины и 1,4 см ширины и изображает человека. Контуры человеческого

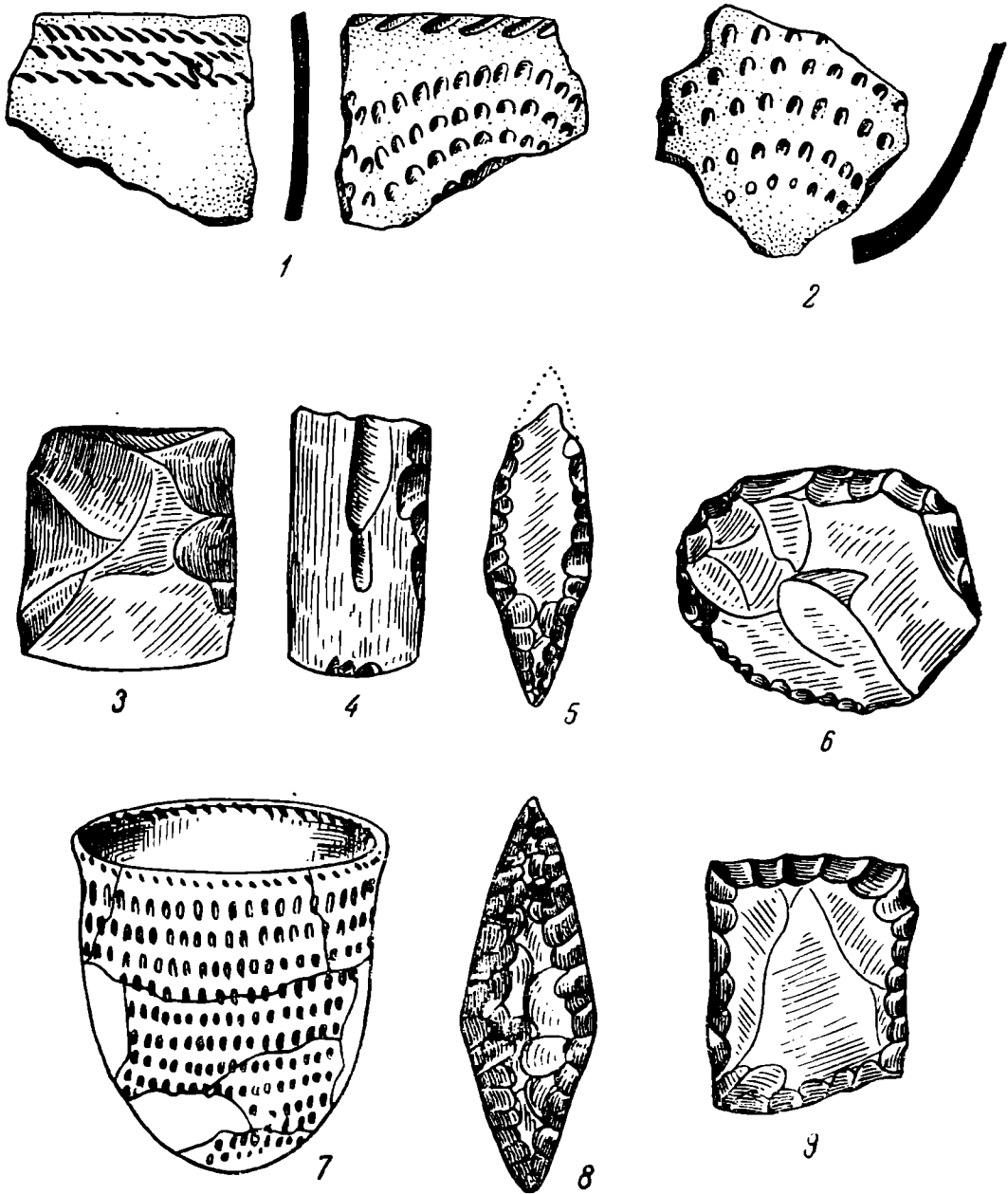

Рис. 39. Предметы, сопровождающие кремневые фигурки

1 — 2 — фрагменты керамики; 3 — обломок кремневого топора; 4 — обломок кремневого долота; 5 — наконечник стрелы; 6 — скребок; находились при фигурке на Дубровичской стоянке; 7 — реконструкция сосуда; 8 — наконечник стрелы и 9 — скребок, найдены при фигурке № 2 на Борковской стоянке

тела проработаны слабо, очертания рук и ног даны чрезвычайно схематично, голова треугольной формы, вся фигура в значительной степени скошена на один бок. Ретушь головы, верхней части туловища и ног, с неровными фасетками, неравномерно захватывающими часть обеих поверхностей изделия. Бока изображения имеют легкую одностороннюю ретушь (рис. 40, 2).

Фигурка 3. Найдена в 1941 г. на борковской поздненеолитической стоянке, на расстоянии 600 м западнее места находки вышеописанной человеческой фигурки 2, на склоне Сакор горы, освободившаяся от дерна поверхность которой подвергается беспрестанному переувлажнению. Памятни-

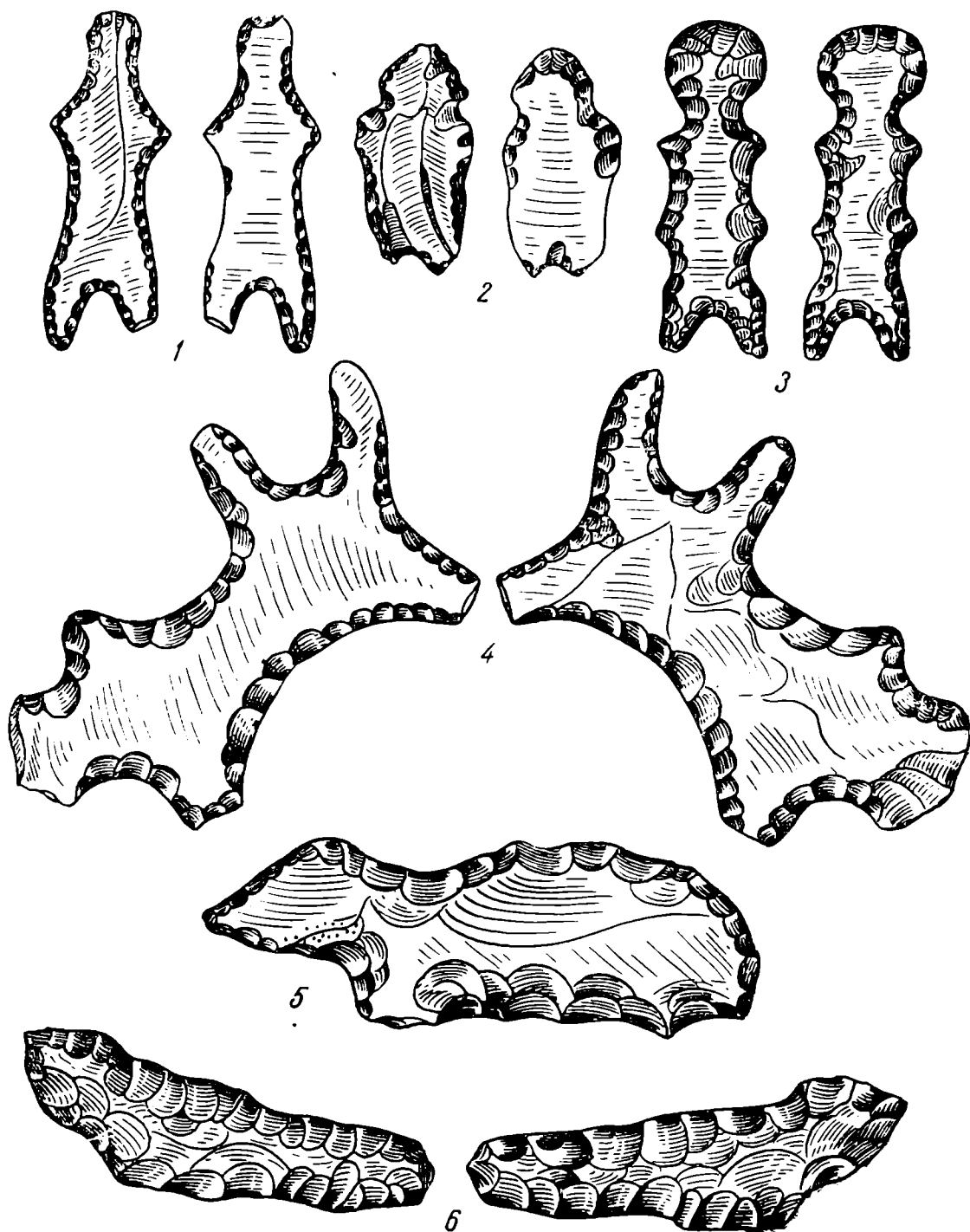

Рис. 40. Кремневые фигурки окских неолитических стоянок (н. в.)
1 — Дубровицкая стоянка; 2—5 — Борковская стоянка; 6 — стоянка Фефелов бор

ков, сопровождающих данное изображение, вследствие полного разрушения культурного слоя на площади Сакор горы, установить оказалось невозможным.

Фигурка изготовлена из отщепа желтого кремня со светлоричневыми прослойками. Изображает стоящего человека с большой, слегка при-

плюснutoй головой, занимающей третью часть длины всего тела и превышающей в диаметре ширину туловища. Располагаясь в наиболее толстой части пластины, голова остается ясно выраженной, даже при взгляде на изделие в профиль.

Плечи и руки обозначены небольшими треугольными выступами. Совершенно аналогичными выступами снабжена нижняя часть туловища. Ноги довольно тонки и проработаны с большой аккуратностью. Вся фигурка в целом отличается особенно тщательной отделкой при помощи ровной отжимной противоположающей ретуши. Длина этого антропоморфного изображения 4.4 см и ширина 1.3 см (рис. 40, 3).

Фигурка 4. Найдена в 1947 г. на поверхности Сагор горы Борковской зоны, в том же самом месте, где была сделана находка фигурки 3 (в 1941 г.). Изготовлена из широкого отщепа кремня, по цвету и качеству совершенно не отличающегося от кремня, из которого сделана только что описанная фигурка 3. На одной стороне отщепа около отбивного бугорка сохранился участок меловой корки валуна размером 3.3×1.4 см, под которым лежит прослойка кремня светлорычных оттенков, довольно резко переходящих в желтый цвет.

Изображение получено при помощи отжимной двусторонней ретуши, маленькие фасетки которой равномерно располагаются по краю фигурки.

Памятник имеет зооморфный характер и изображает переднюю часть туловища и голову животного с узкой длинной мордой и настороженными длинными ушами. Часть туловища, занимающая наиболее толстый участок кремневого отщепа с отбивным бугорком, оставлена без обработки. Она оканчивается небольшим расширением, позволяющим довольно легко скреплять изделие с деревом, костью и другими материалами. Изображение имеет длину 6.7 см и ширину 4.1 см (рис. 40, 4).

Единство места находки, полное сходство материала и техники обработки антропоморфной фигурки 3 и описываемой зооморфной фигурки 4 свидетельствует об их едином происхождении. К сожалению, в обоих случаях мы не имеем сопровождающих находок, позволяющих более определенно датировать эти интереснейшие памятники первобытного мастера.

Фигурка 5, частично обнажившаяся из верхней части культурного слоя Борковской стоянки у ж.-д. полотна, найдена в 1945 г., где была поднята и фигурка 2. В расстоянии 20—25 см от места ее находки на той же глубине (40 см) из слоя вынуты фрагменты глиняных горшков с ямочным орнаментом и небольшие скопления мелких углей.

Фигурка изготовлена из отщепа яркожелтого кремня размером $7.1 \times$

2.3 см при помощи односторонней ретуши, круглые неровные по глубине и площади фасетки которой образуют по краю изделия выщербины и выступы. Изображает, видимо, лежащее на брюхе с поджатыми лапами и поднятой мордой животное (медведь?). Голова отличается более тщательной обработкой; выступ в передней нижней части фигуры, напоминающий передние ноги, отбит (рис. 40, 5).

Фигурка 6. Найдена в 1939 г. на поверхности древней дюны Фелелов бор, расположенной на берегу р. Оки между сс. Канищево и Коростово в 9 км севернее г. Рязани.

Изготовлена из темнокоричневого кремня; имеет длину 5.6 см и ширину 1.5 см. Ретушь двусторонняя; ее крупные фасетки покрывают сплошь обе стороны изображения, смысл которого остается неясным (рис. 40, 6).

Все описанные памятники по технике обработки можно без сомнения отнести к самому концу неолитического времени; об этом же свидетельствуют и сопровождающие предметы. Подобные находки не редки в кремневом неолитическом инвентаре в окрестностях г. Рязани.

Р. Б. АХМЕРОВ

ДРЕВНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ в г. УФЕ

30 мая 1946 г. при рытье ямы во дворе дома № 33 по Социалистической улице города Уфы рабочим-землекопом И. Д. Долбиевым было обнаружено древнее погребение. О находке было сообщено дирекции Центрального краеведческого музея Башкирской АССР. В связи с этим была организована комиссия в составе: М. Г. Гибадуллина — директора музея, М. А. Малышевой — научной сотрудницы музея, П. Ф. Ищерикова — сотрудника Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, В. Д. Таича — инженера-картографа.

Комиссии пришлось лишь активировать находки, которые уже были вынуты при земляных работах. Костяк и найденные при нем вещи были взяты в Центральный краеведческий музей. Обряд погребения и вещевой материал представляют большой интерес для изучения истории материальной культуры Башкирии, так как они не имеют аналогии с находками, которые были обнаружены в других древних могильниках города Уфы.

Характерные особенности погребения заключаются в следующем.

Костяк находился на глубине 1.22 м под слоем чернозема 0.60 м в суглинке. Костяк сравнительно хорошей сохранности, лежал головой на север, вытянуто на спине, кисти рук лежали на тазу. Погребение, несомненно, мужское.

Расположение находок, обнаруженных в погребении, было таково: справа у черепа найден бронзовый сосудик, с левой стороны черепа — обломки лепного кухонного горшка, на грудном позвонке — известняковый шарик (амулет?), на пояснице — два обломка пряжки и под ними кусочек дерева, в нижней части правой тазовой кости — два обломка второй пряжки, под кистью правой руки, рядом с бедром — три обломка железного ножа, на правой стопе и около нее — два обломка пряжки, два обломка золотой полукруглой пластинки, три обломка узкоудлиненной золотой пластинки, кусочек кожи; на левой стопе и около нее найдены: два обломка пряжки, две золотые пластинки в виде лунницы с орнаментом, два кусочка кожи.

Расположение вещей в погребении не было нарушено.

Описание найденных в уфимских могильниках предметов поможет исследователям осветить в той или иной мере историю культуры Башкирии в I тысячелетии н. э.

1. Бронзовый сосудик баночной формы, массивный, с толстой стенкой, плоским дном. У верхнего края выступает носик в виде широкого кольца. Цилиндр стенки книзу суживается. Дно изнутри слегка округлено. На дне и на боковой стенке снизу имеются два небольших сквозных отверстия.

С обеих сторон стенки, от края до дна, идут рельефные полосы — следы отливки на формочке. Следы отливки заметны и по краям дна, выступающего в виде рельефного ободка. Сосудик грубой обработки, с неровной поверхностью, с подражанием лепным глиняным сосудам. Стенки сосуда покрыты зеленоватой окисью.

Высота 9 см, диаметр верхнего края 8 см, диаметр дна — 6 см, диаметр носика 1.5 см, толщина стенки 0.3—0.4 см (рис. 41).

2. Пряжка бронзовая, передняя петля овальная, слегка выпуклая. Крючок у основания охватывается узким прямоугольным ободком, слегка выпуклый и в переднем конце загнут клювом. Четырехугольная задняя

Рис. 41. Бронзовый сосуд из погребения в Уфе

часть состоит из двойных бронзовых пластинок, в которые в двух гнездышках вставлены коричневато-прозрачные пастовые стеклышки. По краям обрамлена двумя полосами рельефных точек. С лицевой стороны пряжка покрыта тонкой золотой пластинкой; с оборотной стороны задней части имеется остаток кожи, прижатой бронзовой пластинкой и заклепкой.

Пряжка найдена на позвонке у поясницы, под пряжкой найден кусочек дерева. Общая длина пряжки 5 см, диаметр петли 3.3 см, размер задней пластинки 2.8×2.8 см (рис. 42, верхний ряд, первый слева).

3. Пряжка бронзовая, подобная описанной под № 2 и отличается от нее лишь тем, что ее задняя пластинка орнаментирована не двумя гнездышками, а одним кружочком посередине. Пряжка находилась у правой тазовой кости. Общая длина пряжки 3.8 см, наибольший диаметр петли 2.9 см, размер задней пластинки 1.9×1.9 см (рис. 42, верхний ряд, второй слева).

4. Две бронзовых пряжки, подобные описанной под № 2. Пряжки находились на правой и левой стопах ног. Длина пряжек 3.3 см, диаметр петли 2.4 см, размер пластинки 1.9×1.9 см (см. рис. 42, нижний ряд).

5. Около пяточных костей ног найдены тонкие золотые пластинки, служившие облицовкой бронзовых предметов. Судя по формам пластинок, они относятся к трем одинаковым бляшкам и наконечнику ремня. Бляшки имели вид лунницы со штампованным орнаментом из двойных рельефных точек по краям. С трех концов полукруга имеются сквозные отверстия для прикрепления к ремню или одежде заклепками. Наибольший диаметр 2.5 см.

Рис. 42. Пряжки из погребения в Уфе

Предполагаемый наконечник ремня тоже был покрыт золотой пластинкой, орнаментированной по краям и по середине рельефными точками; с двух концов пластинки — сквозные отверстия, предназначенные для прикрепления их к ремню заклепками. Наибольшая длина 2.8 см, ширина 1.1 см.

6. В верхней части правой бедренной кости найдены три фрагмента железного ножа с остатками дерева у стержня ручки. Плохая сохранность не позволяет восстановить его формы. Длина 12 см, ширина 1.1 см.

7. На грудной клетке костяка найден очень маленький известняковый шарик, быть может амулет (?), диаметром 2.1 см.

8. Сохранились три кусочка черной сафьяновой кожи, вероятно, от обуви, так как они найдены около пяточных костей.

9. При осмотре выброшенной из котлована земли найдены фрагменты глиняного горшка. К сожалению, по тем обломкам, которые были собраны, невозможно восстановить его форму. Горшок был лепной, кухонный, со слегка отогнутым венчиком, с плавным переходом к сравнительно широкому корпусу, который, в свою очередь, постепенно соединяется с плос-

ким дном. Глина (в изломе) темносерая внутри и желтовато-серая по краям. С наружной поверхности стенки имеются следы копоти и сажи.

Как известно, на территории города Уфы и ее окрестностей и в прежние годы находили древние могильники. Правда, в большинстве случаев их открывали не археологи-исследователи, а случайно, при различных земляных и строительных работах. Вот почему уфимские могильники с их богатыми и весьма ценными находками недостаточно еще освещены в археологической литературе. Не останавливаясь на уничтоженных в прошлые столетия курганах и могильниках, мы укажем лишь на те погребения, которые были обнаружены в недалеком прошлом. Прежде всего, следует отметить раскопки В. В. Гольмстен вблизи Чёртова городища в 2,5 километрах от города Уфы.¹ Там были раскопаны 14 могил, в которых обнаружены бронзовые, железные орудия и предметы женских и детских украшений. Сопоставляя эти погребения по количеству бронзовых и железных орудий с приуральскими могильниками, В. В. Гольмстен уфимские могильники датировала I—III вв. н. э.

В 1936 г. на усадьбе Башкирского медицинского института по ул. Ленина г. Уфы были обнаружены три погребения с комплексом бронзовых и золотых предметов. М. И. Касьянов, руководивший раскопками этих погребений, анализируя технику выделки предметов — зернью и плетением тонкой золотой проволоки, вставки цветного стекла, — а также учитывая наличие остатков красной шелковой ткани, пришел к выводу, что находки 1936 г. могут быть датированы V—VII вв. н. э. и что эти предметы вышли из ювелирных мастерских Черноморского побережья.

В 1939 г. в Уфе во дворе Государственного академического театра при земляных работах были обнаружены два погребения с богатым и разнообразным инвентарем. Б. А. Койшевский, обследовавший эти погребения, указывал на сходство их с могильниками Бахмутинского типа, правда, с некоторыми отличительными особенностями. Кроме того, он подчеркивал наличие развитого обмена, сделавшего возможным проникновение сюда этих вещей из Средней Азии, а также из районов Причерноморья.

Наконец, здесь необходимо упомянуть и тот факт, что в 1941 г. при земляных работах в Уфе были обнаружены серебряное блюдо и чашка — клад вещей сасанидского происхождения VI в. н. э.

Описанное нами погребение является, таким образом, лишь дополнением к тем открытиям, которые были сделаны в прежние годы. Это свидетельствует о том, что территория города Уфы и прилегающих районов в I тысячелетии н. э. являлась местом, где прочно сидели племена сравнительно высоко развитой культуры. Безусловно, данная местность входила в состав культурного очага бронзовой эпохи, существовавшего в Волжско-Камской области. Вполне понятно, что с течением времени менялся образ жизни первобытных племен в соответствии с развитием производительных сил того времени. Поэтому, указывая на общие связи уфимских могильников и сходство обрядов погребения, мы можем проследить некоторое различие между ними в зависимости от их хронологической последовательности. Нам кажется, что могильники у Чёртова городища, раскопанные В. В. Гольмстен, относятся к начальной стадии разложения первобытно-общинного строя, где еще нет резкой имущественной дифференциации: почти отсутствуют золотые, серебряные и другие привозные предметы, что свидетельствует о слабости обмена и торговли. Что касается погребений, открытых в 1936 и 1939 гг., с их разнообразными золотыми и серебряными предметами, то их безусловно нужно отнести к более

¹ В. Гольмстен. Могильник близ города Уфы. Отдельный оттиск из отчета Московского археологического института. М., 1913.

позднему времени, когда расширились торговые связи с югом, с Малой и Средней Азией. Здесь бросается в глаза более резкая имущественная дифференциация внутри первобытно-общинного строя, с выделением достаточно богатой родовой аристократии.

Последнюю группу могильников можно датировать V—VII вв. н. э. Погребение, обнаруженное в 1946 г., по всей вероятности, относится к тому же времени. Ориентировка и расположение костяка почти не отличаются от других уфимских могильников. Медный сосудик с его грубой техникой, скорее всего, является продуктом местного производства. К сожалению, мы не имеем в руках материала для сопоставления его с аналогичными находками. Значительный интерес представляют пряжки и золотые пластинки от бляшек. Крючки у них сделаны в виде птичьих клювов, что является продолжением традиции звериного стиля скифо-сарматского времени. Характерной особенностью их является покрытие с лицевой стороны очень тонкой золотой пластинкой и украшения из стеклышек, вставленных в гнездышках. Последнее указывает на то, что они могли попасть в уфимские могильники только благодаря обмену и торговле. В связи с этим возникает вопрос: какими путями и откуда могли они попасть в данную местность? В настоящее время мы не имеем еще возможности конкретно указать на тот или иной район как на центр производства этих вещей. По некоторым косвенным данным можно лишь предполагать о месте их производства. Почти аналогичная уфимской пряжка была найдена на Северном Кавказе в погребении близ города Пятигорска,² комплекс вещей которого датируется VII—VIII вв. н. э.

Некоторое сходство с уфимскими пряжками имеет еще так называемая сарматская пряжка музея Херсонеса Таврического, относящаяся к III—IV вв. н. э. Таким образом, место производства уфимских пряжек и бляшек, найденных в погребении в 1946 г., надо искать где-то на юге: на Кавказе или в районах Причерноморья.

Из сказанного выше с несомненностью вытекает необходимость дальнейшего исследования уфимских могильников с их интересным и достаточно своеобразным инвентарем, что несомненно прольет на него более ясный свет и откроет новую страницу в изучении истории народностей, в древности населявших территорию Башкирии.

² Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отд. III, «Вещи из могил близ Пятигорска», М., 1887, стр. 9, рис. 8.

Н. Н. БОРТВИН

НАХОДКА НА ГОРЕ АЗОВ НА УРАЛЕ

15 сентября 1940 г. рабочие Полевского криолитового завода во время прогулки на гору Азов сделали интересную археологическую находку.

Гора Азов входит в состав Уфалейского кряжа, расположенного на водоразделе рек Чусовой и Ревды, и находится в 8—9 км к северо-западу от Полевского завода Свердловской области (абс. высота горы 589 м).

Место находки представляет небольшую площадку около 10—12 кв. м, на одном из выступов скалы, метрах в 100 к востоку от наблюдательной вышки лесхоза, расположенной на самой вершине.

Площадка была покрыта слоем почвы, не превышающим 15—20 см.

Находка сделана под корнями свалившейся сосны, благодаря чему обнажились некоторые предметы. Остальные предметы были легко выкопаны. Всего было найдено 40 предметов (из них 7 остались у находчиков).

По собранным на месте сведениям, в расположении предметов наблюдался некоторый порядок, а именно: идолы были расположены стоямя вдоль каменного выступа, а наконечник копья лежал вдоль выстроенных в ряд идолов, острым концом в направлении на восток или северо-восток.

Все поступившие в музей предметы, за исключением зеркала, прорезной бляхи в виде свернувшегося в клубок дракона и обломка круглого диска, отлиты из красной, сильно пористой меди.

Зеркало и прорезная бляха сделаны из желтой меди или, возможно, бронзы. Обломок круглого диска изготовлен, по видимому, из низкопробного серебра.

По своему назначению предметы могут быть подразделены на предметы бытового характера и культа. К первым относятся наконечник копья, бляха с ушком на задней стороне, зеркало и обломок круглого диска. Остальные 29 предметов имели несомненно культовое значение.

Преобладающим мотивом для культовых предметов является изображение птицы, причем лишь немногие из этих изображений носят реалистический характер. Большинство же сильно стилизовано. Некоторые изображения носят антропоморфный характер, условно передавая общие очертания человеческой фигуры.

Среди найденных предметов нет таких, типы которых не были бы известны ранее, исключая, может быть, птиц с четырьмя крыльями. Главный интерес находки заключается в том, что она свидетельствует об одновременности всех входящих в ее состав предметов.

Значительную ценность находка может представлять и для характеристики религиозных воззрений.

Ниже дается описание предметов и попытка выявить хронологию как отдельных предметов, так и всего комплекса в целом.

Наконечник копья (рис. 43, 1). Отлит из красной меди. Общая длина 25.7 см. Длина пера 12.4 и ширина его 4.3 см. Наконечники копий подобного типа имеют своим прототипом копья ананьинской культуры, но, видимо, употреблялись и много позднее, сохраняя установившиеся ранее формы.

Рис. 43. Вещи, найденные на горе Азов на Урале

Подобные наконечники копий известны из окрестностей Исетского озера Свердловской обл. В Свердловском музее с мыса «Толстик» (этого озера) имеется, кроме того, литейная форма для такого же наконечника. Экспедиция Гос. Исторического музея в 1940 г. на мысе «Толстик», кроме того, собрала следующие предметы: одну из трех составных частей литейной формы из талька для трехлопастной стрелы крупных размеров, половину литейной формы для кельта, близкого к «ананьинскому» типу, фигурку медного птицевидного идола и бляху с ушком, близкие к азовским.

Бронзовое зеркало (рис. 43, 2). Отлито из хорошей бронзы, покрыто плотной патиной темнозеленого цвета, имеет ручку длиной 4.0 см. Диаметр зеркала 8.4 см. По краю диска имеется утолщение в виде валика, ручка прямая, без украшений. Вероятно, это привозное, а не местное изделие.

Подобные зеркала часто встречаются в сарматских погребениях, например, из курганов у д. Прохоровки,¹ Чкаловской области, у г. Магнитогорска,² Челябинской обл.

Бляха (рис. 43, 3). Отлита из красной пористой меди. На оборотной стороне — ушко. Диаметр около 7.5 см. Работа небрежная. Подобные бляхи, в сочетании с наконечниками копий, как вышеописанный, имеют широкое распространение. В Свердловском музее имеется несколько подобных блях из окрестностей Исетского озера. Кроме того, можно указать подобные бляхи с озер Иткуль, Б. Нанюга, Иртяш и с горы Караульной, у Северского завода.³

Прорезная бляха (рис. 43, 4). Изготовлена из бронзы. Наружная поверхность бляхи представляет свернувшегося дракона. Пространство между туловищем и конечностями, а также между тремя торчащими в разинутую пасть зубами, вырезано. Прорезь есть и на ухе. Мышцы конечностей, очертания глаза и ноздрей, а также хвост оттенены глубокими бороздками. Туловище имеет пять поперечных полос, каждая из которых состоит из трех неглубоких нарезок. По наружному краю фигуры идут короткие насечки. С обратной стороны имеется ушко, расположенное над сочленением передних конечностей с телом так, что при подвешивании бляхи ухо дракона находится вверху. Диаметр бляхи около 9 см.

Изображения свернувшихся драконов характерны для скифской и сарматской культур и распространены на обширной территории. Аналогичные изображения известны из сарматских курганов у г. Челябинска, курганов Чкаловской обл. эпохи раннего и позднего эллинизма, раскапывавшихся Минко,⁴ из окрестностей Симферополя,⁵ из Ананьинского могильника,⁶ из Гляденовского костыща⁷ и костеносных городищ на р. Каме,⁸ из Томского могильника.

На всем указанном пространстве устойчиво сохраняются общие черты изображения свернувшегося дракона, но в художественной трактовке заметны и некоторые отличия, зависевшие, вероятно, от времени. Эта тема заслуживает самостоятельного изучения. Трактовка дракона с горы Азов в сухой манере плоской бляхи нам представляется поздней.

Обломок диска (рис. 43, 5). Вероятно, из низкопробного серебра. Орнамент состоит из концентрических кругов, прочерченных на токарном станке. Точка, соответствовавшая центру диска, хорошо заметна. Пространство между первым, вторым и третьим крутами заполнено насечкой «в елочку», между четвертым и пятым — точками, между шестым, седьмым и восьмым — снова «в елочку», а между девятым и десятым остается свободным. В центре имеется выгравированное изображение птицы, вероятно, журавля. Голова птицы обломана. Радиус диска 6.9 см. Возможно, что диск являлся днищем сосуда.

Фигурки идолов можно подразделить на антропоморфные и птицевидные. Все они, за исключением имеющих с задней стороны ушки для подвески, отлиты из пористой красной меди в односторонних (плоских)

¹ М. И. Ростовцев. МАР, вып. 37, табл. IV, 2 и 9, табл. V, 4 и 5.

² Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. 1887—1888 гг. МАВГР, т. III, табл. VI, 1.

³ А. А. Спицын. Зауральские древние городища. ЗРОРАО, т. VIII, вып. 1, стр. 213—215.

⁴ Свердловский музей.

⁵ ОАК, 1895, стр. 18, рис. 32.

⁶ R. Aspelin. Antiquités du Nord finno-ougrien. Helsingfors, 1876, рис. 474.

⁷ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРОРАС, т. VIII, вып. 1, рис. 98.

⁸ А. А. Спицын. Археологические изыскания о древнейших обитателях Вятской губ. МАВГР, т. I, табл. X, 5.

формах. Фигурки, имеющие ушко, отливались в двусторонних формах. Одна сторона такой формы имела вырезанное изображение идола, а вторая углубление для ушка. Чтобы получить на ушке отверстие, в форму вставлялся стерженек. Иногда по забывчивости мастера стерженек вставлен не был и ушко получалось без дырки. Изображения, отлитые в односторонних плоских формах, часто имеют излишек металла в виде пленки между частями фигуры. Фигурки, отливавшиеся в двусторонних формах, имели литейное отверстие в области головы идола, и заполнявший это отверстие излишек металла оставался не срезанным, иногда застывшим в виде расплывшейся капли.

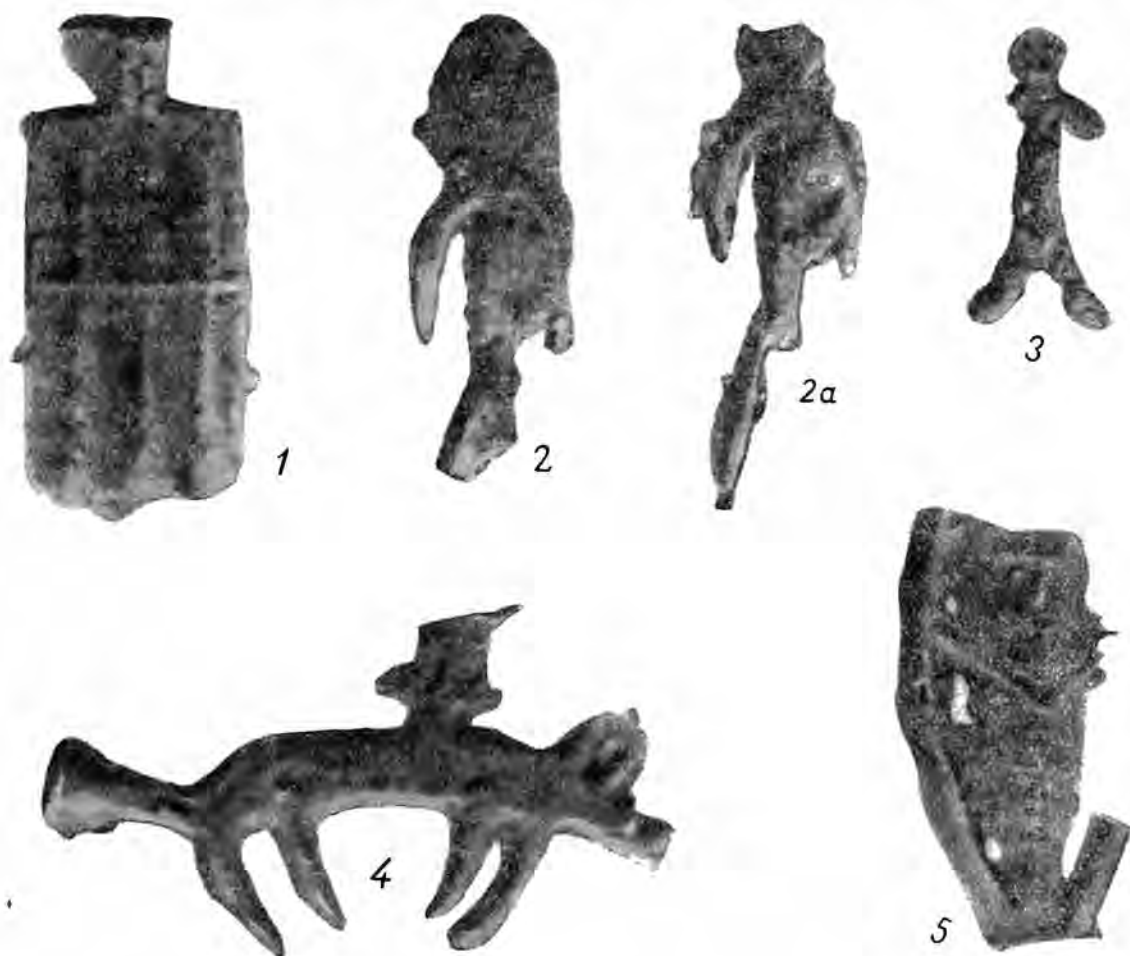

Рис. 44. Вещи, найденные на горе Азов на Урале

К человекоподобным изображениям относятся:

1. Четыреугольная пластинка с идущими вдоль и поперек валиками и с выступом сверху, который должен изображать голову. Рук и ног нет. Размеры 12,5 на 5,5 см (рис. 44, 1).

2. Две фигурки со схематично намеченными руками и ногами. Нос имеет форму птичьего клюва и вытянут над левым плечом. Глаз отмечен выпуклой точкой. Сверху излишек металла. Длина первой 11,5, второй 13,0 см (рис. 44, 2).

3. Фигурка с общими очертаниями человеческого тела. Одна рука при отливке не вышла. Длина 7,7 см (рис. 44, 3).

4. Человеческая фигура, сидящая на фантастическом звере, лицом к зрителю, ноги свешиваются в одну сторону. Зверь изображен в профиль;

уши торчат кверху, пасть раскрыта. Фигура человека по сравнению с фигурой зверя очень мала. Длина 1.60 см (рис. 44, 4).

Наша фигурка сближается с пещерскими фантастичностью зверя, но отличается от них способом посадки человека; с камскими она сближается способом посадки человеческой фигуры «по-дамски», но в камских изображениях человек верхом на коне, шагающим по змее. Таким образом, изображения с горы Азов являются смешением двух типов, представляя их своеобразный вариант.

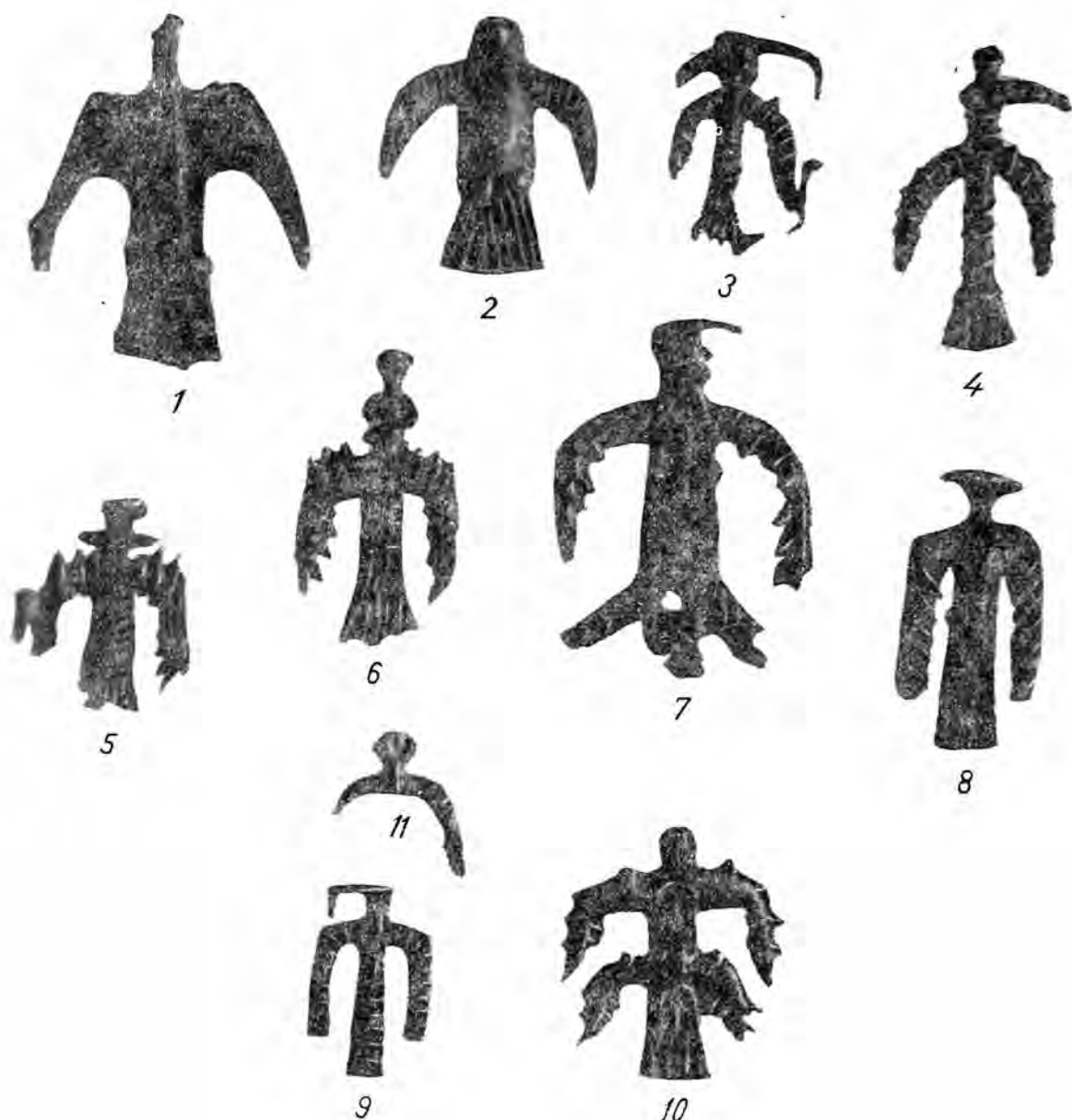

Рис. 45. Вещи, найденные на горе Азов на Урале

5. Человеческая фигура, заключенная с боков в дугообразную рамку. Верхняя часть обломана находчиками (рис. 44, 5). На голове, кажется, был высокий головной убор. Лицо изображено упрощенно: глаза выпуклыми точками, нос прямой линией, рот овалом. Туловище как будто прикрыто чем-то, подобным эпитрахили. Руки намечены углом, вершина которого лежит на груди. Ног нет.

Птицеобразные изображения можно подразделить на более или менее реалистические и сильно стилизованные. Первые передают, хотя и упрощенно, но близко к натуре, основные черты строения птицы, причем можно определить даже отряд, к которому птица относится. Вторые дают только общие очертания птицы, дополняя ее фигуру вымышленными признаками, например, второй парой крыльев. Первая группа малочисленна (2 фигуры); вторая многочисленна (20 фигур).

К реалистическим изображениям относятся:

1. Изображение орла (или ястреба) в полете (рис. 45, 1). Шея вытянута. Крылья после широкого взмаха начинают сокращаться. Клюв, характерно-крючковатой формы, повернут влево. Размеры: длина 11.7 см, размах крыльев 9.0 см. Приближается к изображению с р. Уссы.⁹

2. Изображение, вероятно, совы. Перья намечены бороздками, а прижатые к телу лапы — двумя бугорками. Длина 6.5 см; размах крыльев — 6.5 см. Обе фигуры имеют сзади ушко (рис. 45, 2).

Общий стиль, в котором выполнены птицы, соответствует тому стилю, в котором выполнены известные ранее изображения с горы Караульной,¹⁰ около Северского завода, с озер Б. Куяш¹¹ и Иртяш¹² и д. Палкиной.¹³

Таким образом, в районе верхнего течения рек Чусовой и Исети по восточному склону хребта как будто намечается особая провинция «звериного стиля».

К разряду стилизованных птицевидных изображений относятся:

1. Три фигуры размерами в длину 6.3 и в размахе крыльев 4.1 см. Все они вылиты в одну форму. Изображение близкого типа известно из д. Палкиной (см. выше).

2. Одна фигура (рис. 45, 3) с крючковатым длинным носом, повернутым в правую сторону.

3. Две фигуры с носами в левую сторону (рис. 45, 4). На хвосте четыре бугорка.

4. Две фигуры с концами крыльев, оканчивающимися растопыренными перьями (рис. 45, 5). У одной из них левое крыло при отливке не вышло.

5. Две фигуры с выступами над плечевой частью крыльев. Длина 10, ширина между концами крыльев 7.7 см (рис. 45, 6).

6. Две фигуры с уступами по внутренней стороне крыльев и хвостом, состоящим из трех частей. Сзади ушко. Длина 12.8, ширина 7.8 см (рис. 45, 7).

7. Две фигуры, имеющие по три бугорка в области прикрепления хвоста к туловищу (рис. 45, 8). Сзади ушко. У одной из них ушко при отливке не вышло. Длина 9.6 см.

8. Одна фигура с крыльями, в плечевой части поставленными под прямым углом к главной оси туловища (рис. 45, 9). Оперение представлено пересекающимися валиками. Между туловищем и хвостом имеются боковые выступы.

9. Три фигуры, имеющие по два клюва и по две пары крыльев (рис. 45, 10). Перья по внутреннему краю крыльев образуют неровную линию. На туловище в области начала крыльев имеются валики — короткий вертикальный (снизу) и полукруглый (сверху), напоминающие схе-

⁹ А. В. Шмидт. Происхождение пермского звериного стиля. Сб. МАЭ, т. VI, табл. II, 1.

¹⁰ Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований Приуральской Чуди. МАВГР, т. III, табл. I.

¹¹ В. Я. Толмачев. Древности восточного склона Урала оз. В. Куяш. Зап. УОЛЕ, XXXII, табл. II, 8—14.

¹² А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРОРАО, т. VIII, вып. 1, рис. 456.

¹³ Там же, рис. 434.

матично очертания носа и надбровных дуг человеческого лица. Длина 8.7 см, наибольший размах крыльев 7.0 см. Все три фигуры отлиты в одной форме. Фигурки четырехкрылых птиц из других мест мне не известны.

10. Две фигурки (поломаны).

Наконечники и копья и бляха с ушком на обратной стороне имеют свои прототипы среди инвентаря ананьинской культуры.

Бронзовые зеркала и изображения свернувшихся драконов описанного типа свойственны главным образом культуре сарматской.

Эти предметы и дают основание для отнесения находок к раннесарматской эпохе.

П. П. СЛАВНИН

КАМЕННЫЙ ЖЕЗЛ С ГОЛОВКОЙ КОНЯ

В Музее истории материальной культуры при Томском гос. университете, среди сравнительно большого собрания археологических предметов из камня в виде топоров, ножей, скребков, наконечников стрел, пестов и пр., имеется чрезвычайно интересный предмет — жезл с головкой коня, художественно вырезанной из однородного куска камня зеленовато-черного цвета, по видимому, из группы диабазов.

Найден жезл близ станицы Бухтарминской, расположенной на берегу р. Бухтармы (приток р. Иртыша), Усть-Каменогорского района, Казахской ССР. По инвентарной книге музея жезл этот значится под № 5278 (рис. 46).

Размеры предмета: длина (от гривы до нижнего конца) 46,3 см, ширина средней части 7 см и нижнего конца 2,7 см, объем головки через затылочный гребень и гриву 26,6 см, объем самого кончика рукоятки 10,3 см.

Головка коня вырезана рельефно четкими и выразительными линиями и отличается реалистичностью изображения. В скульптурной форме, обработанной из камня, чувствуется напряженная динамика. Предмет этот представляет замечательный образец искусства, созданный, однако, для каких-то практических целей. Форма головки коня может быть сближена с фигуркой, представленной у Д. Н. Анучина на рисунке 52 в тексте «К истории искусства и верований в приуральской чуди». ¹ Д. Н. Анучин еще в своей работе о некоторых своеобразных каменных изделиях из Сибири ² отметил, что «первобытному человеку не чуждо известное стремление к разнообразию, к изяществу; даже к художественному воспроизведению окружающих его предметов, особенно людей и животных», и что изделия из камня, глины, дерева «способны вызывать удивление смелостью очертаний и тщательностью отделки» предмета.

Жезл этот мог являться символом власти — скипетром вождя конных всадников. Но археологические и этнографические параллели скорее заставляют свя-

Рис. 46. Каменный жезл с головкой коня

¹ Из материалов по археологии восточных губерний. Изд. Московского Археологического общества, т. 3, М., 1899.

² Труды VI Археологического съезда в Одессе 1884 г., т. I, Одесса, 1886.

зывать этот предмет с религиозно-магическими представлениями и действиями. Он мог служить атрибутом шамана (medicine-men). Некоторые сибирские шаманы пользовались при камлании вместо традиционного бубна деревянными палками с изображением конской головы. Например, у шорцев (улус Мыски, Горная Шория) на празднике «Тууртой», при церемонии так называемого освящения нового бубна, сделанного для шамана, последний во время ритуала употреблял при камлании палку с изображением головы лошади на конце ее. Примеры замены бубна при камлании древком с конской головой или хотя бы конскими атрибутами практиковались шаманами и в других местах. Так, якутский шаман при малом камлании употреблял, по сообщению Серошевского, вместо бубна кнут или ветку с пучком конских волос.³ Воображаемый или действительный конь споспешествует шаману. Это отмечает и Штернберг.⁴ Конь при шаманизме у некоторых сибирских народов фигурировал и в качестве жертвы. Например, у ойротов при «тайэлга»;⁵ у якутов в культе умерших шаманов.⁶ Кроме того, предмет этот близок к серии археологических находок, явно фаллического характера, сделанных в Западной Сибири. В музее Томского гос. университета имеется два каменных песта с явными признаками фалла. Среди подобных пестов, по сообщению Д. Н. Анучина, попадаются иногда такие, верхний конец которых украшен изображением головы какого-либо животного.⁷

Издаваемый жезл не единственная находка в местах Западной Сибири. В Омском областном музее хранится жезл, украшенный аналогичной головкой коня. Он отличается от томского только материалом (серый сланец), меньшими размерами нижней части (рукоятки) и не так искусно разработанным рельефом головы. Найден был этот жезл на пашне в поселке Волчьем, Омского округа. По инвентарной книге музея значится под № 33.

Эта находка убеждает в возможности локализации подобных жезлов на широком пространстве Западной Сибири. Ряд близких к нашим жезлам предметов, украшенных головкой быка или барана, найден и в Минусинской котловине.⁸

Изолированность подобных находок затрудняет решение вопроса об их хронологии. Однако поразительная реалистичность изображений не позволяет относить эти предметы к кругу произведений искусства скифо-сарматской эпохи. Скорее в них можно видеть предшествующую стадию развития сибирского искусства, связывая их с реалистическими бронзами карасукского (позднеандроновского — на западе) периода (начало I тысячелетия до н. э.).

³ Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I. СПб., 1896.

⁴ Л. Штернберг. Избранничество в религии. «Этнография», № 1, 1927, стр. 23.

⁵ А. Н. Глухов. «Тайэлга». Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926.

⁶ Г. В. Ксенофонов. Легенды и рассказы о шаманах. М., 1930.

⁷ Д. Н. Анучин. О некоторых своеобразных изделиях из Сибири. Труды VI Археологического съезда в Одессе 1884 г., т. I, М., 1886.

⁸ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. III, табл. XXII, 1; С. Р. Цыганков. Описание некоторых уникалов Минусинского музея. Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова, т. I, вып. 1, Минусинск, 1926, стр. 84.

П. П. ХОРОШИХ
 ПИСАНИЦЫ НА ГОРЕ МАНХАЙ

Писаницы на горе Манхай находятся в Кудинских степях по левому берегу р. Куды (правый приток р. Ангары), примерно в 12 км от села Усть-Орды и в 4 км от поселка Базой.

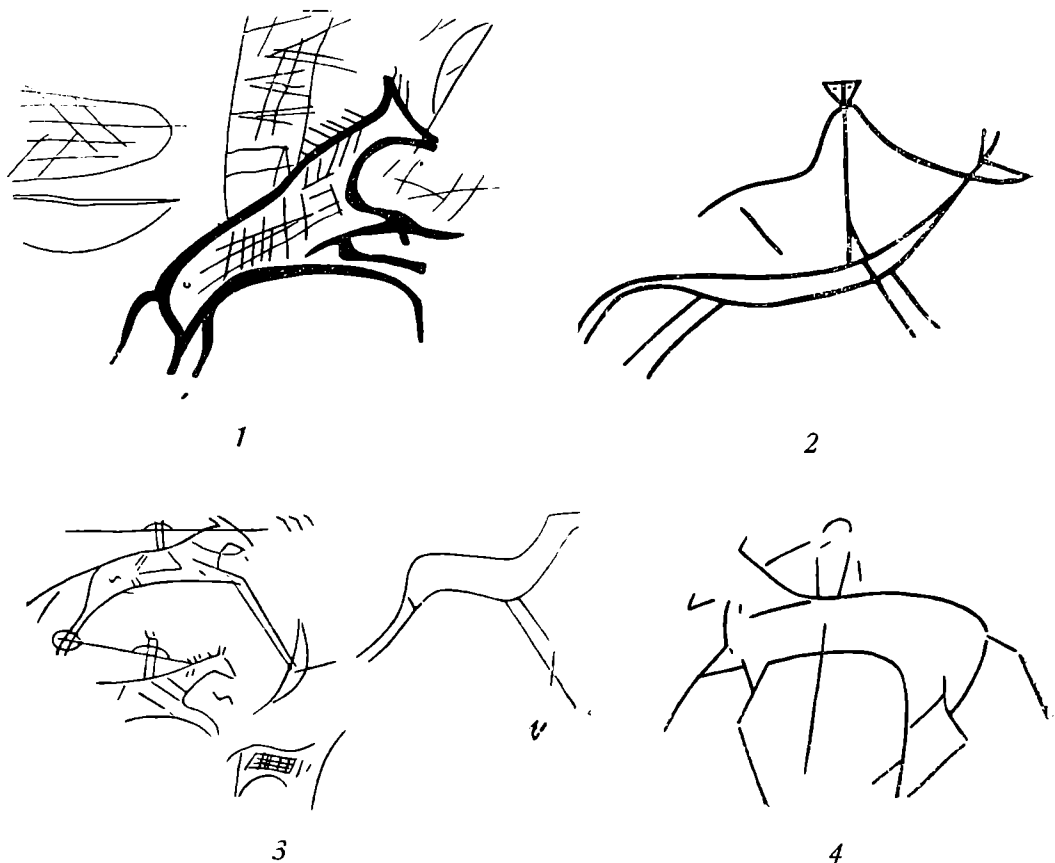

Рис. 47. Изображения на горе Манхай

1 — изображение лошади на плите (1/3 н. в.); 2 — изображение всадника; 3 — сцена охоты на маралуху (1/3 н. в.); 4 — изображение всадника (1/6 н. в.)

По юго-восточному склону горы Манхай около писаницы сохранились остатки разрушенного городища, которое ранее было обнесено невысокой стеной, сложенной из плоских плит песчаника без цемента.

Первые сведения о писанице Манхай относятся к 1924 г., когда Б. Быстровым на горе Манхай внутри городища была найдена плита из

красного песчаника с высеченной на ней фигурой лошади (рис. 47, 1). У лошади на крупе изображен небольшой кружок, вероятно, тавро (знак собственности рода). Плита эта мною была доставлена в Иркутский государственный музей.

Во время поездки в Кудинские степи в 1925 г. мною на юго-восточном склоне горы Манхай было открыто новое вырезанное изображение всадника (рис. 47, 2). Голова всадника, нарисованная в виде треугольни-

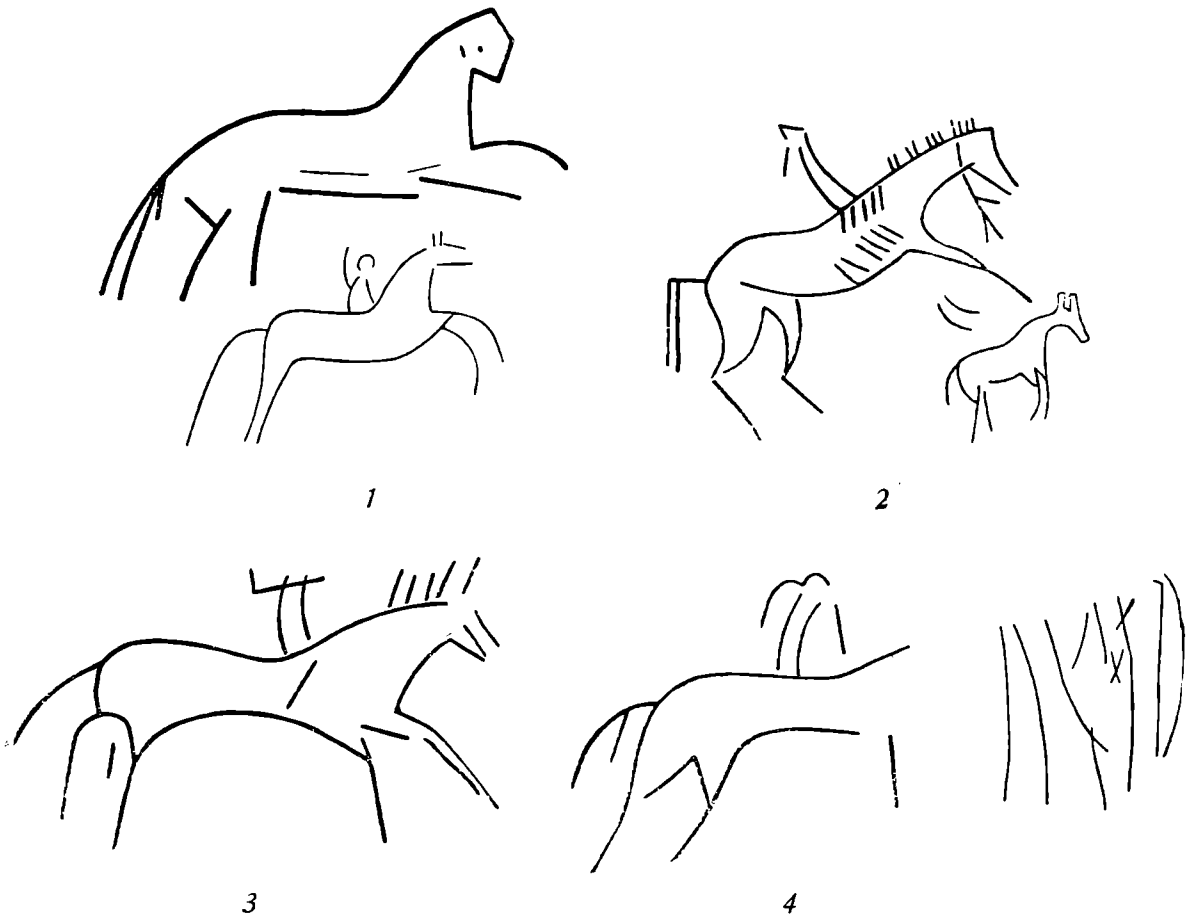

Рис. 48. Изображения на горе Манхай

1 — изображение лошади и всадника; 2 — изображение всадника и жеребенка; 3 — изображение всадника; 4 — изображение всадника и изгороди (1—4—1/2, я. в.)

ка, по своему виду напоминает изображения человеческих фигур на старинных бурятских онгонах. Повидимому, данное изображение не древнего происхождения.

В 1947 г. мною совместно с директором Усть-Ординского музея В. И. Преловским на южном и юго-западном склонах горы Манхай открыты были новые изображения, высеченные на гладких скалах красного песчаника, идущих по вершине горы.

В этой части горы изображения встречаются группами на отдельных выступках скал. Все изображения животных выбиты неглубоким контуром. Некоторые рисунки нацарапаны нажимом какого-то металлического орудия. Часть плит красного песчаника с рисунками от времени покрылась налетом лишайника серого цвета.

Среди изображений на горе Манхай преобладают фигуры всадников и отдельные фигуры лошадей (рис. 47, 48, 49). Часть мелких фигур животных трудно разобрать. В изображениях фигур животных заметна за-

кругленность в передаче контура и некоторая шаблонность как в стиле, так и в приеме нанесения рисунка. Преобладают лошади легкого сложения. У некоторых лошадей показаны подшейные уборы с кистями, а на голове, повидимому, изображения султанов (рис. 48, 2 и 49, 1). Изображения людей в отличие от изображения животных очень условны, схематичны, без соблюдения пропорции тела. У некоторых фигур нет ясного очертания

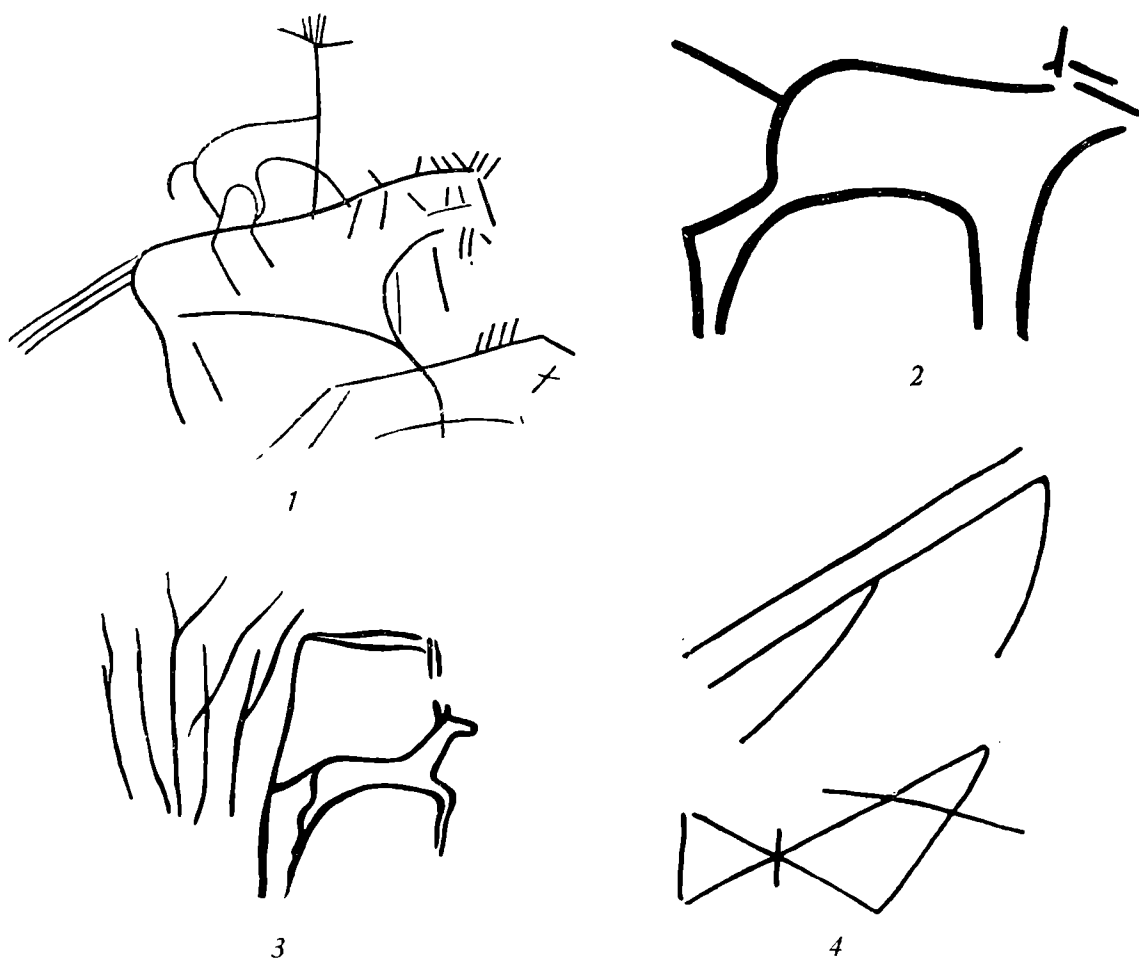

Рис. 49. Изображения на горе Манхай и скале Укыр

1— изображения лошадей и марала ($1/2$ н. в.); 2— изображение тельца ($1/2$ н. в.); 3— (скала Укыр) изображение кулана и изгороди ($1/12$ н. в.); 4— изображение на скале ($1/6$ н. в.)

головы. Фигуры животных и всадников изображены движущимися на восток, за исключением одной фигуры всадника (рис. 47, 4), которая показана в обратную сторону.

Из всех рисунков наибольший интерес представляет сцена охоты на самку марала (рис. 47, 3). Всадники несутся на лошадях на полном карьере. Верхний всадник вооружен длинной пикой. На лошади этого всадника хорошо передан чепрак старинного якутского типа и на крупе лошади ясно обозначено тавро — родовой знак собственности. Второй всадник держит в руке аркан, который он готовится набросить на маралуху. Подобные изображения всадников с арканом обнаружены А. П. Окладниковым на курыканских писаницах у деревни Шишкино на верхней Лене.

На голове второго всадника имеются два рожка, возможно, изображающие старинный головной убор с султаном или перьями. Может быть, древний художник долины р. Куды хотел здесь изобразить витязя эпохи

Олонхо. Изображения всадников с султаном или перьями также характерны для писаниц верхней Лены.

Фигура лошади второго всадника не закончена. Впереди фигуры лошади изображены лук со стрелой и рисунок, подобный знаку собственности, высеченному на крупе лошади первого всадника. Фигура маралухи также не закончена.

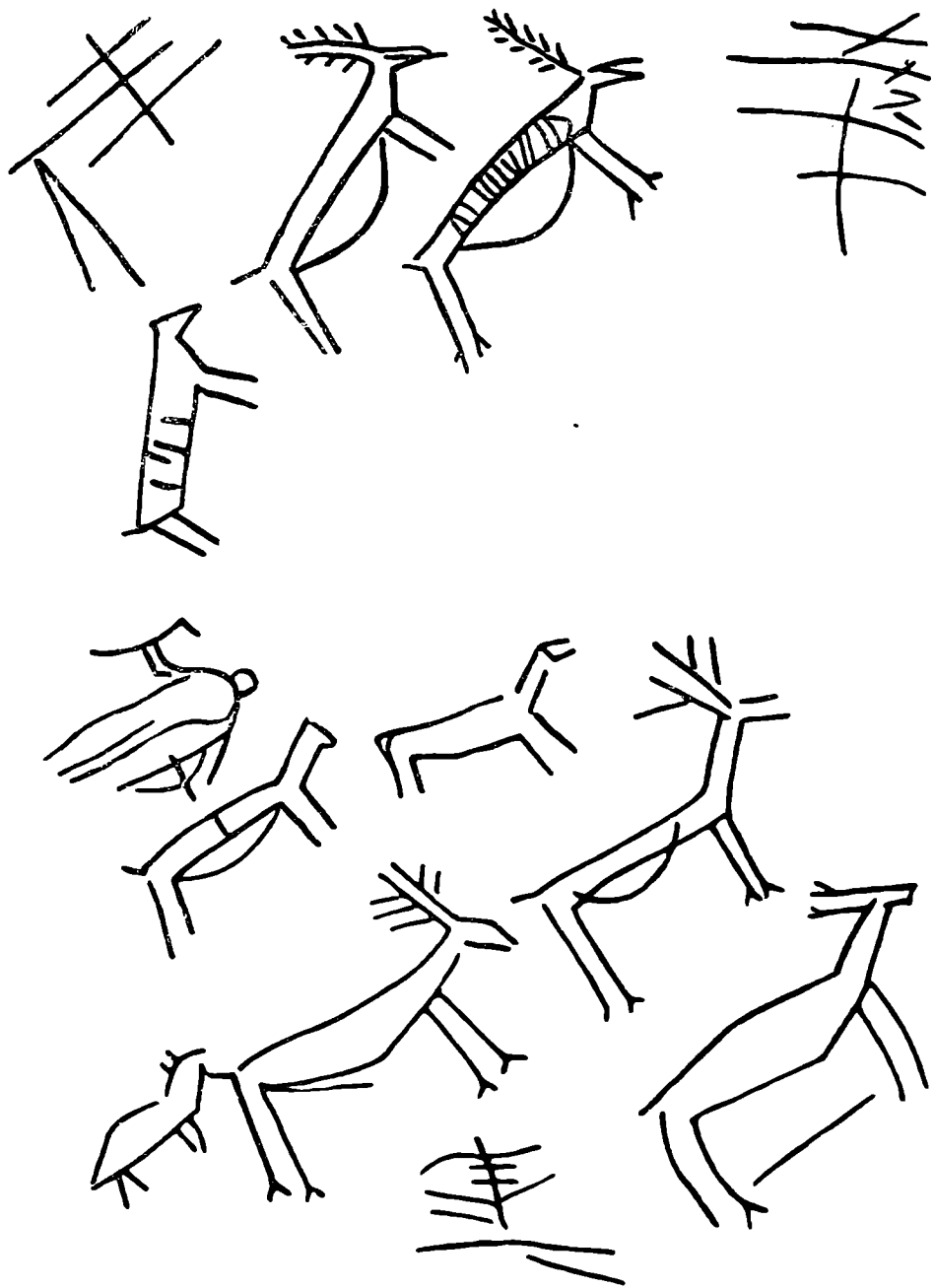

Рис. 49а—изображение стада оленей на горе Манхай ($\frac{1}{6}$ н. в.)

Вся плита с начертаниями сцены охоты, несомненно, более древнего происхождения по сравнению с остальными рисунками на горе Манхай. Контуры фигур здесь глубже, размер фигур также значительно больший, чем на всех остальных рисунках.

На рисунке (48, 4) впереди всадника высечены параллельные линии, которые, повидимому, изображают загороди (изгороди). Такие же изо-

бражения изгородей мною были найдены и на других кудинских писаницах, например, на скале Укыр (рис. 49, 3), на горе Байтог (рис. 49а) и др. Известны рисунки изгородей и на ленских писаницах.

Сравнивая рисунки на писанице Манхай с верхнеленскими писаницами, можно предполагать, что значительная часть рисунков на горе Манхай относится к древнетюркским изображениям курыканской группы. К этой же группе относятся и рисунки на горе Булук и Байтог, открытые мною в 1924 и 1928 гг.

Часть рисунков на горе Манхай, вероятно, более позднего происхождения и относится к числу древних бурятских начертаний. Местные буряты, согласно родословным, живут в Кудинских степях 17 поколений, т. е. около 550 лет.

По бурятским легендам, городища Кудинских степей приписываются «хара-монголам» (черным монголам), обитавшим здесь еще до прихода бурят. Преданий о писаницах на горе Манхай у бурят не имеется.

Против горы Манхай находится невысокая «священная» скала Укыр, на которой в 1925 г. мною были открыты замечательные рисунки, высеченные на красном песчанике. Рисунки изображают фигуры маралов, лошадей, кулана, шаманский костюм, шаманские бубны и другие знаки. Во время моей поездки в Кудинские степи в 1947 г. укырская писаница еще раз была осмотрена, но рисунков на скале уже не оказалось, так как плиты красного песчаника со скалы Укыр добываются на строительство.

По словам местного населения, в пределах Кудинских степей писаницы известны: 1) возле улуса Старо-Хоготского на скале, позади улуса; 2) в местности «Широкая Падь»; 3) в 9 км от улуса Хандагай, на горе с выходами красного песчаника; 4) около улуса Маралтуйского; 5) в местности «Нагалынские летники»; 6) на скалах выше 3 байтокского улуса по правой стороне р. Куды.

Эти писаницы мною не осмотрены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Н. Агапитов. Следы каменного века в бассейне р. Куды и по р. Унге. Известия Вост.-Сибирского отдела РГО, 1881, т. XII, № 4—5.
2. А. П. Окладников. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен. КСИИМК, 1946, вып. XIII, стр. 101.
3. А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 68—70.
4. П. П. Хороших. Древности Кудинских степей. Журн. «Бурятведение», 1930, № 3—4, стр. 85—88, с рисунками на писаницах р. Куды.
5. П. П. Хороших. Исследование каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхов). Известия Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском гос. университете, 1924, т. I, вып. 1, стр. 33—39.

П. П. ХОРОШИХ

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СКАЛЕ ЯЛБАК-ТАШ

В юго-восточной части Горно-Алтайской автономной области, на правом берегу р. Чуи (приток р. Катуня), в местности Ялбак-таш, между поселками Чибитом и Ядро, находится интересная писаница, открытая в 1912 г. художником Д. И. Кузнецовым (г. Бийск).

Рис. 50. Изображение лося, снежного барса и кабана на скале Ялбак-таш

На гладкой поверхности каменной плиты, находящейся у скалы Ялбак-таш, высечены фигуры лося, марала, снежного барса (ирбис) и дикого кабана (рис. 50 и 51).

Все фигуры животных высечены неглубоким контуром. Размер фигур от 10 до 20 см.

По стилю, сюжету и по технике исполнения рисунки на скале Ялбак-таш заметно отличаются от других известных писаниц Алтая. Наиболее натурально выполнены фигуры копытных животных — лося и марала.

Лось изображен бегущим, с характерной для этого животного размашистой рысью. Хорошо соблюдена пропорция корпуса лося, верно пере-

даны широкие рога, морда и горб на спине. Менее удачно изображены задние ноги лося. Вдоль и поперек морды лося проведены линии, сочетание которых до некоторой степени напоминает изображение узды.

Фигура марала не закончена. Художник передал только верхнюю часть туловища марала с откинутыми назад ветвистыми рогами, идущими вдоль всей спины животного.

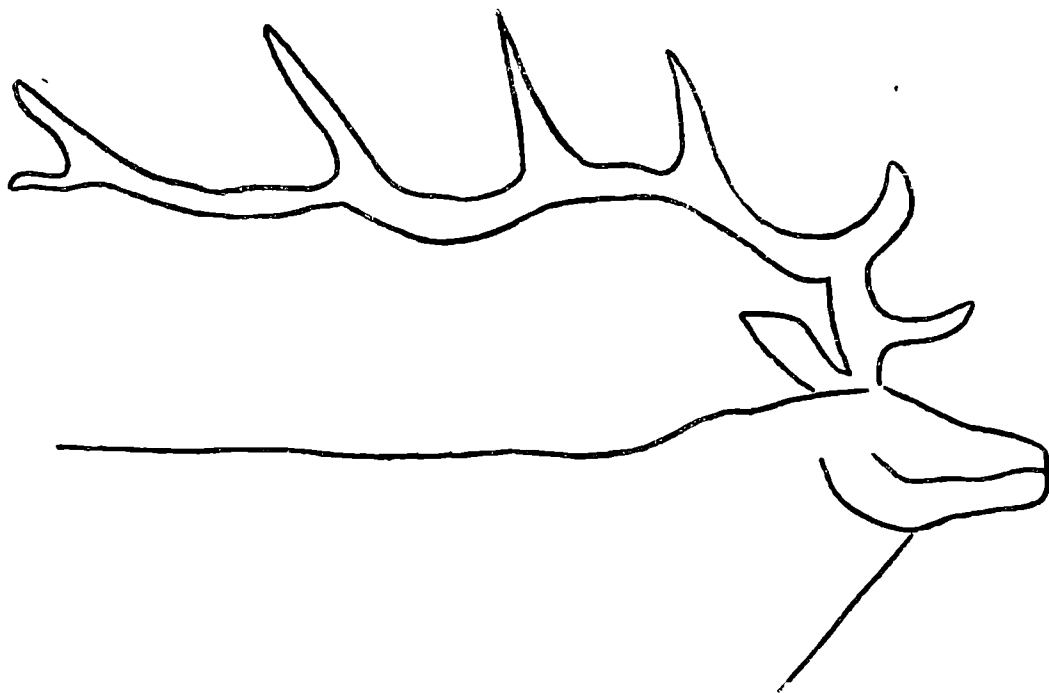

Рис. 51. Изображение марала на скале Ялбак-таш

Подобные изображения маралов с незаконченным корпусом и с ветвистыми рогами встречаются на некоторых «оленных камнях» северной и западной Монголии.

Вполне реальная передача наиболее характерных форм тела лося и марала указывает на то, что эти животные были хорошо знакомы древним обитателям Чуйской степи и, повидимому, занимали выдающуюся роль в их производственной жизни.

Снежный барс (ирбис) на скале Ялбак-таш изображен бегущим впереди лося. У этого животного живо схвачены движения, хорошо передана общая пропорция тела, морда, хвост.

В фигуре кабана реалистично передана тупая морда и горбатый корпус.

Изображения барса и кабана на писаницах Сибири встречаются редко. Такие изображения известны по р. Черному Июсу (приток р. Чулыма) на скале Пшчикты-таг, у поселка Сульфат,¹ на Сулекском петроглифе,² на писаницах Северного Казахстана, на утесе Игум по р. Тубе.

А. П. Окладников в 1936 г. открыл интересную писаницу с изображением облавной охоты на кабанов в местности «Шишкинская шаманка» по верхнему течению р. Лены.

Можно предполагать, что рисунки на писанице Ялбак-таш относятся к числу «скифо-сибирских» звериных изображений, для которых характерна округлая форма передачи корпуса животных.

¹ А. Кожевников. В степях Хакасии. Журн. «Наша Родина», 1941, № 3.

² И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на р. Енисее. Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, т. I, М., 1910.

как на стадии А, и появляются овальные пластинчатые с загнутым концом.

В целом стадия А датируется VI — VII вв.

Стадия В имеет головные венцы, ремни, жгуты из спиралей с промежутками, спинные привески. Количество височных колец увеличивается до 8 экземпляров в погребении, преобладают с «замком». Гривны того же типа. Бусы из белой массы и крупные бочонкообразные золоченые, нагрудные бляхи пластинчатые с прорезью, кольцевые застежки с длинными трубочками-перекладами. Пластинчатые браслеты с расширяющимися концами менее массивны и теряют следы расплющивания. Подвески простой формы: трапециевидные, колокольчиковидные, треугольные и др.

На стадии В преобладают уже сплошные головные жгуты большого и малого диаметра. Головные ремни немного шире, щитки у височных колец с замком становятся менее правильной формы, бусы те же, но встречаются и зеленые, полосатые или с глазком. Нагрудные пластинчатые бляхи с крышкой без прорези. На стадии В уже нет вещей, подобных вещам рязанских могильников, нет типов и с южным влиянием, а также вещей так называемого «готского типа».

Стадия В датируется VIII в. и первой половиной IX в.

В стадии С₁ головной убор достигает полного расцвета. Ширина головного ремня до 3 см. Количество височных колец доходит до 12. Щитки у замковых височных колец меньше и неправильной овальной формы. Диаметр этих колец увеличивается, а браслетообразных простых, наоборот, уменьшается. Появляются перстнеобразные проволочные кольца, наконечники становятся массивнее. Гривна с «лодочкой» заменяется гривной с граненой шляпкой. Получают распространение ажурные нагрудные бляхи с подвесками, отдельные подвески, шумящие привески и разнообразные уборы ног. Кельтовидный топор сменяется проушным с щековицами. Копья ромбической и четырехгранной формы и т. д. Эта стадия датируется второй половиной IX в. и первой половиной X в.

В погребениях стадии С₂ остатки головных жгутов, ремней и венчиков отсутствуют. Преобладают малые проволочные перстнеобразные, иногда с замком, височные кольца. Замковые браслетообразные кольца приобретают неправильный, часто чрезвычайно малый щиток. Бусы в большом количестве: желтые, синие, голубые, зеленые, а также бисер. Браслеты граненые с кружковым орнаментом и пластинчатые. Перстни со щитком и подвесками, появляются и с «усиками». Начинают встречаться шиферные пряслица. Наряду с проушными топорами с щековицами появляются топоры и без щековиц. Копья с длинным насадом, огнива с загнутыми в колечко концами. Имеются также диргеи X в., кошельки, гири.

Стадия С₂ датируется второй половиной X в. и самым началом XI в.

На стадии С₃ у височных колец с замком щиток почти отсутствует, преобладают кольца малого диаметра, встречаются завязанные кольца кривического типа. Бусы золоченые цилиндрические и биконической формы. Браслеты часто со стилизованными змеиными головками на концах. Перстни щитковые с подвесками и с завязанными концами. Среди подвесок начинают встречаться крестики и лунницы, характерны шиферные пряслица. Топоры становятся более удлиненными и узкими, встречаются секирообразные. Копья пламевидной и листовидной формы. Огнива в форме «калачика».

Стадия С₃ датируется первой половиной XI столетия.

Соответственно трем стадиям могильника выделяются три зоны постепенного расширения его площади.

5. Появление Малышевского поселения связано с периодом образования в V—VI столетиях открытых лесных поселков вдали от основной

водной артерии края. Это явление связано с ростом значения земледелия в хозяйственной жизни. Земледелие принимает примитивную пашенную форму. Появление лесных поселков и быстрый рост их населения ломает старые формы общественных связей, происходит процесс оформления поселений как относительно крупных общин, строящихся на территориальном принципе соседских общин.

Наряду с земледелием в Малышеве были развиты: скотоводство, охота, бортничество, кузнечное и литейное дело, керамическое производство, обработка дерева и кости, прядение и ткачество, швейное дело, кожевенное производство, скорняжное и шорное дело. Намечается индивидуализация некоторых производств.

К стадии C_1 — C_2 получает довольно широкое распространение торговля с Востоком.

Вскрытые на Малышевском могильнике погребения дают основание предполагать существование имущественной дифференциации среди населения, оставившего могильник.

6. Женский головной убор больше, чем остальная часть костюма, отражает в себе характерные племенные черты, а также возрастное и общественное положение женщины.

Материал Малышевского и других однотипных могильников дает основание различать девичий убор и убор замужней женщины. Головной убор девушки на стадиях B_1 — C_1 состоял из одного жгута вокруг головы, головного ремня, венчика, височных колец и накосника. Головной убор замужней женщины на тех же стадиях был из двух жгутов над теменем, головного ремня, малого венчика и височных колец.

Мужской костюм был беднее. Только в одном случае голову мужчины украшал бронзовый венец.

Малышевский могильник является одним из ценнейших памятников по истории Муромы и проливает свет на вопросы этногенеза и взаимоотношений Муромы с славянскими племенами и народами Поволжья.

А. Е. АЛИХОВА

МОРДОВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ X—XIV ВЕКОВ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Ученом Совете ИИМК АН СССР
29.XII 1947 г.)

1. Отсутствие подробных сводных работ по могильникам X—XIV вв. и описаний материалов вызвали необходимость их систематизации и обобщения, что явилось одной из главных предпосылок появления настоящей работы.

2. Письменные источники X в. указывают на существование у мордвы двух основных племен: мокши и эрзи.

3. Анализ письменных источников позволил прийти к выводу, что буртасы, отождествляемые некоторыми исследователями с мордвой-мокшей, жили значительно южнее в Северном Прикаспии или Предкавказье, вследствие чего отпадает вопрос об отнесении их к одному из мордовских племен.

4. Включению муромы в состав мордовских племен противоречат как летописные известия, так и археологический материал, дающий в корне отличный женский наряд.

5. Для могильников X в. характерно, как и для предшествующего времени, обилие металлических украшений, употребляемых не только женщинами, но и мужчинами (браслеты, застёжки).

6. Присутствие в женских могилах производственного инвентаря, как, например, топора, топора-молота, льячек, а также кусков олова и белой глины, очевидно, связанных с литейным делом, свидетельствует об отсутствии у мордвы в X в. выделившегося ремесла.

7. Господствующей формой хозяйства в это время было подсечное земледелие. Охота и рыболовство продолжали играть большую роль.

8. В IX в. прослеживается сильное аланское влияние у мордвы, заметно ослабевшее в X в.

9. В области социальных отношений в X в. наблюдается сильная имущественная дифференциация, следы рабства и развитие частной собственности.

10. Несмотря на фрагментарность материала XI—XII вв., выявляются происшедшие в материальной культуре изменения, выразившиеся в исчезновении почти всех старых украшений и появлении новых, частично местных, зародившихся еще в X в., а частично характерных для соседних северных и северо-западных славянских областей.

11. XIII век, представленный двумя могильниками, дает весьма четкий и устойчивый комплекс вещей, причем в женских могилах отсутствует, за исключением пряслиц, какой-либо производственный инвентарь. В муж-

ских могилах уменьшился и изменился ассортимент хозяйственного и производственного инвентаря и исчезли украшения.

12. В обряде погребения женщины появилась новая стойкая черта — это положение умерших скорченно на боку, с руками, расположенными у лица.

13. Ряд украшений свидетельствует о болгарском влиянии, распространенном у мордвы в этот период.

14. В XIV в., представленном значительно большим количеством могильников, прослеживаются дальнейшие незначительные изменения в производственном и бытовом инвентаре. В украшениях происходит смена форм, характерных для XIII в., причем среди них имеется большое количество предметов болгаро-татарской работы.

15. Появление еще в X в. широколезвийной формы топора, характерной и для последующего времени, а также находка резака от плуга свидетельствуют о переходе в XI в. к пашенному земледелию.

16. В целом анализ могильников X—XIV вв. приводит к выводу, что на рубеже I и II тысячелетий у мордвы происходят коренные изменения в материальной культуре, отражающие глубокие социально-экономические изменения.

17. Развитие пашенного земледелия привело к индивидуализации сельского хозяйства и появлению частной собственности, что послужило главным толчком к распаду родовых отношений в X в.

18. Однако процесс феодализации не получил должного развития вследствие неблагоприятно сложившейся исторической обстановки.

П. А. РАППОПОРТ

РУССКОЕ ШАТРОВОЕ ЗОДЧЕСТВО КОНЦА XVI ВЕКА

(Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета
ЛОИМК АН СССР 12.XI 1947 г.)

Русское каменное шатровое зодчество в своем происхождении теснейшим образом связано с народной деревянной архитектурой. Появление шатровых памятников, резко порывающих с византийской архитектурной традицией и являющихся одной из наиболее своеобразных национальных форм во всей русской архитектуре, было вызвано серьезными изменениями в политико-экономической жизни России в первой половине XVI в. Отражая идеологию крепнувшего абсолютизма, шатровые памятники являлись монументами, отмечавшими, подобно скульптурным памятникам, наиболее важные события в истории России. Поэтому в шатровых церквях, имевших очень небольшое внутреннее пространство, все внимание обращалось на внешний облик сооружений. Одновременно с шатровыми церквями в России продолжали в большом количестве строиться и церкви других типов.

Конец XVI в. в истории русской архитектуры является периодом, ограниченным четкими хронологическими рубежами: с одной стороны, «кризисом 70—80-х годов», вызвавшим почти полное прекращение капитального строительства, и, с другой стороны, событиями так называемой Смуты.

Изучение памятников шатрового зодчества этого периода, в их связи с развитием самого типа шатровых церквей и на фоне культурно-идеологической обстановки этого времени, приводит к следующим выводам.

I. В конце XVI в. внешнеполитическое положение России требовало немедленного укрепления ее границ и создания мощных каменных крепостей. Однако после «кризиса 70—80-х годов» строительные возможности были крайне ограничены. Именно в связи с настоятельными требованиями военно-оборонительного строительства московское правительство для ликвидации последствий «кризиса» пошло на концентрацию всех строительных сил страны в руках государства. Одним из основных мероприятий в этой области была организация Приказа каменных дел. Для выполнения более крупных и важных государственных заданий, кроме сил, имевшихся в распоряжении Приказа, иногда приходилось производить также очень широкую мобилизацию всех ремесленников, способных изготовлять кирпич или вести каменную кладку. Правительство Годунова не останавливалось даже перед такими крайними мерами, как запрещение всякого каменного строительства, не связанного с государственными заказами.

Таким образом, огромные строительные мероприятия, осуществленные в конце XVI в., были проведены с крайним напряжением всех сил страны и под непосредственным контролем правительства.

Основное значение в этот период, в отличие от середины XVI в., имело не церковное, а военное строительство. На восточной и южной границах России производилось интенсивное строительство новых городов, большинство которых строилось в виде деревянных крепостей. В Москве в конце XVI в. были построены деревянные стены вокруг посадов, а также каменный «Белый» город. В этот же период были построены каменные стены Смоленска, часть Можайских стен, Борисов городок и несколько каменных укреплений в монастырях, имевших в это время военное значение. Однако, несмотря на напряженное военно-оборонительное строительство, достаточно широко ведется в это время и строительство церквей, главным образом по заказам, связанным с ближайшим окружением царского двора. Для обширных строительных замыслов Бориса Годунова характерно его намерение построить в Москве огромный храм «святая святых», о начале строительства которого сообщают письменные источники.

Концентрация всех строительных сил в руках правительства позволила провести стандартизацию строительных материалов и даже отчасти конструктивных приемов. Подавляющее большинство архитектурных памятников конца XVI в. возведено из строительных материалов, имеющих стандартные размеры — семивершковый кирпич и аршинный белый камень.

II. К концу XVI в. относятся следующие шатровые памятники.

1) Церковь Петра Митрополита в Переяславле-Залесском. Судя по имевшимся в церкви древним антиминсам, постройка памятника относится к 1584 г. Некоторые данные позволяют утверждать, что церковь построена на средства царской казны и находилась на «государевом дворе». В плане здание — крестообразно, что редко для шатровых церквей.

2) Спасо-Преображенская церковь в селе Спасское-Тушино под Москвой, разобранная в XIX в. На основании данных писцовых книг церковь эта датируется 1586 г. Сохранившиеся рисунки и чертежи церкви позволяют реконструировать ее облик с достаточной полнотой. Церковь небольших размеров и, видимо, построена местными монастырскими силами.

3) Богоявленская церковь в Красном Селе была построена Борисом Годуновым в его Костромской вотчине и датируется на основании клировых ведомостей 1592 г. Центральное здание церкви стоит на арочном подклете и имеет примыкающие с севера и юга небольшие приделы. С трех сторон церковь обходила, ныне застроенная, открытая паперть. Памятник отличается исключительным богатством архитектурных деталей.

4) Церковь Смоленской богородицы в селе Кушалино. На основании церковных летописей и других исторических данных церковь датируется 1592 г. Построена церковь «царем» Симеоном Бекбулатовичем в его вотчине, куда он был сослан Годуновым. Памятник обладает рядом своеобразных особенностей, связанных со вкусами его заказчика. Постройка церкви, очевидно, была осуществлена тверскими мастерами.

5) Георгиевская церковь в Серпуховском Владычном монастыре. Сопоставление данных истории монастыря с событиями, происходившими в Серпухове, позволяет с достаточной уверенностью предполагать, что эта церковь, как и все оборонительные сооружения монастыря, построена в 1599 г., причем постройка была, видимо, осуществлена с помощью централизованных строительных сил. Церковь, имеющая план в виде квадрата без абсид, построена при трапезной и входит в комплекс монастырских сооружений. Памятник очень лаконичен по декоративному убранству, однако отличается продуманностью и изяществом исполнения.

6) Никольская церковь бывшего Покровского монастыря в Балахне. Согласно данным ныне утерянных клировых ведомостей, которые подтверждаются также косвенными историческими сведениями, постройка эта относится к 1600 г. Церковь имеет сравнительно большие размеры, но

отличается тяжеловесностью пропорций и грубостью деталей. Вокруг церкви обходила не дошедшая до нас деревянная паперть. Постройка была исполнена, несомненно, местными мастерами и представляет собой провинциальную интерпретацию форм шатрового зодчества.

7) Наиболее важным шатровым памятником гоудуновского времени являлась Борисоглебская церковь в Борисове городке. Борисов городок, находившийся в 10 км южнее Можайска, был личным замком, резиденцией царя Бориса. Построенный сразу же после воцарения Гоудунова комплекс сооружений Борисова городка, включая и замечательную шатровую церковь, являлся памятником восшествия на престол новой династии. Памятник этот уничтожен в начале XIX в., однако сохранившиеся в архивах рисунки и чертежи, старинные описания, а также существующие доныне остатки стен и фундаментов позволяют довольно полно восстановить в общих чертах облик всего комплекса. Законченная в 1603 г. Борисоглебская церковь являлась личной церковью царя Бориса и представляла собой колоссальный монумент,—стороны ее подшатрового квадрата имели около 15 м, а высота церкви без креста была почти 74 м. Таким образом, эта церковь была выше церкви в Коломенском и почти равнялась по высоте колокольне Ивана Великого, что ставит этот памятник в совершенно исключительное положение в русской архитектуре XVI в. По замечательному единству композиции, продуманности и богатству форм Борисоглебская церковь несомненно являлась одним из наиболее выдающихся памятников всего древнерусского зодчества, а в конце XVI в. представляла собой центральный в художественно идеологическом отношении архитектурный памятник.

Памятники эти до настоящего времени были почти совершенно не изучены. Так, церковь в Красном Селе опубликована без обмеров и с чрезвычайно кратким описанием. Церковь в Спасском-Тушине считается недатированным памятником, а церкви в Балахне и в Серпуховском Владычном монастыре известны лишь по беглым упоминаниям. Церковь Борисова городка вообще мало известна в научной литературе.

III. Выступая как исключительно редкое явление еще в первой половине XVI в., шатровые памятники начинают строиться в большом количестве в середине XVI в. Временем наиболее интенсивного шатрового строительства являются 50-е и 60-е годы XVI в. В конце 60-х годов каменное строительство в России в связи с «кризисом» резко падает, что отражается также и на шатровых памятниках, строительство которых в 70-х годах совершенно прекращается. Приблизительно к середине 80-х годов московскому правительству путем осуществления ряда мероприятий удается вновь оживить каменное строительство и одновременно с этим вновь начинается и строительство шатровых церквей. В конце XVI в. шатровые памятники продолжают строиться в довольно значительном количестве и никаких признаков замирания или вырождения шатрового зодчества в этот период не наблюдается.

Таким образом, изучение шатровых памятников конца XVI в. дает возможность выявить, что в течение всей второй половины XVI в. каменные шатровые памятники были широко распространенным архитектурным типом эпохи.

Соотношение между различными архитектурными типами в зодчестве конца XVI в. остается в основных чертах таким же, как и в середине этого века. Одним из ведущих в художественном отношении церковных типов попрежнему остается тип шатровой церкви, имеющей обычно мемориальное значение и в большинстве случаев попрежнему связанной с ближайшим окружением царского двора.

IV. В шатровых памятниках конца XVI в. имеются некоторые осо-

бенности, характерные только для этого периода, которые появляются не ранее 80-х годов XVI в. Такой новой чертой является прежде всего стандартизация плановых типов шатровых памятников, которая сказывается в том, что в конце XVI в. подавляющее большинство шатровых церквей имеет одинаковый тип плана — квадратное помещение с тремя абсидами. Некоторые конструктивные формы русского зодчества в шатровых памятниках конца XVI в. уже полностью теряют свое первоначальное конструктивное значение и становятся лишь декоративными элементами. Так, например, закомары, очень часто применяемые в шатровых памятниках конца XVI в., являются уже всегда по существу только кокошниками. Не ранее 80-х годов XVI в. появляется в шатровых памятниках такая архитектурная деталь, как расположение у основания шатра полосы мелких кокошников, помещенных в один ряд, по три кокошника на каждой грани. Наиболее характерной стилистической особенностью шатровых памятников конца XVI в. является чрезвычайная скромность их декоративного оформления, малая рельефность профилировки и некоторая общая сухость и графичность архитектурных форм.

Таким образом, шатровые постройки конца XVI в. отличаются рядом только им присущих архитектурных особенностей и представляют собой поэтому самостоятельную группу памятников.

Выявление форм и особенностей, характерных для шатровых памятников конца XVI в., позволяет с достаточной уверенностью датировать этим же временем и еще три недатированных шатровых церкви — Благовещенскую церковь Лютикова монастыря, Введенскую церковь Болдина монастыря и Преображенскую церковь в селе Спасском на Угре.

V. Анализ композиции лучших шатровых памятников конца XVI в. и особенно наиболее выдающегося из них, церкви Борисова городка, показывает высокую художественную и техническую культуру строивших их мастеров и великолепное понимание русскими зодчими этого периода художественно-композиционных задач. Стройные пропорции шатров с соотношением основания к высоте, как 1:1.5 или даже 1:2, являются характерными для шатровых памятников не только XVI, но и XVII в. Приземистые шатры с соотношением основания к высоте около 1:1, встречающиеся в конце XVI в., отражают не хронологическое изменение стиля, а лишь провинциальную переработку форм шатрового зодчества.

Строгое единство композиции, которое так характерно для шатровых памятников XVI в., к концу века становится даже еще строже, так как сложные композиции типа собора Василия Блаженного или церкви Бориса и Глеба в Старице в конце XVI в. совершенно не употребляются. Такие элементы, нарушающие единство шатровой композиции, как многошатровость, наличие высоких боковых глав или колоколен, появляются в русской архитектуре не ранее 20-х годов XVII в. Внутреннее пространство церквей также остается совершенно единым и шатер во всех случаях открыт изнутри. Архитектурный образ шатровых памятников до самого конца XVI в. в основных своих чертах не изменяется. Шатровые церкви этого времени, прежде всего, не только культовые сооружения, но почти гражданские столпы-памятники, теснейшим образом связанные с идеями развития централизованного русского государства, с идеями мощи и величия Руси.

Шатровые памятники конца XVI в. достаточно четко отличаются от памятников XVII в. В то же время, несмотря на наличие ряда очень своеобразных стилистических особенностей, они почти неотделимы от памятников предшествующего периода. Поэтому все шатровое зодчество от первой половины XVI в. до «Смуты» в целом может рассматриваться как один период в истории русской архитектуры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник Древней Истории
ГАИМК — Государственная Академия Истории Материальной Культуры
ГИМ — Государственный Исторический Музей
ГРМ — Государственный Русский Музей
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
Зап. УОЛЕ — Записки Уральского Общества любителей естествознания
ЗВО РАО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества
ЗИН АН СССР — Зоологический Институт Академии Наук СССР
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры
ИИМК АН СССР — Институт Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института Истории Материальной Культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР
ЛГУ — Ленинградский Государственный Университет
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии Наук
МГУ — Московский Государственный Университет
ОАК — Отчеты Археологической Комиссии
ПИМК — Проблемы Истории Материальной Культуры
РАНИОН — Российская Ассоциация Научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское Географическое Общество
СЭ — Советская Этнография
Узкомстарис — Узбекская Комиссия по охране памятников старины и искусства
-

СОДЕРЖАНИЕ

За партийность в археологической науке!	3
I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ	
<i>А. П. Окладников.</i> Неолитические погребения на Афонтовой горе	7
<i>М. Е. Фосс.</i> К методике определения каменных орудий	14
<i>А. П. Смирнов.</i> Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате)	22
<i>С. В. Киселев.</i> Письменность енисейских кыргызов	33
II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Т. С. Пассек.</i> Селища эпохи бронзы в районе Канева	42
<i>А. А. Формозов.</i> Кельтеминарская культура в Западном Казахстане	49
<u>Н. А. Прокошев.</u> Памятники эпохи бронзы в устье Камы	59
<i>В. Н. Чернецов.</i> Зеленая горка близ Салехарда	67
<i>А. Н. Липский.</i> Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 г.	75
<i>С. В. Киселев.</i> Лугавская стоянка	87
<i>В. П. Левашева.</i> Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной области	91
III. ИНФОРМАЦИЯ	
<i>М. Е. Фосс.</i> <u>М. В. Воеводский</u> 	103
<i>Н. Н. Воронин.</i> <u>Л. А. Дивцес</u> 	106
<i>В. И. Зубков.</i> Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок	109
<i>Р. Б. Ахмеров.</i> Древние погребения в г. Уфе	113
<u>Н. Н. Бортвин.</u> Находка на горе Азов на Урале	118
<i>П. П. Славнин.</i> Каменный жезл с головкой коня	125
<i>П. П. Хороших.</i> Писаницы на горе Манжай	127
<i>П. П. Хороших.</i> Изображения на скале Ялбак-таш	132
IV. ТЕЗИСЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ	
<i>А. Ф. Дубынин.</i> Малышевский могильник (К истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э.)	134
<i>А. Е. Алихова.</i> Мордовские могильники X—XIV веков	137
<i>П. А. Раппопорт.</i> Русское шатровое зодчество конца XVI века	139
Список сокращений	143

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Попова*. Технический редактор *Н. А. Колзурина*. Корректор *В. К. Гарди*

РИСО АН СССР № 3403. А—03225 Издат. № 1734 Тип. заказ № 1886 Подп. к печ. 16/III 1949 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Печ. л. 9. Уч.-издат. 12¹/₄. Тираж 2000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
16	4 св.	Г. Е. Чернова	Г. А. Чернова
31	9—10 св.	Подчермского	Подчеремского
59	18 св.	Марийской автономной АССР	Марийской АССР
66	7 св.	Маклашевке II	Маклашеевке II
72	26 св.	(рис. 24, 7)	(рис. 24, 8)
72	11 св.	(рис. 24, 4)	(рис. 24, 14)
93		Отсутствует в условных обозначениях на рис. 34 6 1	
96	4 св.	с. Луговское	с. Лугавское
106	15 св.	а у	и у

Кратк. сообщения ИИМК. вып. XXV